

61: 05-7 / 944

Министерство по образованию и науке Российской Федерации

Федеральное агентство по образованию

Волгоградский государственный педагогический университет

На правах рукописи

Голицын Юрий Петрович

**Правительственная политика по отношению к дворянскому
винокурению во второй половине XVIII века**

Специальность 07.00.02 – «Отечественная история»

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель –
доктор исторических наук

Е. Ю. Болотова

Волгоград – 2005

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Государственное регулирование винокуренного производства во второй половине XVIII в.	37
1.1. Установление и окончательное оформление дворянской монополии на винокурение	37
1.2. Меры правительства по преодолению последствий подъема хлебных цен в середине 1760-х годов	58
1.3. Отношение дворянства к правительственной политике	75
1.4. Проблема минимизации бюджетных потерь от Крестьянской войны 1773-1775 годов	82
1.5. Правительственная политика в 1780-1790-х годах	89
Глава 2. Российское законодательство о производстве и поставке вина	102
2.1. Заключение договора на поставку вина	102
2.2. Производство вина	106
2.3. Перевозка вина	109
2.4. Прием вина и оплата за него	112
2.5. Обеспечение выполнения контрактов	114
2.6. Нарушения законодательства и злоупотребления чиновников	117
Глава 3. Влияние правительственной политики на дворянское винокурение во второй половине XVIII в.	133
3.1. Центрально-Нечерноземный район	133
3.2. Центрально-Черноземный район	145
3.3. Волжский район	154
3.4. Западный, Северный и Восточный районы	167
Заключение	180
Список использованных источников и литературы	186
Архивные фонды	186
Опубликованные источники	187
Литература	191

Введение

Актуальность темы исследования. Во второй половине XVIII в. в экономике России, несмотря на господство крепостничества, происходили изменения, вызванные развитием товарно-денежных отношений и расширением внутреннего рынка. В сельском хозяйстве черты нового были заметно слабее, но, тем не менее, данный период можно охарактеризовать как время развития товарного производства аграрных продуктов. Стараясь повысить доходность своих имений, помещики, с одной стороны, усиливали эксплуатацию крестьян, а с другой – переходили на ведение предпринимательского хозяйства, открывали в имениях промышленные предприятия, брали подряды на поставку какой-либо продукции в казну, начинали активно заниматься торговлей, ростовщичеством, откупами. Особенно большое распространение получило поощряемое правительством строительство винокуренных заводов.

Дворянская винокуренная промышленность была одной из самых популярных у помещиков отраслей предпринимательства и оказала несомненное влияние на феодально-аграрное хозяйство, так как эта область деятельности была связана с переработкой сельскохозяйственной продукции.

Развитие промышленного производства в XVIII в. во многом зависело от внутренней политики абсолютистского государства, которая формулировалась в именных указах самодержцев и конкретизировалась в решениях высших правительственных учреждений и местных административных органов. Наиболее сильно подобная зависимость отражалась на развитии отраслей, удовлетворявших потребности самого

феодалного государства. В число таких отраслей входило и винокуренное производство.

Однако политика самодержавия в отношении отдельных отраслей промышленности, за редким исключением (например, металлургической, суконной и стекольной¹), остается не изученной. Не ясны ее экономические последствия, в том числе и для винокурения. А ведь во второй половине XVIII в. доходы казны от кабацких пошлин и питейных откупов росли очень быстро. В 1749 г. они составляли 1,26 млн. руб., в 1751 г. – 2,27 млн. руб., в 1755 г. – 2,66 млн. руб., в 1759 г. – 3,13 млн. руб., в 1762 г. – 3,45 млн. руб., в 1771 г. – 6,64 млн. руб., в 1783 г. – 9,42 млн. руб., в 1786 г. – 9,56 млн. руб. В 1795 г. из всех государственных доходов (68,3 млн. руб.) питейные составляли 24,1 млн. руб., т.е. 32,3% всех государственных доходов². По другим сведениям, «после подушной подати во второй половине XVIII в. второе место занимали доходы от питейных сборов»³. Таким образом, можно говорить о том, что государство в тот период было прямо заинтересовано в аккуратной поставке вина помещиками, так как питейный сбор составлял важнейшую часть государственных доходов.

В исследовании подробно не разбираются вопросы, связанные с продажей вина. Но так как этот аспект правительственной политики тесно связан с производством, иногда его все-таки приходится затрагивать. Поэтому сразу отметим, что во второй половине XVIII в. в стране

¹ Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII в.: Заводы и заводовладельцы. М., 1962; Певзнер И.В. Суконная промышленность России на рубеже XVIII и XIX вв. и экономическая политика правительства // Исторические записки. №102. М., 1978; Юрчук К.И. Вотчинные мануфактуры в стекольной промышленности России в конце XVIII–первой половине XIX века (к проблеме генезиса капитализма). Воронеж, 1988.

² Яковцевский В.Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953. С.155.

³ Хромов П.А. Очерки экономики феодализма в России. М., 1957. С.356.

существовала государственная монополия на продажу вина, которая осуществлялась двумя способами – путем сдачи кабаков в откупное содержание и через казенную продажу «на вере», иногда они сосуществовали. В первом случае вино в розницу продавали откупщики («коронные поверенные»), отдававшие государству указанную в договоре денежную сумму за право торговли на определенной территории (губернии, уезде или городе). Во втором случае руководство продажей вина возлагалось на выборных из купечества («верные кабацкие головы»), выполнявших свои обязанности безвозмездно, как повинность.

Этим определяются и актуальность, и сложность изучения данной темы, и масштабы исследовательской работы.

Степень изученности проблемы. Одним из первых в середине XIX в. вопрос о политике правительства в отношении винокурения включил в свое исследование о финансовой политике Российской империи Д. Толстой, который на основе законодательства того периода дал краткую характеристику частному и казенному изготовлению вина, порядку заключения подрядов и продаже вина во второй половине XVIII в.¹

Богатством использованного материала отличаются «Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II», автор которых Н.Д. Чечулин большое внимание уделил и питейному сбору, занимавшему, по его данным, «второе место по величине в бюджете государственных доходов»². В соответствии с поставленной задачей, рассуждая о винной продаже, автор затронул и вопросы производства. Особенно подробно он остановился на проблеме корчемства, так как незаконное производство и

¹ Толстой Д. История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II. СПб., 1848. С.152-157.

² Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С.153.

продажа вина наносили большой урон государственной казне, а также на заведении казенных заводов, которые должны были обеспечить бесперебойное снабжение государственных складов вином для продажи его откупщикам.

В XIX – начале XX в. вопросу о продаже алкогольных напитков и питейных откупах уделялось гораздо больше внимания, чем вопросу о производстве вина¹. Тем не менее, в целом ряде исследований содержатся сведения о правительственной политике и дворянском винокурении.

В дореволюционной литературе можно найти довольно большой круг работ, где анализировались законодательные аспекты подрядов и поставок частных лиц, в том числе и помещиков, в казну², но лишь небольшая брошюра профессора Казанского университета Н.Н. Фирсова, появившаяся в конце XIX в., была посвящена непосредственно законодательству о вине в XVIII в.³ Автор этого исследования хотел «воспроизвести пред читателем характерные черты правительственной регламентации «винного вопроса» в XVIII ст.». Он подробно остановился на казенной и откупной системах продажи вина, на проблеме корчемства, но вопросы производства вина изложены им достаточно сжато. Однако

¹ См., например Прыжов И.Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб., 1868; Пахомов С.А. Взгляд на прошедшее и настоящее состояние винокурения в России. Одесса, 1866; Еремеев С.Т. Питейный вопрос. Киев, 1874; Войнович И. Питейный вопрос. СПб., 1876; Нольде Э.Д. Питейное дело и акцизная система. Ч.1-2. СПб., 1882; Воейков Д.И. Казенная продажа вина. М., 1886; Фридман М.И. Винная монополия. Т.1-2. СПб.-Пг., 1914-1916.

² См., например, Кранихфельд А.И. Начертание российского гражданского права в историческом его развитии. СПб., 1843; Неволин К.А. История российских гражданских законов. Т.1-3. СПб., 1851; Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Ч.1-3. СПб., 1871-1880; Анненков К.Н. Система русского гражданского права. Т.1-6. СПб., 1899; Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи. СПб., 1899; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Изд.7-е. Пг.-Киев, 1915.

³ Фирсов Н.Н. Русское законодательство о хлебном вине в XVIII ст. (Страница из истории права XVIII ст.). Казань, 1892.

этой работе присущ целый ряд недостатков. Так, не были использованы некоторые крупные законодательные акты, в частности, Устав о вине 1781 г. Имеются и фактические неточности. Говоря об указах Петра I, Фирсов констатировал, что в числе дворянских привилегий, полученных ими в тот период, «главнейшую экономическую роль сыграла несомненно та, которая заключалась в исключительном праве дворян на винокурение»¹.

В трудах некоторых историков права также встречаются ошибки. Так, В.Н. Латкин писал, что Устав о винокурении «подтвердил исключительное право дворян на курение вина, но лишил их права подряда на поставку последнего»². Схожей точки зрения придерживался и Г.В. Вернадский, который считал, что «Устав о винокурении 1765 г. предоставил дворянам только право курить вино, поставка же вина и откупа объявлены были привилегией купечества»³. Это не соответствует фактам, ведь с 1755 г. купцам было запрещено иметь винокуренные заводы, а основными поставщиками вина стали помещики.

Вопрос об отношении дворянства к винокурению является составной частью исследований по истории Уложенных комиссий второй половины XVIII в. Историки не могли не обратить внимание на многочисленные просьбы об изменении законодательства о вине, которые дворянство и купечество включали в указы своим депутатам. Поэтому практически во всех работах есть упоминания об этих просьбах, однако подробного анализа данного вопроса никто не делал⁴.

¹ Фирсов Н.Н. Указ. соч. С.2.

² Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII ст. СПб., 1887. С.286.

³ Вернадский Г.В. История права. СПб., 1999. С.81.

⁴ Пахман С.В. История кодификации гражданского права. Т.1. СПб., 1876; Латкин В.Н. К истории кодификации в России в XVIII ст. // Журнал Министерства юстиции. 1902. №.5; Рубинштейн Н.Л. Уложенная комиссия 1754-1766 гг. и ее проект

Отдельные стороны правительственной политики относительно дворянского винокурения отражены в дореволюционных работах, посвященных истории высших государственных учреждений Российской империи¹.

В советской историографии проблемы винокуренной промышленности рассматривались в основном в исследованиях, касавшихся других отраслей экономики. Так, отдельные сведения о помещичьем винокурении можно встретить в работах, характеризующих уровень развития аграрного строя страны². В монографии Н.Л. Рубинштейна о сельском хозяйстве России во второй половине XVIII в. дворянскому винокурению отведено всего несколько страниц. Несмотря на это, автору удалось, основываясь на данных экономических примечаний Генерального межевания и впервые использованных нескольких ведомостей винокуренных заводов за 1795 г., показать широкое распространение в некоторых губерниях помещичьих винокуренных предприятий³.

нового уложения «О состоянии подданных вообще»: (К истории социальной политики 50-х–начала 60-х годов XVIII в.) // Исторические записки. Т.38. М., 1951; Недосекин В.И. Наказы в Законодательную комиссию 1767 г. от Воронежской губернии как исторический источник (К вопросу о формировании капиталистического уклада в черноземной губернии). Автореф. дис. канд. ист. наук. Воронеж, 1953; Омельченко О.А. Комиссия о составлении проекта нового уложения 1767 г. и развитие русского права во второй половине XVIII века (к постановке вопроса) // Очерки кодификации и новеллизации буржуазного гражданского права. М., 1983.

¹ Даневский П.Н. История образования Государственного совета в России. СПб., 1859; История Правительствующего Сената за 200 лет. Т.1-3. СПб., 1911.; 200-летие Кабинета е.и. Величества, 1704-1904. СПб., 1911.

² Булыгин И.А. Положение крестьян и товарное производство в России. Вторая половина XVIII в. (По материалам Пензенской губернии). М., 1966; Индова Е.И. Аграрный строй России в XVIII в. М., 1966; Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII-начала XX в. Опыт количественного анализа. М., 1974; Миронов Б.М. Хлебные цены России за два столетия (XVIII-XIX вв.) Л., 1985.

³ Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957.

Значительный вклад в изучение проблемы внес Н. И. Павленко¹. Он впервые ввел в научный оборот ведомости винных подрядчиков 1753, 1765 и 1779 годов, полнее, по сравнению с Н.Л. Рубинштейном, использовал ведомости 1795 г. Новым стало рассмотрение этой области дворянского предпринимательства в тесной связи с процессом развития товарно-денежных отношений, с экономическими процессами, проходившими в России во второй половине XVIII в. Автор нарисовал общую картину увлечения дворянства винокуренным производством, выявил определенные закономерности развития данной отрасли промышленности. Кроме того, он впервые обратил внимание на использование правительством сведений специально подготовленных ведомостей при подготовке новых законодательных актов и принятии важных экономических решений.

Вопрос о винной монополии затрагивался в исследовании С.М. Троицкого «Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке»². Для характеристики отношения правительства к производству вина автор использовал данные ведомостей о винных поставщиках, введенные в научный оборот Н.И. Павленко. Особой заслугой Троицкого является впервые проведенный подробный анализ чиновничьих проектов, в которых речь шла о запрещении «партикулярного» (частного) и расширении казенного винокурения, а также о пресечении корчемства. Он обнаружил в архивных фондах и описал проекты вице-президента Камер-коллегии Кисловского, князя И.В. Одоевского, сенатора А.Б. Бутурлина, архивариуса Лялина, генерал-поручика А.П. Мельгунова³.

¹ Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII в.: Заводы и заводовладельцы. М., 1962. С.436-455.

² Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966.

³ Там же. С.152-155.

В другой своей монографии С.М. Троицкий, касаясь ситуации с винокурением во второй половине XVIII в., приводит множество примеров занятия предпринимательством, в том числе винокурением, высокопоставленных правительственных чиновников¹.

Специального упоминания заслуживают работы К.И. Юрчук и М.Я. Волкова, которые, хотя и выходят за хронологические рамки интересующего нас периода, затрагивают и винокуренное производство второй половины XVIII в.

К.И. Юрчук подробно проанализировала размещение, размеры и технику винокуренного производства в первой половине XIX в., производственные отношения на винокуренных заводах, рынки сырья и сбыта, а также правительственную политику в указанный период. Однако в диссертации есть некоторые неточности. Так, автор говорит, что заводы, на которых выкуривалось около 5000 ведер вина в год, были «предприятиями мануфактурного типа», но этот тезис не подкрепляется никакими доказательствами². Во-вторых, Юрчук, рассуждая о введении дворянской монополии на винокурение в середине 1750-х годов, считает, что к этому моменту среди заводоладельцев преобладали дворяне. Доказательство она видит в том, что на купеческие заводы приходилось 1,7 млн. ведер вина из 4 млн. ведер, произведенных в 1754 г. на всех предприятиях «русских губерний»³. При этом автор не учла, что помимо частных были еще и казенные винокуренные заводы, а кроме того, по данным Н.И. Павленко, в 1753 г. вино в казну поставлялось с 264

¹ Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке (формирование бюрократии). М., 1974. С.349-351.

² Юрчук К.И. Помещичье промышленное предпринимательство в России в первой половине XIX в. (На материалах винокуренной промышленности). Дис. канд. ист. наук. Черновцы, 1974. С.33.

³ Там же. С.34.

дворянских заводов и 277 купеческих, производственные же мощности последних по объему кубов и казанов превосходили дворянские в 1,7 раза¹. Таким образом, о преобладании дворянского винокурения говорить нельзя.

В 1801 г., по мнению К.И. Юрчук, в стране (без Пензенской и трех прибалтийских губерний) насчитывалось 2482 винокуренных завода². Эта цифра явно завышена за счет учета, наряду с крупными предприятиями, мелких домашних винокурен, не поставлявших вино в казну. А заводами по законодательству того времени считались только заведения, с которых осуществлялись поставки по подрядам.

М.Я. Волков в своей монографии подробно характеризует политику правительства в XVII–первой половине XVIII в. и ее влияние на эволюцию всех типов винокуренных заведений – «домовых», казенных, купеческих, дворцовых и помещичьих³. По итогам анализа он констатирует, что в этот период «винокуренная промышленность по численности предприятий, размерам товарной продукции, ее стоимости и формам организации производства принадлежала к наиболее развитым отраслям промышленности России»⁴. При этом Волков относит все виды винокуренных предприятий к капиталистической мануфактуре, основываясь, прежде всего, на наличии в источниках упоминаний нескольких специальностей рабочих людей на заводах.

Сословные феодальные привилегии достаточно подробно рассматривались в дореволюционных исследованиях о роли дворянства в

¹ Павленко Н.И. История металлургии... С.438.

² Юрчук К.И. Помещичье промышленное предпринимательство... С.44.

³ Волков М.Я. Очерки истории промыслов России: Вторая половина XVII-первая половина XVIII в.: Винокуренное производство. М., 1979.

⁴ Там же. С.314.

России¹. В советское время эта тема была продолжена в работах о состоянии вотчинных хозяйств отдельных помещиков². В них можно найти некоторые сведения и о дворянском винокурении.

Особняком стоит диссертационное исследование С.А. Гомаюнова о дворянском промышленном предпринимательстве Волго-Вятского региона в конце XVIII–первой половине XIX в.³ В качестве примера для подтверждения своих тезисов автор достаточно часто использует помещичье винокурение, с одной стороны, подчеркивая его скачкообразное развитие, а с другой – показывая масштабы его роста и усиление конкуренции.

Проведя подробный анализ состояния вотчинной промышленности региона, Гомаюнов пришел к выводу, что «в винокурении, сахароварении, медеплавильном производстве, сукноделии и некоторых других отраслях правительство вводило ограничения, устанавливало жесткую регламентацию производства и сбыта товаров, что вызывало немало нареканий со стороны помещиков»⁴.

В 1990-е годы интерес к истории производства и продажи спиртных напитков в России значительно вырос. Прежде всего, стоит сказать об

¹ Романович-Славатинский А.В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870; Яблочков М. История дворянского сословия в России. СПб., 1876.

² Щепетов К.Н. Крепостное право в вотчинах Шереметьевых. М., 1947; Катаев И.М. На берегах Волги. История Усольской вотчины графов Орловых. Челябинск, 1948; Казарина М.А. Крепостное хозяйство в Тульской губернии в конце XVIII в. (По материалам барщинных вотчин Голицыных). Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1952; Коган Э.С. Очерки истории крепостного хозяйства // Труды Государственного Исторического Музея. Вып. 35. М., 1960.

³ Гомаюнов С.А. Дворянское промышленное предпринимательство Волго-Вятского региона в конце XVIII–первой половине XIX в. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1990.

⁴ Там же. С.11.

исследовании В.В. Похлебкина «История водки»¹, которая стала основой для многих других работ и неоднократно переиздавалась. Хотя данное исследование было написано по чисто практическим соображениям – доказать приоритет России в создании водки как алкогольного напитка – тем не менее, оно имеет и научный характер. Автор впервые в исторической литературе очень подробно описывает происхождение и основные технологические приемы производства спиртных напитков в России, создание русского вида хлебного вина (водки) и его эволюцию до появления промышленного (заводского) винокурения во второй половине XIX в., а также меры государственного регулирования винокуренного производства и торговли водкой.

В то же время в этой работе допущен ряд ошибок. Остановимся только на тех, что относятся к интересующему нас периоду – второй половине XVIII века. Так, автор связывает введение дворянской монополии на винокурение с Уставом о винокурении 1765 г., не упоминая об указах 1754-55 годов, в соответствии с которыми уничтожались купеческие заводы. Кроме того, он считает, что только после 1765 г. «дворянское винокурение и технически, и качественно достигает высокого развития. Оно нисколько не конкурирует с казенным, не влияет на него, а мирно сосуществует с ним, ибо рассчитано на удовлетворение домашних, семейных потребностей дворянского сословия... Это дает возможность казенному производству водки, не испытывая конкуренции, держать качество продукции на среднем уровне, обеспечивающем и доход государству, и полную гарантию от убытков и от «нервотрепки» конкурентной борьбы»². Однако здесь Похлебкин смешивает два понятия – домашнее и подрядное производство вина дворянами. Можно

¹ Похлебкин В.В. История водки. М., 1991.

² Там же. С.243-244.

согласиться с тезисом о высоком качестве домашнего вина помещиков, но говорить о том, что казенное производство было чем-то обособленным, мягко говоря, не совсем корректно. Да, в тот период существовали казенные винокурные заводы, но основной объем поступавшего в казну вина производился на помещичьих винокурнях, при этом конкуренция между государственными и частными предприятиями была как раз полна «нервотрепки».

Похлебкин заявляет, что «с 1795 г. практически прекращается заготовка водки казной, винный откуп остается единственной системой правительственного контроля»¹. Это показывает, что автор не различает две отдельные операции – заготовку (производство) и продажу водки. В конце XVIII в. никаких изменений в производстве водки не происходит, и хотя откупщики получили право закупать водку самостоятельно («если того пожелают»), преимущественно казна по-прежнему получала ее с дворянских винокурных заводов. И лишь после сдачи ее подрядчиком в казенный магазин водка попадала к откупщикам. Надо отметить, что объем самостоятельно закупавшегося откупщиками вина был небольшим. Откупщики, которыми в основном были купцы, предпочитали иметь в качестве контрагента государство, которое худо-бедно, но выполняло заключенные договоры, а не дворян, которые могли подвести в любой момент.

Автор, говоря о конце XVIII в., пишет, что «купечество, устраиваясь подрядчиками казенного вина, также обеспечивало заодно и себя водкой. Непосредственно не производившим водку оставалось только мещанство»². Это утверждение неверно, так как дворянская монополия на производство водки и поставку ее в казенные магазины (склады),

¹ Похлебкин В.В. Указ. соч. С.244.

² Там же. С.245.

установленная в 1754 г., просуществовала до 1863 г. Таким образом, более ста лет ни одно сословие, кроме дворян, а не только мещанство, не имело права винокурения. Конечно, можно говорить об огромном числе нарушений и злоупотреблений в сфере производства хлебного вина (прежде всего, это относится к корчемству), но законодательно из всех сословий только дворяне имели возможность официального винокурения.

Совершенно бездоказателен тезис о том, что убийство Павла I связано с его желанием «навести порядок и обеспечить интересы государства» в области винокурения¹.

Интересную работу по истории питейного дела в России в XV-начале XX вв. опубликовал в 1993 г. В.Д. Калинин, который, опираясь на официальную дореволюционную статистику, дает широкий обзор продажи водки в стране, значимости этой продажи для государственного бюджета, приводит финансовые результаты государственной питейной монополии, введенной в конце XIX в.

Но и в этой работе есть некоторые неточности при описании винокуренного производства в XVIII в. Многие из них имеют вторичный характер, так как практически дословно повторяют неверные высказывания В.В. Похлебкина. К примеру, говоря об указе 1716 г., Калинин вслед за Похлебкиным пишет, что этим указом Петр I «вводит свободу винокурения в России» и с данного времени «винокурение превращается в одну из отраслей земледелия, ибо им занимаются все, кто производит зерно»². Это неверно, так как, во-первых, указ 1716 г. предоставлял право винокурения дворянам и подрядчикам, под которыми подразумевались купцы. Остальным же сословиям запрещалось

¹ Похлебкин В.В. Указ. соч. С.245.

² Калинин В.Д. Из истории питейного дела в России (XV–начало XX вв.). М., 1993. С.9.

производить хлебное вино не только на продажу, но и для себя. Во-вторых, далеко не все помещики, получавшие зерно в своих имениях, перерабатывали его в водку, а тем более далеко не все поставляли ее в казну.

Аналогичные ошибки допускают Ю.Г. Иванов, С. Романов, Е.Н. Кручина, В. Николаев, Г.М. Карагодин¹.

В работе «Отечественное предпринимательство: Очерки истории» А.Д. Кузьмичев и И.Н. Шапкин, рассуждая о дворянском предпринимательстве во второй половине XVIII в., утверждают, что «некоторые помещики наживали крупные состояния на винной торговле, так как в 1775 г. купцам было запрещено винокурение»². Здесь в одном предложении сразу две ошибки: с одной стороны, дворяне получали доход не от торговли вином, а от его производства, торговля же находилась в руках государства, с другой – названная дата не соответствует действительности, так как купцы должны были ликвидировать свои винокуренные заводы еще за 20 лет до этого.

Е.П. Хорькова в «Истории предпринимательства и меценатства в России» назвала целых четыре даты получения дворянством винокуренной привилегии. Сначала – 1758 г., затем – 1765 г., потом – 1754 г. и наконец – 1754-55 гг.³ При этом 1754 г., по мнению Хорьковой, стал годом введения дворянской монополии не только на производство, но и на продажу вина, что опять-таки неверно, ведь хотя продажа крепких напитков и

¹ Книга о водке / Сост. Ю.Г. Иванов. Смоленск, 1995. С.15-16. Романов С. История русской водки. М., 1998. С.102. Кручина Е.Н. Водка: Путеводитель. М., 2003; Николаев В. Водка в судьбе России. М., 2004. Карагодин Г.М. Книга о водке и виноделии. Челябинск, 1998. С.53.

² Кузьмичев А.Д., Шапкин И.Н. Отечественное предпринимательство: Очерки истории. М., 1995. С.80.

³ Хорькова Е.П. История предпринимательства и меценатства в России. М., 1998. С.156, 159, 161, 214.

осуществлялась в тот период в разных формах (откуп, продажа на вере), однако она оставалась одной из важнейших государственных регалий.

В 2000 г. С.И. Сметанин и М.В. Конотопов опубликовали монографию «Развитие промышленности в крепостной России»¹, в которой попытались «восстановить статистическую картину» промышленного развития страны в крепостной период. В определенной степени авторы выполнили поставленную задачу, собрав вместе и проанализировав сводные сведения о состоянии и динамике роста или упадка различных сфер производства. Но в главе о производстве алкогольных напитков авторы, ссылаясь на отсутствие статистических данных, описывают развитие винокурения, исходя из объемов продажи водки и опираясь при этом на тезис «потреблялось столько, сколько производилось». В результате Сметанин и Конотопов больше описывают систему продажи, чем производства вина, да и хронологически основной упор делается на XIX век.

Однако не все высказывания авторов бесспорны. Так, они заявляют, что «поскольку собственно винокуренное производство оказывалось вне системы откупов (откупщики покупали готовый полугар), то число винокурен, а тем более – численность занятых, оказывались вне системы официального учета. Число винокуренных заведений фиксируется лишь с 1851 г.»². Но уже говорилось, что историки давно ввели в научный оборот некоторые Камер-коллежские и Сенатские ведомости винокуренных заводов и поставщиков XVIII в. Заявление об отсутствии сведений о винокурении XVIII в. тем более удивительно, что, говоря о горнозаводской промышленности, авторы ссылаются в том числе и на работы Павленко, в

¹ Сметанин С.И., Конотопов М.В. Развитие промышленности в крепостной России. М., 2000.

² Там же. С.169-170.

одной из которых специальная глава посвящена дворянским поставкам вина в казну. Но сведения из нее авторы почему-то не использовали и поэтому не смогли сделать правильные выводы.

Еще одной ошибкой является утверждение, что «с 1767 г. содержать винокурные заведения в России было разрешено только дворянам»¹. Непонятно, почему именно эту дату введения дворянской монополии на винокурение выбрали авторы. Возможно, это связано с тем, что с 1767 г. начался новый 4-летний срок поставки вина в казну.

Также не совсем корректен основной вывод данного исследования (в отношении винокурного производства второй половины XVIII – первой половины XIX в.) – «винокурение было лишь придатком к помещью, позволявшим повысить его товарность»². По известным сведениям, относящимся к данному периоду, хотя дворяне, особенно мелкие, стремились перерабатывать на вино хлеб, собранный в своих поместьях, многие из них, особенно поставлявшие вино в казну крупными партиями, не имели возможностей для обеспечения заводов сырьем из собственных вотчин и закупали (чаще частично, иногда полностью) его на рынке.

Одним из последних исследований по интересующей нас теме является книга И.Р. Такала «Веселие Руси: История алкогольной проблемы в России»³. В данной работе впервые анализируются особенности правительственной политики в отношении распространения в стране алкоголя на протяжении длительного периода – от средних веков до наших дней. Материал, изложенный этой книге, базируется на многочисленных исследованиях и обширной документальной базе, в том числе широко

¹ Сметанин С.И., Конотопов М.В. Указ. соч. С.173.

² Там же. С.179.

³ Такала И.Р. «Веселие Руси»: История алкогольной проблемы в России. СПб., 2002.

используются законодательные акты Московской Руси, Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации. Тем обиднее некоторые неточности. Так, говоря о правительственной политике середины XVIII в., автор пишет, что «при Елизавете Петровне помещики получают право откупать поставки вина»¹. Сенатский указ от 19 сентября 1755 г., на который ссылается И.Р. Такала, в Полном собрании законов Российской империи назван «Об отдаче на откуп поставки вина в кабаки помещикам на 11 лет». Однако, в самом тексте откуп упоминается только в тех местах, где говорится о кабацких сборах, таким образом, к порядку заключения договоров дворян на поставку вина в казну откуп не имел отношения². Кроме того, автор, как и многие другие исследователи, утверждает, что «с 1795 г. государство передает откупщикам и право заготовки вина»³. Этот тезис уже критиковался, поэтому разбирать его не будем.

Историографический обзор позволяет сделать следующий вывод. Несмотря на важность истории одной из самых популярных областей дворянского предпринимательства, вопрос о правительственной политике и помещичьем винокурении во второй половине XVIII в. русской, советской и современной российской исторической наукой в полной мере не решен. До сих пор сохраняется путаница с датой введения дворянской монополии на винокурение, очень часто происходит смешение понятий производства и продажи вина, а также производства на «домашние нужды» и для поставки в казну, отсутствуют систематизированные сведения о поставщиках и обобщенные данные о производстве вина на помещичьих заводах, не раскрыта полностью степень распространения и

¹ Такала И.Р. Указ. соч. С.50.

² Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. XIV. №10466.

³ Такала И.Р. Указ. соч. С.51.

популярности винных поставок среди привилегированного сословия, не показана роль правительства в развитии этой сферы дворянского предпринимательства, не проанализированы законодательные нормы в отношении винокуренного производства.

Источниковая база исследования. Для Российской империи второй половины XVIII в. было характерно активное вмешательство государства в экономическую деятельность, что проявлялось в стремлении регламентировать все стороны предпринимательства. Во многом поэтому среди источников по степени отражения интересующих нас вопросов первенствуют законодательные акты, помещенные в Полном собрании законов Российской империи, в котором содержатся такие важные документы, определявшие правительственную политику в области винокурения, как указы 1754-1755 гг. о запрещении купеческих винокуренных заводов, Устав о винокурении 1765 г., Наставление казенным палатам об откупах и подрядах 1776 г., Устав о вине 1781 г. и многие другие¹. Следует отметить, что нормативные акты, несмотря на одинаковые иногда названия, существенно различались между собой – одни из них имели большое значение и вводили в практику новые юридические нормы, другие – не выходили за рамки инструкций, посвященных решению конкретных вопросов.

Развитие бюрократического аппарата государства, постепенное усложнение и упорядочение системы органов центрального и местного управления приводят к появлению новых форм делопроизводства. В работе использованы различные делопроизводственные документы из фондов Екатерины II, Сената, Камер-коллегии, Корчемной канцелярии, Экспедиции казенных винокуренных заводов, из личных фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Документы

¹ ПСЗ. Т. XIV-XXV.

разнообразны по содержанию, происхождению и форме. В них отражены отдельные стороны государственной политики в отношении помещичьего винокурения и обеспечения вином казенных питейных домов. Без их привлечения невозможно исследовать такие аспекты правительственной политики, как подготовка законодательных актов, борьба различных дворянских группировок внутри правительства, информированность правительства о состоянии винокуренного производства в стране и т.д. Значительное количество делопроизводственных документов представлено в многотомных сборниках, посвященных деятельности Сената и Государственного Совета¹. Отдельные документы встречаются в опубликованных архивах государственных учреждений и частных лиц (Воронцовых, Вяземских, Куракиных, Мордвиновых)².

Широкий спектр мнений дворянства и купечества о правительственной политике в области винокурения представлен в их записках и наказах в Уложенные комиссии 50-60-х гг. XVIII в. Особенно это относится к Екатерининской комиссии 1767-1768 гг.³ Уникальный для XVIII в. комплекс источников позволяет узнать мнение дворян и купцов об Уставе о винокурении 1765 г., который был введен в действие лишь за два года до начала работы Комиссии.

Причины недостаточной изученности влияния правительственной политики на развитие винокуренного производства во второй половине XVIII в. заключаются, прежде всего, в отсутствии систематизированных

¹ Сенатский Архив. СПб., 1910-1915. Т. 9-15; Архив Государственного Совета. СПб., 1869. Т. 1-2.

² Архив Государственного Совета. Т.1-2. СПб., 1869; Сенатский Архив. Т.9-15. СПб., 1910-1915; Архив графов Мордвиновых. Т.1-4. СПб., 1901-1902; Архив князя Воронцова. Т.1-40 М., 1870-1895; Архив князя Вяземского. СПб., 1881; Архив князя Ф.А. Куракина. Т.5. СПб., 1894; Переписка Екатерины II с разными особами. Т.1-5. СПб., 1871-1875.

³ Сборник Русского исторического общества (далее – Сборник РИО). СПб., 1875 – 1914. Т. 4, 8, 14, 32, 68, 93, 134, 144.

статистических источников. Основным источником состояния винокурения являются ведомости винных поставщиков и заводчиков. В научный оборот введено лишь несколько ведомостей (1753, 1765, 1779 и 1795 годов).

Автору удалось обнаружить сводные ведомости поставщиков за 1764, 1767, 1770, 1775 и 1778 годы, а также ведомости о поставках по отдельным губерниям на 1783-1787, 1787-1791, 1791-1795 годы и ведомости винокуренных заводов 1794, 1795 и 1799 годов.

Трудность их использования состоит в том, что правительство неоднократно меняло формуляры ведомостей. Главной целью, ради которой составлялись данные ведомости, являлось получение сведений о состоянии обеспечения казны вином. Конкретные же задачи составления ведомостей были различны, поэтому многие стороны помещичьего винокурения они не отражают. Тем не менее, ведомости винных подрядчиков и винокуренных заводов позволяют судить о степени увлечения дворян винокуренным производством.

В середине 1760-х годов при разработке Устава о винокурении была подготовлена ведомость «Краткая ведомость сколько во всем государстве вина каждый год подряд ставитца и кто винные поставщики и по сколько ведр каждый вина ставит ежегодно; а подряд тот учинен на 10 лет, от 1756 по 1766 год», первый вариант которой был составлен осенью 1764 г. для Комиссии о винных и соляных сборах и приложен к обзору законодательных актов о вине.¹ Второй вариант – «Ведомость, кто имянно винные поставщики и где винокуренные заводы имеют и по сколько ведр в год и куда ставить обязались» Камер-коллегия представила в Сенат 8

¹ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф.19. Оп.1. Д.216. Л.254-257.

марта 1765 г.¹ За прошедшие полгода сведения, видимо, были уточнены: если в первом случае насчитывалось 149, то во втором уже 157 поставщиков. Сопоставление данных вариантов показывает, что увеличение числа подрядчиков произошло, с одной стороны, за счет разъединения некоторых поставщиков (например, братьев Ивана, Степана и Гаврилы Ермолаевых, генерал-поручика князя Дмитрия Михайловича и его жены Екатерины Дмитриевны Голицыных), с другой – в результате появления нескольких новых мелких производителей. Кроме того, у некоторых поставщиков был изменен объем отправляемого вина. Так, у статского советника Н.Ф. Каковинского стало 13 250 ведер вместо 1050, у князя А.А. Путятина – 10 166 ведер вместо 7666, у подполковника А.И. Полянского – 10 000 вместо 5000 ведер. Уточнение произошло в небольших размерах от нескольких сот до нескольких тысяч ведер вина. Лишь в одном случае расхождение значительно: в 1764 г. у графини А.Л. Апраксиной указано 80 000 ведер, а в 1765 г. – 8000 ведер вина. Видимо, в первом варианте канцелярист допустил опisku, в ином случае итоговые цифры 1764 г. (1 835 850 ведер) значительно превышали бы общую сумму 1765 г. (1 859 857 ведер).

Переход к новому порядку заключения и выполнения контрактов намечалось осуществить с 1767 г., а в 1766 г. вино поставлять должны были те же «десятилетние» подрядчики. Камер-коллегия представила в Сенат доклад от 17 октября 1765 г., к которому прилагалась «Ведомость о сравнимых хлебных ценах 1755 г. и 1765 г., ценах на вино и винных поставщиках»². Несколько необычные (сравнительные) сведения объясняются сложившейся на хлебном рынке сложной для подрядчиков

¹ РГАДА. Ф 273. Оп. 1, ч. 9. Д. 31712. Л.4-28.

² Там же. Ф 248. Оп. 42. Д. 3661. Л.527-535.

обстановкой, так как цены на зерно резко поднялись и многие помещики оказались в затруднительном положении.

В 1766 г. хлебные цены повысились еще больше. Многие поставщики частично или полностью отказывались выполнять свои обязательства перед казной. Правительству требовались оперативные данные о ходе выполнения винных поставок.

С этой целью Камер-коллегия в конце 1767 г. подготовила для Сената три ведомости, сохранившиеся в фонде Воронцовых. В первой из них («Ведомость кто имянно поставщики совсем от поставки отказываются») перечисляются несостоятельные подрядчики с указанием места и количества отправлений по контракту¹.

Следующей была «Ведомость по Москве и Петербургу и по тем городам, о которых в Коллегии известно сколько на сей 1767 г. в законтрактованное число поставщиков должно было поставить вина, в то число что поставлено и затем чего недоставлено».² Здесь приведены поименные данные о подрядчиках, количество вина, обязательное для поставки по контракту, количество выставленного в 1767 г. вина, сколько вина не поступило в казну и если помещик сдал больше положенного, то по какой цене. Перечисление идет по губерниям и показывает, что главной целью составителей был сбор информации о «наполнении» вином казенных винных магазинов. Камер-коллегия не смогла, видимо, к назначенному сроку получить от местной администрации все необходимые сведения, поэтому появилась «Ведомость, кто имянно поставщики на сей 1767 г. вина обязались ставить и в которые города, а выставили ли

¹ РГАДА. Ф.1261. Оп.6. Д.16. Л.67-68.

² Там же. Л.82-91об.

коллегии неизвестно»¹. Характерно, что некоторые поставщики упоминаются несколько раз. Так, граф А.П. Шувалов числится в первой и второй, граф П.А. Румянцев – в первой и третьей, а граф И.С. Гендриков – во всех трех ведомостях.

20 апреля 1770 г. в Камер-коллегии была подготовлена «Ведомость сколько почитается на предбудущие с 1771 г. четыре года в каждом к подряду вина и в то число сколько коллегии известно появится к поставке вина чрез губернаторов, также на Москву и Петербург в Правительствующем Сенате поставщиках и по каким ценам где контракты заключены, также и коликое число куда назначено с казенных заводов»². Снижение напряженности в обеспечении казны вином, видимо, отразилось и на настроении составителей ведомости, которые поместили здесь полные сведения о подрядчиках только для Москвы, Петербурга и Московской губернии. Упоминается, что поставщики Смоленской губернии перечислены в отдельной ведомости (в деле отсутствует). В Нижегородской губернии, кроме трех подрядчиков в г. Нижний Новгород, в другие города желающих «еще нет». «Еще не явились» поставщики в Астраханскую и Архангельскую губернии. Канцелярии других губерний не прислали свои отчеты. Незавершенность данной ведомости снижает ее ценность и позволяет использовать ее лишь в качестве вспомогательного источника.

Наибольший объем информации, уступая в этом лишь ведомостям конца XVIII в., содержит «Ведомость, учиненная о всех с нынешнего 1775 году винных поставщиках, кто, куда и по сколько ставить вина подрядился, по каким ценам, в какие сроки, с каких заводов и какое в исправной выставке подрядного их количества принято удостоверение; а

¹ РГАДА. Ф.1261. Оп.6. Д.16. Л.92-95 об.

² Там же. Ф.273. Оп.1. Д.31821. Л.7-32 об.

при том за неимением в некоторые города винных поставщиков, в какие места назначено в поставку из казенных заводов, каких именно, по сколько ведр и в какие сроки» от 9 сентября 1775 г. Представленные в ней сведения видны из ее названия. Отметим, что именно в данной ведомости впервые находит отражение такой способ обеспечения исполнения обязательств подрядчиков, как залог. Наиболее часто среди залогов упоминаются винокуренные заводы, крепостные крестьяне, земля и только в нескольких случаях – деньги.

Ведомость 1778 г., сообщавшая сведения о размерах и цене поставок вина в различные города в 1779-1783 гг., была последней сводной ведомостью, где приводились сведения по всей стране¹.

После образования новых губерний, начиная с подряда 1783 г., местные канцелярии присылали в Сенат отдельные ведомости, где указывались губернские города, кто, сколько и по какой цене соглашается поставлять туда вино. Фактически правительству предлагались отчеты о прошедших в губернском городе торгах на винную поставку. Иногда торги приходилось проводить несколько раз, и тогда в Сенат поступало два, а то и три отчета. Форма подобных донесений была различной. Это могли быть и ведомости, и письменный текст. Ведомости отличались друг от друга не только по форме, но и по содержанию. Так, в ведомости Тверской канцелярии дополнительно содержались данные и о предшествующем подряде; тамбовская администрация указала прибыль казны и количество вина, на которое подрядчики торговались и на сколько обязались; в ведомости Вятской губернии имелись сведения о расположении винокуренных заводов-поставщиков и т.д.² В делах есть отметки о результатах рассмотрения ведомостей в Сенате. Сенат мог утвердить итоги

¹ РГАДА. Ф.1261. Оп.13. Д.104. Л.1-22 об.

² Там же. Ф.248. Оп.51. Д.4247. Л.441-442; Д.4249. Л.264-273, 666-682.

торгов, мог приказать провести повторные, а мог и отказать частным поставщикам и возложить обеспечение на казенные заводы, как это случилось с петербургскими подрядчиками¹.

В нашем распоряжении имеются ведомости о винных поставщиках на 1783-1787 гг. в Калужскую, Владимирскую, Костромскую, Нижегородскую, Тверскую, Ярославскую, Новгородскую, Псковскую, Смоленскую, Петербургскую, Рязанскую, Орловскую, Курскую, Тамбовскую, Воронежскую, Казанскую, Пензенскую, Симбирскую, Саратовскую, Вологодскую, Вятскую, Пермскую, Оренбургскую, Уфимскую и Астраханскую губернии². Отсутствуют документы по Московской, Тульской, Олонецкой, Архангельской губерниям, что не позволяет составить целостную картину винных поставок в стране в эти годы.

Аналогичные ведомости на 1787-1791 гг. хранятся в фонде Сената.³ К сожалению, и в них есть существенные пробелы. Не удалось обнаружить донесения Костромской, Петербургской, Олонецкой, Оренбургской, Астраханской губернских канцелярий. Ведомости Московской, Воронежской и Псковской казенных палат лишь перечисляют явившихся винных поставщиков. Ярославская, Уфимская, Вятская, Казанская,

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.51. Д.4247. Л.481-482, 529.

² Там же. Ф.248. Оп.51. Д.447. Л.1-26, 120-125об., 441-447, 633-642, 649-663; Д.4249. Л.264-273, 279-293, 459, 666-682; Д.4279. Л.39-40, 80-94, 108-111, 172-181, 428-432, 538-543, 619-635, 640-641; Д.4280. Л.16-17, 122-126, 133-142, 184-189, 358-360, 779-780об.; Д.4245. Л.159-189, 291-320, 364-367.

³ Там же. Ф.248. Оп.51. Д.4286. Л.272-280; Оп.53. Д.4409. Л.65-80, 150-151, 511-514; Д.4451. Л.1-11, 147-151об., 246-246об., 264-266об., 281-304, 383-390; Д.4411. Л.86-89, 115-116, 301-301об., 35об.-36; Д.4412. Л.235-244; Д.4454. Л.842-846; Д.4452. Л.275-307.

Симбирская и Пермская канцелярии вместо ведомостей прислали выписки из контрактов или копии с них¹.

В 1789 г. на местах были составлены подобные ведомости винных поставщиков на 1791-1795 гг. Часть их сохранилась в Сенате, часть – в Камер-коллегии, иногда они дублируют друг друга. Отсутствуют ведомости по Костромской, Нижегородской, Симбирской, Саратовской, Вятской, Онежской губерниям.

Наиболее подробные интересные ведомости были составлены во второй половине 1790-х годов губернскими правлениями, которые докладывали о расположенных на подвластной им территории винокуренных заводах. На их форму впервые обратил внимание Н.И. Павленко, предположив, что «для их составления был выработан единый формуляр»².

Действительно, эти ведомости отправлялись в императорскую канцелярию и Сенат на основании указа Екатерины II от 1 апреля 1794 г., в котором отмечалось, что, с одной стороны, «устранение многих винокуренных заводов» подняло на дрова и хлеб «неслыханную цену», а с другой – распространение корчемства (незаконного производства и продажи вина) привело к «подрыву казны». Для пресечения злоупотреблений генерал-губернаторам предписывалось немедленно освидетельствовать все винокурни и заводы, а в конце года подготовить сводные ведомости. В ведомостях приказывалось отразить: 1) число винокуренных заводов по уездам и данные об их владельцах; 2) объем выкуриваемого в течение года вина; 3) сведения о количестве хлеба и дров, необходимых для производства; 4) какое количество сырья владелец

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.53. Д.4410. Л.157-185; Д.4454. Л.398-463; Д.4452, Л.170-182, 417-470об.; Д.4453. Л.357-371, 471-494.

² Павленко Н.И. Указ. соч. С.437.

предприятия получал из собственных вотчин, а какое покупал на рынке, в последнем случае требовалось указать, на какую сумму; 5) характер использования вина, т.е. сколько его отправляется в казну или откупщикам и сколько остается «на домовый обиход»; 6) число крепостных крестьян, принадлежащих владельцу завода¹.

Однако губернские власти не придерживались формуляра и допускали некоторые отклонения. В одних ведомостях используемый хлеб подсчитан в 9-пудовых, в других – в 8-пудовых четвертях, в третьих – в пудах. В п. 4 иногда ставилась только общая сумма (в рублях) товарного хлеба и дров без указания количества. На вопрос о крестьянах также имеются самые разные варианты ответов – от числа крепостных в деревне, где находится винокуренный завод, до общего количества крестьян, имеющих у владельца по всей стране. С другой стороны, губернские и уездные чиновники по собственной инициативе сообщали дополнительные данные сверх формуляра. Так, во многих ведомостях есть сведения об оборудовании заводов (числе кубов и казанов, их объеме). Ведомости Курской и Орловской губерний сообщают данные о площади пахотной земли и лесных угодий, принадлежавших владельцам предприятий. Канцеляристы Московской и Нижегородской губерний сообщают даты основания заводов. В ведомостях Пензенской и Саратовской губерний указано не только общее число крепостных того или иного владельца, но и количество крестьян, находящихся «при заводе», в то время как в других губерниях таких сведений нет. Ведомость Смоленского наместничества приводит данные не только о мужских, но и женских душах, принадлежавших заводовладельцу.

¹ ПСЗ. Т. XXIII. №17194.

В нашем распоряжении имеются ведомости винокуренных заводов практически всех великороссийских губерний за 1794, 1795¹ и 1799 годы². За 1794 г. отсутствуют ведомости Тамбовской губернии. За 1799 г. нет ведомостей Пензенской, Олонецкой и Уфимской губерний, так как к этому времени они были упразднены, а правления Астраханской и Архангельской губерний сообщили об отсутствии на их территории помещичьих винокуренных заводов.

Вопрос о достоверности сведений, сообщаемых ведомостями, возник уже на стадии их появления. Еще в июне 1794 г. в верности полученных из уездов цифр усомнился владимирский губернатор. По его мнению, земские суды опирались на показания заводчиков, которые «не скажут в сем случае настоящей истины, не захотят обнаружить излишнего вина, оставляемого на домовой обиход, и подвергнуть себя через то подозрению корчемства». В связи с этим были собраны сведения о возможной производительности каждого предприятия, и получилось, что «по таковому изчислению выкуривается в губернии вина втрое больше того, что показали заводчики». И затем делается вывод, что «ни один помещик больше той порции вина, какую сиживать предположил, не изготавляет кубов, поелику оные дорого им обходятся, и равномерно, не меньше курить вина, как сколько могут дать приготовленные им кубы, ибо, обращая оное в корчемство, знатную получают прибыль»³. Вероятно, доля истины в доводах губернатора есть, и винозаводчики не показывали всего количества производимой продукции, ограничиваясь цифрами, близкими к их официальным поставкам в казну. Но для нашего исследования более важна тенденция развития винокуренного производства.

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.57. Д.4767-4770; Ф.1239. Оп.3 ч.3. Д.59273, 59303.

² Там же. Ф.273. Оп.1 ч.6. Д.21740-21742, 21744-21746, 21748, 21750-21753, 21758, 21765-21766, 21768-21779.

³ Там же. Ф.248. Оп.57. Д.4769. Л.254-255.

Методы проверки достоверности годовых ведомостей промышленных предприятий, подготовленных официальной статистикой, разработал Ю. Я. Рыбаков. К основным из них относится, во-первых, сравнение данных одной ведомости между собой, во-вторых, сравнение ведомостей с другими источниками этого периода¹.

Используя указанные приемы, получаем следующие результаты. Сравнение цифр одной ведомости говорит о том, что помещики или их управляющие достаточно небрежно или неохотно относились к подаче требуемых от них сведений, что видно из нередких случаев получения разного количества вина из одинакового количества сырья и наоборот, хотя, конечно, здесь необходимо учитывать разницу в качестве сырья, различия в технологии и мастерстве винокура.

В то же время сравнение данных ведомостей винных поставщиков 1791-1795 гг. и данных ведомостей винокурных заводов 1794 г. показывает их практическое совпадение в графе о поставках. Сопоставление показателей ведомости 1799 г. с опубликованным через несколько лет хозяйственным описанием Пермской губернии также дает очень близкие результаты. Все это свидетельствует о высокой степени достоверности ведомостей и позволяет их использовать.

Ведомости 1794 г. предоставляют возможность судить о последнем годе поставки 1791-1795 гг., ведомости 1795 г. – о первом годе поставки 1795-1799 гг., ведомости 1799 г. – также о первом годе поставки 1799-1803 гг., т.е. можно анализировать сведения за три срока поставки, что использовано нами при составлении статистического ряда (см. приложение). И хотя 1794 г. является последним годом 4-летней поставки,

¹ Рыбаков Ю.Я. О приемах проверки достоверности ведомостей фабрик и заводов России XIX в. // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. С.274-296.

а 1795 и 1799 гг. – первыми за аналогичные периоды, их сопоставление кажется нам правомерным, так как в соответствии со своими обязательствами поставщики должны были отправлять вино ежегодно равными партиями.

Подводя итог обширной группе источников, надо подчеркнуть большую достоверность ведомостей винных поставщиков и винокуренных заводов, хотя там допускались различные неточности, арифметические ошибки и опiski в определении размеров производства или поставок, в данных о владельцах заводов. Но эти погрешности не носят тенденциозного характера и не влияют на окончательный итог.

Цели и задачи исследования. Исходя из состояния изученности правительственной политики по отношению к вотчинной винокуренной промышленности и комплекса выявленных источников, в данной работе предпринята попытка, во-первых, охарактеризовать политику правительства в области дворянского винокурения и отношение к этой политике различных сословий; во-вторых, провести анализ законодательства второй половины XVIII в. с целью выявления условий функционирования винокуренного производства; в-третьих, систематизировать данные о дворянском винокурении во второй половине XVIII в. и проследить влияние правительственной политики на динамику его развития.

Хронологические и территориальные рамки исследования. Хронологические рамки исследования ограничены второй половиной XVIII века. Точкой отсчета выбрано установление в 1754 г. дворянской монополии на винокурение. Именно в это время начинают проявляться процессы, которые в совокупности свидетельствуют о начале разложения феодализма. Отсюда понятен интерес к роли, которую сыграла правительственная политика в эволюции дворянского

предпринимательства в период перехода к новому этапу развития общества.

В работе рассматривается государственное регулирование винокурения лишь на Европейской части России, а точнее только в великороссийских губерниях, где существовала дворянская монополия на производство вина.

В течение XVIII в. административно-территориальное деление Российской империи изменялось неоднократно. Наиболее значительные преобразования произошли в период губернской реформы конца 1770-х – начала 80-х гг. Для достижения сопоставимости развития дворянского винокурения в различные периоды времени использовано следующее районирование губерний. До губернской реформы – Центрально-Черноземный район (Воронежская и Белгородская губернии); Центрально-Нечерноземный район (Московская, Нижегородская губернии); Волжский район (Казанская губерния); Западный район (Смоленская губерния); Северный район (Архангельская, Новгородская, Псковская губернии); Восточный район (Оренбургская губерния).

В 1780-90-е гг. состав районов несколько изменился. Центрально-Черноземный район – Воронежская, Курская, Орловская, Рязанская, Тульская, Тамбовская губернии; Центрально-Нечерноземный район – Владимирская, Калужская, Костромская, Московская, Нижегородская, Тверская, Ярославская губернии; Волжский район – Казанская, Симбирская, Пензенская, Саратовская губернии; Западный район – Смоленская губерния; Северный район – Архангельская, Новгородская, Олонецкая, Вологодская, Псковская, Петербургская губернии; Восточный район – Вятская, Пермская, Уфимская, Оренбургская губернии.

Сравнение границ районов показывает некоторые различия. Так, Тульская провинция до преобразования в 1777 г. в наместничество

входила в Центрально-Нечерноземный район. Перешла из Волжского в Восточный район и бывшая Вятская провинция, ставшая в 1780 г. губернией. Но это не меняет принципиально общей картины, поэтому мы считаем возможным использовать указанное деление.

Вопрос о винокурении в так называемых привилегированных (малороссийских, западных, новороссийских и прибалтийских) губерниях, где производство и продажа вина были частично свободны, выходит за рамки данной диссертации.

Методология исследования. Изучая данную тему, автор исходил из познаваемости и многомерности исторического процесса. Это традиционный подход в российской историографии. Основными методологическими принципами, которые использовал автор в своем исследовании являются историзм, стремление к объективности, комплексность, системный подход. В числе специально-научных методов использовались классификация, актуализация, периодизация и др.

В ходе работы над диссертацией были использованы конкретно-исторические методы: историко-генетический – для выяснения природы явлений и исследуемых проблем; историко-системный – для рассмотрения событий не изолированно, а в контексте государственной внутренней политики в целом, через анализ деятельности государственных институтов; историко-сравнительный – для выявления общих черт и особенностей правительственной политики в отношении винокурения во второй половине XVIII в.

Научная новизна исследования заключается в том, что на основе впервые вводимых в научный оборот новых источников показаны различные аспекты правительственной политики, в том числе в периоды природных и социальных кризисов, в отношении одной из популярных

областей предпринимательства, игравшей важнейшую роль в наполнении государственного бюджета.

В диссертации подробно рассмотрена деятельность «особых» комиссий, создававшихся императрицей и Сенатом, для изучения проблем винокурения и выработки необходимых мер по преодолению кризисных ситуаций.

В ходе исследования проведен широкий анализ взаимоотношений владельцев частных заводов с государственными чиновниками, а также с руководителями казенных предприятий.

Автор осуществил комплексное исследование российского законодательства в части изменения правовых норм заключения и выполнения договора подряда частных предпринимателей с казной.

В работе раскрыты различные виды нарушений законодательства о винокурении со стороны производителей и потребителей «хлебного вина», а также злоупотребления и преступления чиновников.

В работе произведена оценка влияния административных решений на развитие отдельных производств и отрасли в целом.

Научная и практическая значимость исследования состоит в том, что вводимые в научный оборот материалы могут быть использованы в обобщающих исследованиях по истории России второй половины XVIII в., а также при подготовке учебных пособий и специальных курсов для студентов высших учебных заведений.

Основные выводы исследования могут иметь и прикладное значение при выработке государственной политики по развитию винно-водочной промышленности, организации взаимовыгодных отношений между государством и частными производителями алкогольной продукции, пресечению незаконного оборота алкогольной продукции.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы исследования были представлены в виде докладов на республиканских и региональных конференциях в Москве, Санкт-Петербурге, Волгограде, Кирове, Ярославле и др. Отдельные сюжеты исследования были опубликованы в научных сборниках и деловых журналах.

Глава 1. Государственное регулирование винокуренного производства во второй половине XVIII в.

1.1. Установление и окончательное оформление дворянской монополии на винокурение

В подрядных операциях на поставку вина в казну отдельные дворяне стали участвовать еще в конце XVII в. А 28 января 1716 г. был издан указ, предоставивший помещикам право изготавливать вино «про свой обиход», но иметь заводы могли и подрядчики, «которые то вино ставят на питейные дворы» и абсолютное большинство которых в тот период составляли купцы.

По мнению М. Я. Волкова, введение монополии казны на продажу вина потребителям и осуществление мер, направленных на увеличение доходов государства от его продажи, привели к расширению рынка сбыта вина и очень заметному росту спроса казны на вино. Государство стало не только его производителем (в казенных винокурнях), но и оптовым покупателем. Эти обстоятельства создали условия для относительно быстрого развития товарного винокуренного производства¹.

Дворянство начало выражать недовольство купеческой конкуренцией. Уже с конца 30-х годов в Сенат стали поступать предложения, авторы которых не только просили запретить купцам заниматься винокурением и поставками вина, но предлагали отменить пошлины при продаже вина государству по подряду и без подряда².

¹ Волков М.Я. Очерки истории промыслов России... С.36.

² Волков М.Я. Таможенная реформа 1753-1757 гг. / Исторические записки. №71. М.,1962. С.135.

Поддержка правительства и повышение спроса на вино в первой половине XVIII в. привели к быстрому увеличению количества винокуренных заводов, в том числе и помещичьих. Если в начале 20-х годов XVIII в. доля дворянских заведений составляла около 16% от всех винокуренных предприятий, то в 1753 г. – уже почти половину. Такая ситуация не могла не сказаться на отношении государственной власти к этой области предпринимательства. Правительство, членами которого были и многие винные подрядчики, получает возможность, не затрагивая интересов казны, поддержать господствующее сословие.

Указом 19 июля 1754 г. Сенат объявил, что «винное курение как про себя и на подряд ...следует для пользы одного дворянства», купцы же должны «вступать в торги и распространять коммерцию», а заводы свои продать или сломать. Юридическим обоснованием для установления дворянской монополии послужил упоминавшийся указ Петра I от 28 января 1716 г., в котором не употреблялся термин «купеческие заводы». Опираясь на этот указ, Сенат нашел обоснование для отрицания законности существования купеческих винокуренных заводов. Он заключил, что закон «ясно гласит, то винное курение как про себя, так и на подряд, на одних помещиков, и тако в силе того указа, подряд и поставка на кабаки вина следует для пользы одного дворянства, а не купечества, а купцы должны вступать в торги и распространять коммерцию и от того получать свои прибыли». Исходя из такого толкования указа 1716 г., Сенат без доклада императрице определил для поставки вина в казну «подрядать и к подрядам допускать одних помещиков и вотчинников», а им особо внушить, чтобы они «в размножении своих винокуренных заводов к поставке на кабаки вина крайнее старание прилагали, дабы полное число, что на продажу из казны будет потребно, было всегда без

недостатку»¹. Неслучайно некоторые историки датой получения дворянами привилегии на винокурение называют именно 1716 г.²

При принятии решения Сенат опирался на сведения, содержащиеся в ведомости Камер-коллегии. В соответствии с ними государству для продажи населению требовалось до 2 млн. ведер вина в год. На купеческих заводах в это время выкуривалось 1723500 ведер, на дворянских – 1034416, на казенных – 500416, т.е. общая производительность была более чем в 1,5 раза выше потребности. Имея такой большой запас для обеспечения казенных интересов, правительство получило возможность выбора. С одной стороны, оно могло не вмешиваться во взаимоотношения поставщиков и тогда, борясь с конкурентами, они стали бы снижать подрядные цены, что, безусловно, было бы выгодно казне. С другой стороны, появилась возможность создать льготные условия развития только одной группе предприятий, закрыв другую³.

Сенат, заботившийся об экономических интересах дворянства, пошел по второму пути. Он сделал вывод, что помещичьи и казенные заводы вместе способны обеспечить поставку необходимого количества вина, несколько увеличив свое производство. Но так как в первое время могло не хватать около 400 тысяч ведер, Сенат разрешил допускать к подрядам в некоторых отдаленных уездах Архангелогородской, Оренбургской, Казанской, Воронежской губерний и купцов, пока «помещики и вотчинники винокуренные свои заводы размножат»⁴.

¹ История Правительствующего Сената за двести лет, 1711-1911. Т. II. СПб., 1911. С. 286-287.

² Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870. С. 260; Порай-Кошиц И. А. Очерк истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII века. 862-1796. СПб., 1874. С. 176; Вернадский Г. В. История права. СПб., 1999. С. 80.

³ Павленко Н. И. Указ. соч. С. 442.

⁴ ПСЗ. Т. XIV. № 10261.

Более подробно новый порядок производства и поставки вина был разработан в указе от 19 сентября 1755 г.¹ Указ подтвердил, что исключительное право поставки вина в казну принадлежит помещикам. Кроме того, изменились нормы выкурки «на домовый обиход». С этого момента они стали зависеть от положения, занимаемого винокуром в Табели о рангах. Чины 1-го класса получили право на изготовление 1000 ведер вина, минимум 30 ведер разрешался чиновникам 14-го класса. Можно отметить, что данное нововведение подтверждает тезис о том, что «самодовлеющая ценность чина, ранга, должности, титула во всех сферах жизни дворянства, и в первую очередь в области императорской службы, характеризовала сознание господствующего класса как сословно-статусное по своим жизненным ориентациям»².

В указе Сенат подробно объяснял и мотивы своего распоряжения. Главных целей называлось несколько: 1) «конечное пресечение корчемства»; 2) увеличение государственного дохода; 3) обращение выгод от винных подрядов на пользу дворянства, «которому оно и принадлежит»; 4) развитие торговли, так как купцы будут лишены возможности вкладывать свои капиталы «в те дела, которые в пользу дворянства принадлежат»; 5) уменьшение расхода «многаго числа излишнего хлеба»³.

Предполагая, что решение о лишении купцов права винокурения будет воспринято ими болезненно, Сенат решил привлечь для «описи винокуренных заводов» армейских офицеров. Эта деятельность для них, видимо, была достаточно привычной, так как многие из офицеров

¹ ПСЗ. Т. XIV. №10466.

² Марасинова Е.Н. Русский дворянин второй половины XVIII в. (социопсихология личности) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1991. №1. С.22.

³ ПСЗ. Т. XIV. №10466.

постоянно занимались «искоренением и выемкой корчемств». У нас, к сожалению, имеются лишь свидетельства того, что офицеров после выполнения этого задания отправляли в места расположения их полков. Возможно, это было связано с началом Семилетней войны, так как офицеры, «состоявшие у других поручений», в том числе проводившие межевание земель, осуществлявшие различные следствия, работавшие в комиссиях, стоявшие на таможенных и пограничных заставах, боровшиеся с корчемством, также отзывались обратно в полки¹.

Сенат пытался проконтролировать выполнение своих решений. 31 июля 1756 г. последовал его указ Камер-коллегии о присылке ведомостей купеческих винокуренных заводов, «проданы ли оные и кому имянно»². Камер-коллегия в свою очередь переадресовала предписание губернским и провинциальным канцеляриям³, но местные чиновники не спешили с его выполнением. Многие канцелярии лишь уведомили Камер-коллегию о получении указа, так и не прислав требуемые сведения. Не появился, видимо, на свет и «реестр подрядившихся в винной поставке вотчинников и помещиков в 10-летнее время», о присылке которого Сенат просил Камер-коллегию и составление которого пытался контролировать генерал-прокурор Трубецкой⁴.

В нашем распоряжении имеется всего несколько документов, по которым можно проследить судьбу купеческих предприятий. Ведомость Переяславль-Залесской канцелярии свидетельствует об уничтожении всех 5 купеческих винокурен из-за отсутствия покупателей⁵. В Калужской

¹ Сенатский Архив. Т.IX. СПб., 1901. С.548-549, 559.

² РГАДА. Ф.248. Оп.40 ч.1. Д.2981. Л.966.

³ Там же. Ф.273. Оп.1 ч.1. Д.1736.

⁴ Веретенников В.И. Очерки истории генерал-прокуратуры в России до екатерининского времени. Харьков, 1915. С.261.

⁵ РГАДА. Ф.273. Оп.1 ч.1. Д.2000. Л.3-6.

провинции из 10 заводов продано дворянам 5; отдано помещикам, на земле которых они находились, – 2; описано – 2; переделан под хрустальную и стеклянную фабрику – 1¹. Можно было бы предположить, что среди покупателей окажутся винные подрядчики, приобретающие заводы для расширения своих поставок. Но из покупателей только князь Я.П. Шаховский упоминается среди поставщиков по ведомости Камер-коллегии 1765 г., остальные, видимо, приобретали купеческие заведения для домашнего винокурения.

При продаже стоимость винокуренных предприятий зависела, конечно же, от многих условий (размеров строений, количества и качества оборудования, стоимости земли и т.д.), но в договорах о продаже купеческих заводов дворянам иногда фигурируют совершенно несопоставимые цифры. Так, крупнейший подрядчик граф П.И. Шувалов в январе 1756 г. купил завод в Пензенском уезде у московского купца 1-й гильдии Л. Симонова, заплатив за строения и заготовленные припасы, кроме медной посуды, 900 руб., да за землю, на которой стоял завод, ему пришлось уплатить поручику А.П. Трофимову еще 1000 руб.².

А вот граф Р.Л. Воронцов приобрел у сызранского купца С. Ушакова в Симбирском уезде винокуренный завод «со всеми принадлежностями» и 2 мельницами всего за 50 руб. А ведь это было крупное предприятие, с которого без особой модернизации через несколько лет отправлялось в казну более 43 тыс. ведер вина³. У нас нет прямых доказательств, но, возможно, такая низкая цена служит подтверждением отмеченной современниками практики, когда купеческие предприятия продавались дворянам фиктивно.

¹ РГАДА. Ф.273. Оп.1 ч.1. Д.2063. Л.2-4.

² Там же. Д.1414. Л.4-7.

³ Там же. Ф.1261. Оп.2. Д.41. Л.1; Ф.273. Оп.1 ч.9. Д.31712. Л.6.

И такие сделки, видимо, не были единичными. Неслучайно, Сенат откликнулся на это указом от 31 марта 1755 г. «О воспрещении людям, не имеющим права учреждать винокуренные заводы, владеть таковыми под чужими именами», где подтверждалось требование скорейшей ликвидации купеческих винокурен. При обнаружении противозаконной сделки приказывалось конфисковать завод в казну, а тех, кто «такие купеческие заводы, под каким бы видом то ни было, иметь будут», штрафовать на сумму равную стоимости предприятий. Конкретных фактов нарушений указ не содержал, ограничившись неопределенной формулировкой «как Правительствующему Сенату не безызвестно»¹.

Но подобные случаи продолжались и в дальнейшем. В 1758 г. один из крупнейших винных откупщиков С. Яковлев заявил, что вологодский купец Желвунков «подложно» продал свой завод в дворцовом селе Фрязинове Вологодского уезда капитану Порошину. Камер-коллегия была очень заинтересована в раскрытии этой сделки, но, несмотря на ее неоднократные требования, С. Яковлев каких-либо конкретных доказательств или более подробных сведений не представил². В 1774 г. вяземский купец Барышников купил имение графа И. Салтыкова в Дорогобужском уезде на имя графа И.Г. Орлова. Из 1200 крестьян 200 человек должны были работать на винокуренном заводе, построенном Барышниковым в другом селе, и перевозить подрядное вино в г. Зубцов³. Личная экономическая выгода заставляла дворян иногда забывать о сословных противоречиях и возможных наказаниях, толкая на совершение противоправных действий.

¹ ПСЗ. Т. XIV. №10384.

² РГАДА. Ф.273. Оп.1 ч.1. Д.3470. Л.1-40.

³ Семевский В.И. Крестьяне в царствование Екатерины II. Т.1. СПб., 1903. С.76.

В то же время купцы некоторых отдаленных уездов, где до введения дворянской монополии действовали их заводы, надеялись сохранить свои позиции с помощью местной администрации. Так, в декабре 1755 г. после того, как на торги на 10-летнюю поставку вина в Вятскую провинцию никто из дворян не явился, провинциальная канцелярия обратилась в Камер-коллегию с просьбой разрешить заключение контрактов с купцами, которые соглашались ставить вино по 32,5 копейки за ведро вместо 34, определенных для закупки казной, но с сохраненных собственных заводов. Камер-коллегия ответила категорическим отказом, отвергнув выгодные для казны условия, и потребовала немедленного уничтожения купеческих предприятий. При этом Вятской канцелярии было объявлено, что в 1756 г. вино для продажи в провинции будет поставлено из Нижнего Новгорода, а на следующий год она обязана уже сама обеспечить поставку вина от помещиков¹.

Весной и летом 1756 г. некоторые оренбургские купцы-откупщики угрожали отказаться от выполнения уже заключенных контрактов, если их будут заставлять ломать свои заводы. Губернская канцелярия сообщила об этом в Камер-коллегию, но разрешения на уступки так и не получила².

Процесс закрытия купеческих предприятий растянулся на долгие годы. Некоторые купцы, надеясь на возвращение прежних прав, пытались сохранить свои заводы под любым предлогом. В таких случаях местная администрация конфисковала предприятия, «описывая» их до дальнейшего решения вопроса. Решение иногда затягивалось на несколько лет. Так, только в 1759 г. гороховский купец М. Ширяев добился возвращения ему завода, отобранного в казну «за непродажу его в срок», и открыл в нем

¹ РГАДА. Ф.273. Оп.1 ч.1. Д.1336. Л.32-33.

² Там же. Д.1772. Л.1-3об.

кожевенное производство¹. 14 марта 1759 г. графине Е.И. Головкиной вернули винокуренный завод с деревнями арендовавшие его крестьяне С. Иванов и Д. Петров. С 1739 г. они управляли заводом, мельницами и кабаком в Пензенской вотчине М.Г. Головкина. За это время они установили на заводе 9 новых медных котлов и производили в год несколько тысяч ведер вина². Торги по продаже в Кунгурском уезде «описного» винокуренного завода купца Т. Шевкунова прошли только в 1761 г.³ В том же году елатомский купец А. Пушкин просил Камер-коллегию вернуть ему винокуренный завод, который самовольно захватил отставной капитан И.И. Башкин, выгнав оттуда людей Пушкина, находившихся при винокурне «для караула и сохранения». Более того, дворянин начал распродавать заводские инструменты. При прошении был приложен реестр денежной оценки различных припасов и инструментов на общую сумму 3140 руб. Решение по этому делу так и не было вынесено⁴.

Государство и само было не против осуществить выгодную покупку. Так, в 1777 г. по рекомендации сенатора А.П. Мельгунова для увеличения поставки вина в Сибирь за 5 тысяч рублей был приобретен винокуренный завод бывшего купца Походяшина, находившийся в Оренбургской губернии. Правда, на ремонт было истрачено еще более 17 тыс. руб. при смете 10 тыс., но уже в октябре следующего года предприятие было готово для производства 72 тыс. ведер вина⁵.

Дворянская монополия на винокурение, несомненно, была введена благодаря мощному давлению со стороны дворян, игравших большую роль

¹ РГАДА. Ф.273. Оп.1 ч.1. Д.3987. Л.2

² Заварюхин Н.В. Очерки по истории Мордовского края периода феодализма. Саранск, 1993. С.114.

³ РГАДА. Оп.1 ч.1. Д.5730. Л.1-1об.

⁴ Там же. Д.5734. Л.1-2.

⁵ Там же. Ф.275. Оп.1 ч.2. Д.2017. Л.1-34.

в государственном управлении и владевших в то же время винокуренными заводами. Винными подрядчиками были сенаторы П.И. Шувалов, А.Л. Нарышкин, И.Ю. Трубецкой, А.Д. Голицын, генерал-рейкетмейстер Дивов, президент Камер-коллегии М. Шаховской и другие «знатные персоны». Сановные винокуры спешили воспользоваться предоставившимися возможностями. Так, в мае 1756 г. императрица Елизавета одобрила просьбу генерала С.Ф. Апраксина о выделении ему аванса для поставки вина в следующем году в размере 60552 руб. 51 коп. Возврат должен был быть произведен из сумм, причитавшихся ему за поставленное вино, в течение 4 лет¹.

Но не все даже высокопоставленные чиновники считали, что дворянское винокурение идет на пользу государству. В 1760 г. конференц-секретарь Д.В. Волков, был, как и некоторые другие руководители страны, сторонником меркантилизма, получившего развитие в России в тот период. Рассуждая о развитии русской торговли, он отмечал, что Россия должна активизировать поставки хлеба за границу, а не весь «свой хлеб на одном вине пропивать». Волков писал, что не может радоваться вместе с теми, «кои кричать станут: «Слава Богу, у нас в Пензе хлеб по 4 алтына за четверть». У них, может быть, великие винокуренные заводы, и так им прибыль»². Кроме того, Волков обращал внимание на то, что из-за деятельности винных, стеклянных и железных заводов в некоторых местностях, «где непроходимые леса были, степь стала», что «где нет лесам цены, там мачтовые деревья употребляются на курение вина»³.

¹ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском сенатском архиве. XVIII век. Т. III. СПб., 1878. С. 321.

² Архив князя Воронцова. Кн. 24. М., 1880. С. 118.

³ Там же. С. 119, 124.

Наибольшие выгоды из установления дворянской монополии на винокурение извлек граф П.И. Шувалов. Именно его обвинил в 1760 г. генерал-прокурор князь Я.П. Шаховской в том, что от него вино «откупщики со многим, перед прочими в браке и мере, преимуществом принимают, а на приуготовление того вина всегда, по требованиям..., наперед на... винокуренные заводы деньги свои дают»¹. Таким образом граф не только сдавал плохое по качеству вино, но и получал деньги на его производство заранее, в нарушение законов того времени. С другой стороны, какой купец-откущик рискнул бы отказать двоюродному брату фаворита императрицы Елизаветы, могущественному сановнику, занимавшему в середине XVIII в. руководящее положение в правительстве, имевшему личную монополию на винные откупа, производство табака, моржовые, китобойные, звериные и сальные промыслы по берегам Ледовитого океана, владевшему многочисленными предприятиями в различных отраслях промышленности и десятками тысяч крепостных.

П.И. Шувалов был наиболее ярким выразителем интересов той части дворянства, которая связывала увеличение своих доходов с торгово-промышленной деятельностью и предпринимательством. По его мнению, «не те прямые и государству полезные экононы, которые деньги свои в сундуки прячут» или «проживают сходно природе и званию своему», а лишь те, кто вкладывает деньги в коммерцию². В условиях финансового дефицита Шувалов и его сотрудники вносили множество проектов, направленных на ликвидацию такого положения. Шувалов неоднократно представлял «разные способы изобретения доходу государственного», в том числе путем замены подушной подати повышением цен на вино и

¹ Записки князя Якова Петровича Шаховского. СПб., 1872. С.142.

² Корякина Е.П. Идеология абсолютизма и политические взгляды П.И. Шувалова // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1991. №5. С.21.

◆ соль. В то же время он понимал, что существовавшая таможенная система ограничивает возможности дворянской торговли, так как дворяне, освобожденные от остальных налогов, в этой сфере должны были уплачивать пошлины наравне с другими сословиями. Дворянство не хотело мириться как с подобной ситуацией, так и с обложением торгово-промышленной деятельности крестьян, которая увеличивала их доходы. В частности, дворяне стремились избавиться от пошлин, взимаемых за продажу вина.

Еще в сентябре 1752 г. Шувалов внес в Сенат проект, предусматривавший первоначально лишь ликвидацию внутреннего таможенного обложения крестьянской торговли. В окончательном виде проект по именному указу 20 декабря 1753 г. отменял внутреннюю таможенную пошлину и 16 других видов сборов, ложившихся на торговлю, а также на винокурение¹. В 1754 г. внутренние пошлины были ликвидированы, что стало серьезным шагом на пути развития внутреннего рынка России.

Именно под руководством Шувалова к началу 1760-х годов в Комиссии для разработки нового Уложения, приступившей к работе еще 1754 г., была составлена вторая редакция проекта нового Уложения. Работа над частью 3 «О состоянии подданных вообще» проекта Уложения велась достаточно медленно из-за отвлечения внимания руководителей Комиссии военными и международными делами, а главное, из-за той борьбы, которая развернулась между П.И. Шуваловым и его сторонниками А.И. Глебовым, Д.В. Волковым, с одной стороны, и Р.И. Воронцовым и Я.П. Шаховским – с другой².

¹ Шмидт С.О. Внутренняя политика России середины XVIII века // Вопросы истории. 1987. №3. С.52.

² Там же. С.55.

Тем не менее, часть 3 «О состоянии подданных вообще» появилась. В главе 22 «О дворянах и их преимуществах» только дворяне получили право владеть мануфактурами с крепостными, только им разрешалось иметь стекольные и «всяких металлов и минералов заводы», подтверждалось монопольное право помещиков содержать винокуренные заводы. Дворяне призывались к «размножению своих заводов прилагать крайнее старание, дабы в поставке полного числа (вина – Ю.Г.), из казны требуемого на продажу, никогда не было недостатка». На «домашние нужды» вино предполагалось изготавливать «не по чинам, но сколько кто может и хочет». Купцам же дозволялось лишь «приводить... в лучшее состояние» торговлю, а в главе 23 «Право купеческое» прямо говорилось, что они могут «заводить и содержать мануфактуру и фабрики, кроме винных, стеклянных и других всяких материалов заводов, кои все дворянам принадлежат»¹.

Такой проект, конечно, не устраивал купцов и в конце 1762 или в начале 1763 г., уже после прихода к власти Екатерины II, ей была подана записка: «В комиссию новосочиняемого Уложения от депутатов российского купечества нижайшее представление». В этом прошении особо выделено желание получить ничем не ограниченные экономические права и свободы. Прежде всего, это касается полного и исключительного права купцов на заведение фабрик и заводов, включая винокуренные, что противоречило не только проекту Уложения, но и действующему законодательству. Кроме того, купечество просило запретить любые монополии, «дабы никому в одни руки или в компанию того не отдавать,

¹ Проект нового Уложения, составленного законодательной комиссией 1754-1766 гг. (часть III «О состоянии подданных вообще»). СПб., 1893. С.185-186,191; Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. Историко-юридическое исследование. Т.1. СПб., 1887. С.290.

от которого многие получают пользу»¹. Но ответа не последовало, так как молодая императрица была занята укреплением своей власти и с февраля 1763 г. постепенно сворачивала работу Уложенной комиссии, прекратившей свое существование в 1766 г.

Стремление части купечества к сосредоточению промышленного предпринимательства в своих руках, к запрещению дворянам владеть фабриками и заводами нашло отражение не только в работе Уложенной комиссии, но и в ряде купеческих записок начала 1760-х годов. Так, неизвестный автор в записке 1761 г. жаловался на несправедливость наделения дворянства, помимо чинов, денежного и земельного пожалования, еще и монополией на винокурение, в то время как бедное купечество, несмотря на полезность и обширность его служб и большие доходы казны от его торгов лишается последнего. В итоге, забывая об им же отстаиваемой идее купеческой торгово-промышленной монополии («в России, кроме купцов, чтоб никому другим чинам ничем не торговать и фабрик и заводов не заводить и в подряды и откупы в казенные не вступать»), он добивался разрешения, ссылаясь на указ 1716 г., всем курить вино и вступать в подряды, «не исключая никого»².

В 1764 г. была учреждена «Комиссия для рассмотрения о государственных соляных и винных сборах». Председателем ее стал граф В.В. Фермор, а членами – действительные статские советники И.П. Елагин, Д.В. Волков, И.И. Козлов. В специальной инструкции, данной членам комиссии, Екатерина II предписывала собрать необходимые сведения и представить «каким бы образом...как для прибыли казенной, так и для

¹ История русской экономической мысли. Т.1. М.,1955. С.396.

² Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е – начало 60-х годов. М.,1999. С.330.

народного облегчения, возможно было сделать о винных сборах полезнейшее учреждение»¹.

В своих действиях комиссия несколько вышла за предложенные ей рамки, сделав предметом анализа не только питейные сборы и продажу, но и производство вина. Для принятия правильных решений необходимо было опираться на точные сведения о состоянии винокурения в стране, но Камер-коллегия, отвечавшая за это, предоставить такие данные сразу не могла. Неслучайно в августе 1764 г. президент Камер-коллегии князь Б.А. Куракин писал императрице, что о числе винной поставки «точного известия не имеет»².

Лишь через полгода, в октябре 1764 г., комиссия подготовила для Екатерины II доклад, в котором изображалась общая картина состояния винокуренной промышленности и содержалась характеристика законодательных актов, действовавших в этой области. Основные положения доклада сводились к следующему. Десятилетняя поставка, которая была отдана без торгов в 1755 г. на целые губернии, послужила «к пользе токмо малого числа» дворян, являвшихся владельцами крупных заводов. Мелкопоместные же дворяне «от винокурения весьма начали удалятца», так как прием вина оставшегося «за домовым расходом» ограничивался нормами изготовления, соответствовавшими Табели о рангах. Подъем закупочных цен на вино, уменьшивший прибыль казны, прямо связан с уничтожением купеческих заводов, поскольку «низкая, но для казны весьма выгодная... цена купечеством сохранялась». Отдача питейных сборов на откуп винным поставщикам привела к разорению многих купцов, не занимавшихся ранее торговой деятельностью. Дворяне

¹ ПСЗ. Т.ХVI. №12105.

² РГАДА. Ф.19. Оп.1. Д.7. Л.740.

же, не имея «ни времени, ни способов» заниматься откупам, «перепустили оные...за некоторый платеж купечеству»¹.

Для исправления положения комиссия предложила императрице издать несколько указов, которые содержали бы следующие положения. Во-первых, к торгам на поставку допускать только дворян, но при этом подряд «на одну персону...отлично большим числом и весьма во многие места не отдавать». Во-вторых, всем дворянам разрешить изготавливать вино не по чинам, а «сколько кто хочет и может», лишь бы рядом не было других фабрик или заводов. В-третьих, вино «излишнее за своим расходом» принимать в казну свободно, но по цене меньше на 1 коп. за ведро, чем подрядная цена в том городе, где оно сдается. В-четвертых, в великорусские провинции и города, где нет дворянских заводов, вино поставлять тем помещикам, чьи предприятия расположены ближе к таким регионам².

Доклад был представлен Екатерине II 2 ноября того же года и подписан всеми членами комиссии, кроме И.П. Елагина, оставшегося «при своем мнении». Елагин предложил для «уравнения» прибыли всех дворян установить «круговую очередь» на винную поставку. Тех, кто участвовал в 10-летней поставке не допускать до торгов, пока не пройдут все новые желающие. Только при отсутствии новых поставщиков подряд могли получить старые. На торгах преимущество должно отдаваться тем, кто «за равную с прочими цену берут свою провинцию», то есть местным подрядчикам. Елагин опасался возникновения ситуации, когда «жадный большой боярин» раздавал бы свои многочисленные подряды «под разными мелких и бедных дворян именами» и предусматривал возможность опроса подрядчиков с целью «узнать истину». В то же время

¹ РГАДА. Ф.1261. Оп.6. Д.68. Л.1-10.

² Там же.

он считал возможным допускать совместную поставку нескольких небогатых помещиков «по их общей возможности». Купцы, по его мнению, не должны допускаться к поставке, так как бедные дворяне, сдавая им в наем землю под заводы, могут постепенно превратиться в их управителей, «ибо купецкие капиталы, всегда и везде превосходнее дворянских». Дворяне же не должны вступать в винные откупа, которые «принадлежат купечеству», чтобы не создавалось условий для злоупотреблений при совмещении поставки и продажи в одних руках. По сведениям Елагина, почти все сенаторы ежегодно получали от дворян-откупщиков взятки в размере 2000 руб. за выделение в Петербурге места под строительство новых кабаков, а самые хорошие места получали «большие бояре»¹.

Еще один доклад комиссии был представлен Екатерине II 7 января 1765 г. К нему прилагался проект указа, содержащий несколько новых предложений по усовершенствованию порядка производства и продажи вина. Самым крупным нововведением могла стать предполагаемая возможность вывоза вина за границу. Объяснением, по мнению членов комиссии, служило «неопровергаемо доказанное» положение, что чем больше отпускается «за море» хлеба, тем больше «государственное обогащение быть может». Но прибыль казны может увеличиться, если вместо «сырого продукта» отправлять уже переработанный, «ибо тогда и заработная цена оставалась бы в государстве». Так же и вывоз «горячего вина» или спирта выгоднее простого «хлебного выпуска». Заниматься этим смогут только откупщики и «никто другой сей привилегии иметь не может». Но большую прибыль будет получать и дворянство, так как чем больше и выгоднее продаст откупщик вина за границу, тем более высокую

¹ РГАДА. Ф.10. Оп.3. Д.162 Л.3-5.

цену он станет платить и за поставку помещичьего вина. Ранее заграничная торговля вином была запрещена из-за опасений корчемства.

В докладе также предлагалось разрешить заключение прямых контрактов между откупщиками и поставщиками, минуя государственную администрацию. При этом за нарушение подобного рода договоров со стороны дворян предусматривалась такая же ответственность, как и «при казенных подрядах было», вплоть до конфискации имения.

Второе важное предложение комиссии – призыв к высшему дворянству добровольно отказаться от ввоза вина из деревень в города, чем заслужат «милость и благоволение» императрицы и подадут пример «прибытков своих искать в прямой экономии, а дворянское преимущество в строгом наблюдении законов и в повиновении, а не в роскошах к буйству токмо клонящихся»¹.

Доклад вызвал неоднозначную реакцию. Сенат, обсуждавший его в конце января, заявил, что не видит в вывозе вина за границу «никакой пользы», так как это приведет лишь к увеличению употребления хлеба и леса на изготовление вина. Отметим, что и в дальнейшем, по таможенным тарифам 1766 и 1782 гг. хлебное вино «к вывозу запрещалось»². Лишь в начале XIX в. таможенное законодательство изменилось и через порты Балтийского моря было вывезено хлебного вина на 1 млн. руб.³

Сенат единодушно выступил и против возможности откупщикам самим заключать договоры на покупку вина, поскольку «поставка вина прямо в партикулярные руки государственному положению вредна».

¹ Там же. Ф.1261. Оп.6. Д.68. Л.40-44об.

² Лодыженский К. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. С.115,139.

³ Арсеньев К.И. Начертание статистики Российского государства. Ч.1. СПб., 1818. С.157.

Отрицались и строгие меры ответственности поставщиков за невыполнение своих обязательств.

А вот по вопросу о ввозе вина в города голоса сенаторов разделились. Большинство высказалось за сохранение существующего порядка свободного ввоза. Только Н.Е. Муравьев и П.Г. Чернышев согласились с предложением комиссии, с некоторыми оговорками к ним можно присоединить Р.Л. Воронцова. Особняком стоит мнение П.И. Панина, который считал, что разрешить винокурение на «собственные расходы» можно лишь помещикам, имеющим не более 200 душ крестьян, остальным, кроме винных поставщиков, приготовление вина необходимо запретить. Поставщики же обязаны вино на «свои расходы» употреблять только в тех имениях, где находятся их винокуренные заводы¹.

Между тем, генерал-прокурор Сената князь А. Вяземский поддержал предложение комиссии о запрещении дворянам ввозить собственное вино в города. В своей записке Сенату он объяснил причины этого. По его мнению, малопоместные дворяне, состоящие на государственной службе, имея разрешение ввозить вино, им не пользуются. Причина этого в том, что у них нет хлеба для винокурения и возможности доставлять вино в город. Дворяне, имеющие более 50 душ крестьян и находящиеся на службе, не имеют права разрешать изготовление вина в деревне в свое отсутствие, чтобы не происходило корчемства. Поэтому прежний порядок выгоден лишь дворянам, находящимся в отставке, которые должны сами выбирать – «покупать ли дороже с кабаков вино и жить в городе или ехать и жить в деревне, наблюдать экономию и пользоваться собственным вином»².

¹ РГАДА. Ф.19. Оп.1. Д.216. Л.320-334.

² Там же. Ф.1261. Оп.6. Д.16. Л.127-128об.

В начале 1765 г. комиссия В.В. Фермора подготовила два основных законопроекта о вине – Манифест об отдаче питейной продажи на откуп с 1767 г. и Устав о винокурении. Оба проекта подверглись тщательному обсуждению, причем Сенат составил свой проект Манифеста. Чтобы выяснить отношение купечества к двум представленным вариантам, по приказанию Екатерины II в комиссию были вызваны крупнейшие петербургские и московские откупщики С. Яковлев, С. Роговиков, К. Матвеев, М. Гусятников. Они отказались от предложения заключать договоры о поставке вина непосредственно с производителями. Получать вино из казны для них было гораздо удобнее и выгоднее, так как казна до передачи вина в руки откупщиков была обязана содержать его «на своем коште», а при отсутствии вина возмещать откупщикам убытки за «простойные дни». Воспользовавшись случаем, купцы вновь напомнили о желании своего сословия вернуть право винокурения, а также о стремлении откупщиков ставить вино в питейные дома со своих заводов. Комиссия в докладе императрице о результатах беседы отметила, что ей эти предложения кажутся «весьма самокорыстливы»¹.

Определенное совпадение интересов поставщиков и откупщиков, боязнь обеими сторонами коммерческого риска, стремление получить гарантии со стороны государства привели к появлению в опубликованном 1 августа 1765 г. Манифесте заявления, что «вино будет подряжаемо казною, и откупщики будут продавать казенное, как и прежде было»².

Первоначальный проект Устава о винокурении комиссия представила на рассмотрение Екатерине II. Императрица ограничилась тем, что предложила сократить введение и пункт 1 главы 1, записав просто – «вино курить дозволяется всем дворянам и их фамилиям, а прочим

¹ Там же. Ф.1261. Оп.6. Д.87. Л.1-12.

² ПСЗ. Т.XVII. №12444.

никому». С этой фразы и стал начинаться Устав. Кроме того, она вычеркнула из текста упоминания о телесных наказаниях, что характерно для ее увлечения в это время идеями Просвещения.

Сенат, куда в дальнейшем поступил проект Устава, в свою очередь сделал два замечания. Первое из них касалось заключения контрактов с поставщиками. Сенаторы предложили установить минимальный объем 500 ведер вина, а в места, где требовалось меньше этой нормы, поставлять все необходимое количество. Второе замечание относилось к правилам провоза подрядного вина от завода до казенного магазина. Сенат не согласился с предложением комиссии о том, что при отсутствии «выписи» (документа, удостоверявшего законность провоза вина – Ю.Г.) вино должно быть конфисковано, и посчитал необходимым установить более мягкий режим, допуская возможность представления сопроводительных документов уже после завершения транспортировки¹.

Генерал-прокурор А. Вяземский на первое возражение Сената заметил, что «препорция для поставки по местам не ниже 500 ведер столь велика, что отъемот случаи пользоваться малопоместным дворянам сим промыслом». Со своей стороны он предложил гораздо более низкую границу 50 ведер, «ибо на таковое число скорее всяко поступить может», а главное «число подрядчиков умножится»².

К лету 1765 г. комиссия подготовила окончательный проект Устава о винокурении, который 13 июля еще раз обсуждался в Сенате, а 9 августа был подписан Екатериной II и стал законом³.

Устав о винокурении начинался с категорического заявления: «Вино курить дозволяется всем дворянам и их фамилиям, а прочим никому».

¹ РГАДА. Ф.1261. Оп.6. Д.16. Л.117-125.

² Там же. Л.129-134.

³ ПСЗ. Т.XVII. №12448.

Изготовление вина для поставки в казну по контрактам могло производиться только в собственных имениях и не более определенного договором количества, причем минимальное количество не оговаривалось. Для собственного потребления позволялось выкуривать вино только тем, кто жил в своих деревнях и уже пользовался этим правом на основании прежних указов.

Были определены и правила провоза вина из поместий в города, причем «выписи» на доставку давались только подрядчикам. При отсутствии документов вино разрешалось довести до пункта назначения и оттуда навести необходимые справки о производстве вина. Только при получении ответа о том, что провозные документы не выдавались, вино конфисковалось и отдавалось для продажи в питейные дома. В случае перевозки вина «на свой обиход» из одного имения в другое при въезде в город емкости с вином должны были опечатываться, при выезде – распечатываться представителем местной администрации. Проверку проезжающих могли осуществлять и купцы-откупщики. Дворяне, постоянно проживавшие или временно находившиеся в городе, не могли привозить вино в города из своих имений, а были обязаны покупать его на кружечных дворах.

Здесь же помещалось 12 пунктов о корчемстве, за которое предусматривались суровые наказания (подробнее об этом см. §6 гл.II). Остальные главы Устава были посвящены клеймению кубов и казанов, сбору за это пошлин и порядку продажи вина.

1.2. Меры правительства по преодолению последствий подъема хлебных цен в середине 1760-х годов

При проведении в жизнь Устава о винокурении правительство столкнулось с определенными трудностями. Главная проблема, которую пришлось решать правительству в это время, это резкое повышение цен на

хлеб в 1765-1767 годах и ухудшение положения подрядчиков. Так как некоторые поставщики вина использовали для его производства не только свое, но и покупное зерно, а отправка в казну велась по фиксированным ценам, их положение сильно осложнилось. Напомним, что 1765 год был последним в 10-летней поставке, начавшейся еще в царствование Елизаветы. В марте 1765 г. еще до принятия Устава о винокурении, Екатерина II подписала указ о продлении контрактов с подрядчиками на один год «без малейшей отмены», т.е. о поставке вина в том же количестве и по тем же закупочным ценам, что и раньше. Таким образом владельцы винокуренных заводов, выполняя обязательства перед казной, не только не получали какой-либо прибыли, но и были вынуждены возмещать все убытки за свой счет. Помещикам стало невыгодно поставлять вино в казну по заключенным ранее договорам.

На протяжении года правительство пыталось найти выход из сложившейся ситуации. Камер-коллегии было поручено представить в Сенат и разослать губернаторам сведения о количестве вина, необходимого в разных городах и губерниях. Должны были быть проведены торги на поставку по прежним ценам, но с обещанием будущих льгот. Такие предложения винокуров явно не могли соблазнить, в чем, вероятно, не сомневалось и правительство, заранее возлагая ответственность за снабжение вином тех губерний, где «к поставке вина охотников мало найдется», на Камер-коллегию¹.

Камер-коллегия, изучив состояние дел на местах, в своем донесении Сенату обратила его внимание на высокие хлебные цены и высказала опасение «могущему последовать на продажу в будущем году в вине недостатка». В связи с этим Сенат «на всякий случай» приказал губернаторам секретно обследовать находящиеся на территории их

¹ Сенатский архив. Т. XV. СПб., 1913. С. 485-486, 497-498.

губерний винокуренные заводы и определить возможности и желания владельцев в изготовлении необходимого казне количества вина. Сенат же в свою очередь брал на себя обязанность проведения переговоров о дополнительной поставке с наиболее крупными подрядчиками. Императрица утвердила распоряжения Сената¹.

Несмотря на все старания чиновников, уговорить подрядчиков не удавалось. Даже крупнейшие поставщики, подписавшие контракты в соответствии с мартовским указом, в конце года стали отказываться от их выполнения. Но правительство не пошло на какие-либо уступки им, так как «чрез сие подастся повод прочим поставщикам к равномерному отказу». Поэтому было приказано подрядчикам, чтобы они «...всю законтрактованную с ними сумму вина действительно выставить старались»².

Тем не менее, поскольку уже не было сомнений в том, что поставщики «покупают хлеб превосходною пред прежними (годами – Ю.Г.) ценою», и «чтобы никто от того убытка понести не мог», 23 декабря Екатерина II разрешила Сенату в 1766 г. прибавить к старой цене по 5 копеек за ведро вина³. Но это не могло принципиально изменить ситуацию.

Многие подрядчики продолжали отказываться от поставки, даже несмотря на угрожавшую им в связи с этим «опись» имений. Лишь некоторые поставщики с убытками для себя отправляли вино в казну. Графиня Е.М. Румянцева, вместе с мужем активно участвовавшая в винных поставках, оценивала сложившуюся ситуацию следующим образом: «Об вине...никакой надежды нет,...на ком недоимка, у тех уже

¹ Сенатский архив. Т. XIII. СПб., 1909. С. 135-139.

² Там же. С. 144.

³ Там же. Т. XV. СПб., 1913. С. 995-996.

деревни описаны, полагая за душу по 20 (рублей – Ю.Г.). У Петра Семеныча (видимо, Салтыкова – Ю.Г.) – 600 душ, у Петра Григорича Чернышова – 160, у князя Василия Михалыча то же енерально, у всех кои в недоимке, на нас недоимки нет, так по счету мы 2000 рублей с лишком своих прибавили в 767 году»¹.

По ведомости Камер-коллегии объем вина, которое должны были поставить «отказники», составлял 715518 ведер. Кроме того, имелись и поставщики, выполнившие договор не полностью, но подобных сведений Камер-коллегия не имела.

Сложившаяся ситуация не могла не беспокоить правительство, так как грозила государству большими финансовыми потерями. Первоначально Сенат решил разобраться в ситуации. С этой целью по инициативе Екатерины II губернаторам и воеводам был послан секретный указ (в ПСЗ его нет – Ю.Г.), в котором говорилось следующее: «Как по многим обстоятельствам видно, что прямая причина или причины продолжающейся во всем государстве дороговизны хлеба донныне еще от правительства сокрыты, то в сем рассуждении для подлинного о столь важном деле осведомления Правительствующий Сенат приказали, чтобы вы, во-первых, сами собою собрався и слича все обстоятельства и состояние вашего места, по чистой совести и под присягою прислали свое мнение, от чего дороговизна в хлебе сделалась чувствительною и как она с 1762-го (т.е. с начала царствования Екатерины II – Ю.Г.) год от года возрастала». Один из вопросов, который интересовал сенаторов звучал так: «Не умножилось ли противу прежнего винокурение, а особливо иногда

¹ Письма графини Е.М. Румянцевой к ее мужу фельдмаршалу графу П.А. Румянцеву-Задунайскому. 1762-1779 гг. СПб., 1888. С.87.

потому, что дворянство, пользуясь вольностью службы, живет больше по своим деревням?»¹.

По подсчетам Б.Н. Миронова, ответы на анкету прислали две из трех уездных администраций, что придает им большую достоверность. Среди причин роста хлебных цен винокурение в ответах чиновников заняло 5-е место из 12, намного уступая главной, по их мнению, причине – неурожаю. В то же время распределение ответов о состоянии винокурения и его влиянии на рост цен хлеба выглядит следующим образом: увеличилось и в этом причина – 25 ответов; не является причиной дороговизны – 14; увеличилось, но не в этом причина – 21; уменьшилось – 38; осталось на прежнем уровне – 57. Таким образом, только 25 чиновников из 155 считали, что производство вина способствует росту хлебных цен. Истинными же причинами были увеличение денежной массы в обращении и влияние мирового рынка на хлебные цены².

Последствия тяжелой ситуации на рынке сказывались на некоторых подрядчиках и через несколько лет. В 1769 г. подполковник С. Ермолаев обратился в Пензенскую провинциальную канцелярию с рапортом о невозможности уплаты процентов по кредиту, взятому им в сентябре 1766 г. для поставки вина в Белозерскую провинцию. Ермолаев получил аванс в размере 15 тыс. руб. на 4 года под 6% годовых под залог недвижимого имущества. В 1767 и 1768 гг. он смог погасить только проценты по кредиту (1800 руб.), которые у него вычли из денег за поставленное, правда, не полностью, вино. В 1769 г. оказалось, что Ермолаев уже вообще вино «ставить не в состоянии» и, соответственно, не может расплатиться с казной и другими кредиторами. В качестве причин такого положения он

¹ Цит. по: Миронов Б.Н. Статистическая обработка ответов на Сенатскую анкету 1767 г. о причинах роста хлебных цен / Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972. С.91.

² Там же. С.95,100.

указывал град, «великую бурю» и наводнение, обрушившиеся на его имение в 1767 г. На следующий год наводнение вновь разрушило заводские плотины и мельницы. Пришлось весь хлеб, приготовленный на винокурение, отдать крестьянам «на пищу». Ермолаев в качестве компенсации предлагал казне приобрести его завод за 18 тыс. рублей (за долг с процентами – Ю.Г.), а уплаченные 1800 руб. вернуть. При этом он ссылаясь на то, что по призыву императрицы установил на своем предприятии «англицкие» кубы, которые уменьшают расход хлеба и дров и которые он пропагандировал среди других дворян-винокуров и местных чиновников. Кроме того, якобы, еще в 1767 г. симбирский и казанский казначеи предполагали купить завод со всеми запасами и рабочими за эту сумму, понимая, что строительство нового завода обойдется в 30000 рублей. Уплата же процентов по займу в данный момент приведет к тому, что «завод придет в упадок»¹. Камер-коллегия, куда был переправлен рапорт, ответила, что она «не предвидит надобности и большой пользы, чтоб те его Ермолаева заводы взять в казенное содержание»².

Несколько иначе сложилась ситуация для князя Голицына. Он не смог поставить вино в 1767 и 1768 гг. из-за пожара, произошедшего на его винокуренных заводах, «что пензенская канцелярия свидетельством утвердила». По указу Сената Голицын должен был поставить все вино в 1769 и 1770 гг., но вместо Санкт-Петербурга в Казань. В 1769 г. он осуществил поставку, а на следующий год вино было произведено, но оно не отправлено «из-за разбоев» и «избытка» в казенных магазинах. Сенаторы посчитали, что в убытках виноват сам владелец, однако, беспокоились, что если оставить вино «у него на руках вовсе без употребления, то сверх невозвратного ему убытка, опасно, чтоб

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.3. Д.3791. Л.140-141.

² Там же. Л.163.

приставленные к смотрению того вина люди не поползнулись на корчемство». Поэтому предлагалось принять вино по более низкой цене, если не в 1771, то обязательно в 1772 г., уменьшив при этом поставку с казенных заводов.

Чтобы обезопасить казну от неожиданных кризисов, уменьшить риски непоставки вина подрядчиками и увеличить поступления в государственный бюджет, правительство неоднократно обсуждало различные проекты, связанные с уменьшением, а иногда и уничтожением, частного винокуренного производства и увеличением казенного. Отметим, что при Петре I в 1705 г. были уничтожены все частные винокурни в Московском уезде, в 1708 г. – в городах северных областей, а в 1715 г. многие частные винокуренные заводы перешли в казну, в ведении которой они оставались 40 лет. Однако в 1755 г. эти заведения вновь были проданы частным лицам¹.

Еще в 1747 г. князь И.В. Одоевский при обсуждении проекта П.И. Шувалова о повышении цен на вино предложил полностью запретить частное винокурение и развивать казенное, но это предложение не было принято. 3 мая 1762 г. Сенат обсуждал присланные из Камер-коллегии проекты архивариуса Лялина: «1-й – О вольной питейной продаже, а вместо того о положении збору на винокуренные кубы. 2-й – Или о заведении казенных винокуренных заводов и со оных о продаже, а партикулярные уничтожить». После обсуждения Сенат согласился, что «коллегия в том находила неудобность, и оные отставлены»².

В период отказа поставщиков от выполнения контрактов в 1767 г. правительство предприняло очередную попытку завести казенные винокуренные заводы. Еще в 1766 г. президент Камер-коллегии А.П.

¹ Толстой Д. Указ. соч. С.155.

² Троицкий С.М. Финансовая политика... С.153.

Мельгунов подал Екатерине II обширный план строительства казенных предприятий. По его мнению, государство находится в определенной зависимости от подрядчиков, так как последние нередко нарушают условия контрактов на поставку вина, но получают значительную долю прибыли от винокурения. А так как правительство не может прямо запретить винокурение дворян, что вызовет их недовольство, то следует построить государственные винокурни. Первоначально для производства 200 тыс. ведер вина в год, а затем постепенно увеличивать этот объем. Себестоимость вина на казенных предприятиях не должна превышать 75 коп. за ведро. Увеличение производства казной дешевого вина сделает для дворян невыгодным занятие винокурением. В результате, полагал автор проекта, заводы помещиков исчезнут «без запрещения, но самопроизвольно», а вся выгода от этого прибыльного занятия достанется казне¹.

Проект Мельгунова получил одобрение императрицы, которая поручила Коллегии экономии, Дворцовой канцелярии и Камер-коллегии постройку казенных винокурных заводов с объемом производства 400 тыс. ведер вина в год.

В июне 1767 г. сенаторы А.П. Мельгунов, С.В. Гагарин и М.С. Похвистнев, которым был поручен надзор за выполнением этого распоряжения, доносили Екатерине II, что Коллегия экономии и Дворцовая канцелярия обязались построить заводы на 100 тыс. ведер вина в год каждая, а Камер-коллегия – на 200 тыс. Было решено разместить эти предприятия в дворцовых волостях Севского и Трубчевского уездов, в экономических имениях Тамбовской провинции и в черносошных волостях Вятского, Казанского и Темниковского уездов, так как эти места «весьма хлебородные и лесами изобильные». По представленным

¹ Троицкий С.М. Финансовая политика... С.155.

расчетам, на строительство и оборудование заводов требовалось 451567 руб. Себестоимость 1 ведра вина, включая расходы на провоз до места потребления, должна была составить: в дворцовых волостях – 84 1/4 коп., в экономических – 98 3/4 коп., в черносошных – 84 коп. Если учесть, писали сенаторы, что вино в казну ставится по 1 руб. 20 коп. – 1 руб. 40 коп. за ведро, то «способом же казенных заводов противу покупных цен казна получит прибыли во всех местах у каждого ведра до 50 коп.». Можно согласиться с С.М. Троицким, что производство 400 тыс. ведер вина на казенных заводах мало меняло положение, так как в 60-х годах XVIII в. ежегодная продажа, а соответственно и закупка, вина государством составляли более 3,5 млн. ведер¹. И хотя в дальнейшем производство вина на казенных заводах увеличивалось, его относительный вес, тем не менее, оставался низким.

С самого начала деятельности казенных предприятий отношения между заводской администрацией и владельцами частных предприятий складывались очень непросто. В октябре 1767 г. генерал-аншеф князь В.М. Долгоруков подал Екатерине II прошение с жалобой на воеводу и бургомистра г. Доброго, не позволивших его приказчику купить хлеб для винокурного завода. Это было связано с тем, что в городе производились закупки для казенных заводов. Князь Долгоруков просил разрешения приобретать там необходимые продукты, подчеркивая, что он является винным поставщиком. Камер-коллегия приняла решение послать в Добринскую воеводскую канцелярию указ с предписанием «никакого запрещения не чинить, дабы тем не сделать в курении на заводах остановки»².

¹ Троицкий С.М. Финансовая политика... С.155-156.

² РГАДА. Ф.273. Оп.1 ч.4. Д.9631. Л.1-2об.

12 декабря 1767 г. Сенат рассматривал прошение полковника князя А. Черкасского, который писал, что, по сообщению его приказчика, в Темниковском уезде для поставки на казенный винокуренный завод покупается ржаной хлеб по 2 руб. 50 коп. за четверть и это привело к значительным трудностям в обеспечении сырьем вотчинного предприятия, так как «из дворянского капитала такую...ценою хлеб закупить без точного разорения невозможно». Кроме того, администрация казенного завода просто запретила приказчикам князя покупать хлеб. В связи с этим он просит «уволить» его от поставки вина в 1768 г. Сенат приказал объявить Черкасскому, что подобного запрещения в Положении о казенных винокуренных заводах нет, поэтому он может покупать хлеб «бесприпятственно в таких местах, где ему способно», оставив без внимания жалобы на высокую цену хлеба и не освободив от выполнения подряда¹.

Граф А.П. Шувалов в поданном на имя императрицы в ноябре 1767 г. прошении сообщал, что он не сможет выполнить взятые обязательства по винной поставке, так как всего в 13 верстах от его Чураковского завода в Казанской губернии началось строительство казенного винокуренного предприятия. Директор казенного завода подполковник Шелыгин, якобы, начал с того, что запретил крестьянам окрестных сел возить дрова на графские винокурни, а за рубку леса установил плату по 3 коп. за бревно. Кроме того, он, по словам Шувалова, «отписал» в казну заводскую мельницу, что грозило остановкой графского предприятия.

Сенат приказал рассмотреть это прошение сенаторам А.П. Мельгунову и С.В. Гагарину, отметив, что в будущем казенные заводы необходимо строить «от партикулярных разстоянием не менее 30 верст»,

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.43. Д.3750. Л.407.

так как «два обширные винных завода по недостатку в хлебу и лесах в одном месте без подрыву один другому ни коим образом быть не могут»¹.

Не дожидаясь выводов Мельгунова и Гагарина, Сенат опубликовал указ от 14 декабря того же года, в котором сообщалось, что против директора одного из казенных винокуренных заводов началось следствие, так как он наносил «немалое помешательство» частным предприятиям тем, что препятствовал помещикам покупать дрова, нанимать рабочих и налагал денежные штрафы на тех, кто без его разрешения что-либо продавал на дворянские заводы. Сенат предписывал остальным директорам воздержаться «от подобных непозволенных поступков», так как казенные заводы построены только для страховки поставок вина и никто не должен мешать частным подрядчикам покупать необходимое сырье «по вольной цене»².

В январе 1768 г. А. Мельгунов, М. Похвиснев и С. Гагарин доложили Сенату результаты своего расследования. По их сведениям, казенный завод находится не в 13, а в 100 верстах от частного; мельница в казну не «описывалась», да и вообще она приобретена графом А.П. Шуваловым, по мнению сенаторов, «неправильно», но оставлена у владельца; запрещения на поставку припасов подполковник Шельгин не делал, а денежную плату за дрова и бревна установил для «сбережения казенных лесов». По этому поводу Сенат лишь отметил, что директору Шельгину не следовало вступать в конфликт с графом, тем более «денежные поборы собою устанавливать не надлежало», так как забота о лесе прерогатива Адмиралтейства. Да и вообще, по мнению Сената, подобный способ не

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.43. Д.3750. Л.224-228об.

² ПСЗ. Т.XVIII. №13034.

поможет, ведь «с платежом или без платежа», но необходимое для заводов количество дров все равно будет вырублено¹.

В августе 1768 г. при начале строительства в Нижегородской губернии Мазского казенного завода крестьяне генерал-аншефа Г.В. Грузинского и княгини А.Г. Грузинской из с. Лыскова заявили директору Жукову, что завод построен на земле их владельцев и дрова для него рубятся в их лесу. Спор дошел до императрицы, которая подписала специальный указ, где было отмечено, что «при заведении того завода ни от кого спору и представления не было», а «чтож касается до дров, то как строевому, так и дровяному лесу покупка к тому заводу была повольными ценами и рубка дров, хотя и происходила, но также в экономических, а не в посторонних дачах»². В этом случае заводской администрации удалось защититься от претензий.

В том же 1768 г. поверенный бывшего генерал-прокурора А.И. Глебова премьер-майор Исаков направил в Хлыновский и Слободской уезды агентов для закупки хлеба. На местах глебовские агенты столкнулись с закупщиками казенных винокуренных заводов, требовавших, чтобы крестьяне, кроме тех заводов и «казенных же магазейнов, никому без позволения хлеба не продавали»³.

Отражением этих событий стал императорский указ, продублированный Коллегией экономии директорам казенных заводов 30 марта 1769 г. «о имени предосторожности в строении винокуренных заводов, дабы вместо ожидаемой прибыли не причинилось бы казне вящего убытку, так как от строения в Темниковском уезде казенных винокуренных заводов построенному в близости купцом Баташевым

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.43. Д.3750. Л.243-246.

² Там же. Ф.275. Оп.1 ч.2. Д.813. Л.1-7об.

³ Гришкина М.В. Крестьянство Удмуртии в XVIII веке. Ижевск, 1977. С.97.

железному заводу учинился подрыв». Чтобы такого не повторилось, директора казенных заводов должны были прислать в коллегию сведения о всех заводах, находящихся на расстоянии 30 верст от их предприятий, с указанием владельцев винокурен и земли, на которой они построены.

В нашем распоряжении имеется «промемория» директора Брянского завода Козелкина в Брянскую воеводскую канцелярию, где указано 7 винокуренных и 2 железных завода на расстоянии до 30 верст от казенного завода. О винокуренных заводах директор заметил, что они, «хотя и состоят по близости здешнего завода, но как они весьма малы и не более на всяком заводе от 3 до 5 малых котлов, то тем от здешнего заводу и оному от них никакова подрыву быть не может». А вот строящийся недалеко стеклянный завод, по мнению Козелкина, «необходимо запретить», так как он может мешать казенному. Но канцелярия рекомендовала директору не торопиться, не получив на это соответствующего указа¹.

В октябре 1774 г. во все губернии, где действовали частные винокуренные заводы, и директорам казенных предприятий был отправлен сенатский указ, в котором объявлялось: «при закупке поставщиками на выкурку вина хлеба не только никакого помешательства ни от кого не происходило, но паче бы в потребном случае и всякое возможное вспоможение показуемо было...»².

В 1767 г., когда в стране четко обозначился кризис поставки вина в казну, Екатерина II представила в Сенат собственный проект создания в некоторых городах винокуренных компаний³. Но императрица укрылась под вымышленным именем Елизара Иванова, честно объяснив, что пойти

¹ РГАДА. Ф.275. Оп.1 ч.2. Д.925. Л.1-13.

² Там же. Д.1619. Л.22.

³ Там же. Ф.248. Оп.43. Д.3750. Л.141-142; Ф.10. Оп.1. Д.173. Л.24-27.

на это автора заставило «опасение ненависти от многих, кои своего счета не найдут в сем проекте, ибо сколько не старался умирить онаго содержание, однако существо его не допустило, чтоб содержание могло приятно быть всем вообще». Заметим, что Екатерина на протяжении своего царствования неоднократно использовала этот прием для проверки восприятия новых идей ближайшим окружением или обществом.

Главным нарушением существовавшего порядка в представленном проекте являлось допущение к производству вина в четырех городах «вольной компании, в которую класть акции всякому того города жителю и дворянам, кто пожелает», т.е. право винокурения возвращалось не только купцам, но оно предоставлялось и мещанам. Неслучайно, в проекте много места отведено оправданию такого решения. «Есть ли бы кто сказал, что сие есть противно дворянской привилегии о винокурении, на то отвечаю, что Государь властен пожаловать привилегию кому соизволит, и, что для данной дворянству привилегии в случае, где они оною или мало, или вовсе не пользуются, народу не быть без вина и пятимилльоннаго государственнаго дохода не лишиться, который на государственныя нужды употребляется; у дворянства же вина на пять милльонов нету, то что лучше, чтоб народ чувствовал неудовольствие от недостатка в вине и наложен был пятимилльонный налог взамен питейнаго сбора, или чтоб четверем городам была дана привилегия, чрез кою достаток был бы награжден, привилегия дворянская сохранена, и сами дворяне избавятся от новаго налога, взамен виннаго, на часть имения их, и еще сами могут брать участие в новом сем положении».

Отметим, как всесторонне убеждает Екатерина своих возможных противников, с одной стороны, угрожая введением дополнительного налога (при том, что выгоды от винных поставок имели всего около двухсот дворян, а налог были бы вынуждены платить все), а с другой

стороны, соблазняя получением высокой прибыли (не менее 6%). В то же время главной задачей было «государственного дохода не лишиться». Ради нее императрица была готова ограничить даже дворянские привилегии.

Но воспоминания о судьбе собственного мужа, который освободил дворян от обязательной службы и не собирался покушаться на их экономическую свободу, но, тем не менее, лишился престола, были еще свежи. Поэтому Екатерина не стала настаивать на своем мнении, когда Сенат 21 сентября 1767 г. постановил, что все необходимые меры по преодолению кризиса, включая решение завести казенные винокурные заводы, уже приняты. Сенаторы, «однако, почитая сей проект знаком усердия сочинителя его к государственной пользе», выразили анонимному автору свою похвалу, а затем, по предложению императрицы, объявили, что «сочинитель» может явиться в Сенат для получения вознаграждения¹.

В Сибири же, где дворянства практически не было, Екатерине удалось довести свой план до практического осуществления. В соответствии с собственноручным распоряжением императрицы право винокурения предоставлялось акционерам на 30 лет. В компанию мог вступить любой человек, который вкладывал не менее 25 руб. На одну часть собранного капитала должен был быть построен завод, на вторую - закуплен хлеб, на третью - сделаны запасы для винокурения в следующем году. Четвертая часть оставлялась как запасной капитал «на чрезвычайные случаи». Для укрепления новой компании ей предоставлялась возможность сдавать вино в казну по цене, которая напрямую зависела от цены хлеба на рынке («от десяти до десяти копеек как цена на хлеб вырастет или упадет, так и цена на вино подыметя или унизится»)². Таким образом,

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.43. Д.3750. Л.143-144.

² Сборник РИО. Т.10. СПб., 1872. С.265-267.

императрица осуществила на практике свой проект вопреки мнению Сената.

Так как казенные винокуренные заводы не могли сразу оправдать возлагавшихся на них надежд, еще одной мерой, направленной на преодоление кризиса поставки вина в казну, была попытка осуществить чрезвычайные меры. В конце 1767 г. Екатерина II подписала указ об учреждении «особой» комиссии для закупки и продажи вина. Возглавить комиссию поручалось генерал-поручику графу Я. Брюсу, который должен был находиться «под единственным ее императорского величества ведением». Комиссия получила право «сношение иметь с коллегиями и канцеляриями промемориями, а в канторы оных, также в губернии, провинции и города посылать указы», т.е. по своему статусу она приравнивалась к высшим правительственным учреждениям¹. Кроме того, 25 декабря Екатерина II подготовила собственноручную секретную инструкцию, составленную для председателя комиссии. Императрица разрешала ему закупать вино в любом месте и по свободной рыночной цене (в черновом варианте – не дороже 1 руб. 20 коп. за ведро²), привлекать не только новых поставщиков, но и «обязавшихся уже», завести «винный коронный магазейн» или винокуренный завод. Особого внимания заслуживает указание на возможность «по усмотрению способности» предоставить право винокурения некоторым городам и купцам, у которых еще сохранились заводы, так как это нарушало дворянскую монополию. Все расходы комиссии должна была оплачивать Камер-коллегия³.

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.43. Д.698. Л.3.

² Там же. Ф.10. Оп.1. Д.173. Л.19.

³ Там же. Ф.19. Оп.1. Д.218. Л.5-5об.

Первое, что попытался сделать граф Брюс, – это получить из Сената и Камер-коллегии сведения о цене и объеме вина, необходимого для обеспечения бесперебойной торговли в 1768 г. Камер-коллегия отправила в комиссию уже упоминавшуюся ведомость об отказывающихся поставщиках, а Сенат, получив указ о создании комиссии, тут же предписал губернаторам по всем вопросам поставки вина обращаться к графу Брюсу, т.е. поспешил переложить всю ответственность за обеспечение казны вином на вновь созданный орган¹. Попыталась это сделать и Коллегия экономии, сообщив комиссии в феврале 1768 г., что поставка вина с казенных заводов невозможна из-за дороговизны хлеба, и попросив найти замену. Но в соответствии с правилами бюрократии Брюс ответил, что «замену сделать не может» и рекомендует обратиться к сенаторам, предложившим построить казенные винокуренные заводы².

Так как комиссия не смогла заставить помещиков великорусских губерний увеличить поставки сверх уже заключенных контрактов, она обратила свое внимание на Польшу и украинские губернии, на которые дворянская монополия не распространялась. Жители этих губерний максимально использовали представившуюся возможность. Современники отмечали, что «многие малороссияне покупают в Польше вино и не дороже, как по 40 и 50 (копеек – Ю.Г.) ведро, и продают в казну по 1 рублю и свыше»³.

В декабре 1768 г., отчитываясь о деятельности комиссии за год, граф Брюс писал, что, несмотря на первоначальное задание заключить контракты на дополнительную поставку 300 тысяч, всего было «подряжено» 504695 ведер вина, в том числе в Петербург – 186000,

¹ РГАДА. Ф.10. Оп.3. Д.168. Л.74.

² Там же. Ф.275. Оп.1 ч.2. Д.720. Л.14-16об.

³ Письма графини Е.М. Румянцевой... С.83.

Москву – 174524, Гжатскую пристань – 3040, Смоленскую губернию – 19331, Нижегородскую губернию – 6000, Оренбургскую и Челябинскую крепости – 500, Казань и три пермских города – 30000, Новгородскую губернию, Псковскую и Белозерскую провинции – 65000, Воронежскую губернию – 20300, на общую сумму 518763 руб. 39 коп., т.е. в среднем по 1 руб. 02 коп. за ведро¹.

В августе 1769 г. комиссия была распущена, так как выполнила поставленные перед ней задачи и в связи с приближающимся сроком подписания контрактов на новое четырехлетие. Обязанности по заготовлению вина вновь были возложены на Камер-коллегию, получившую только на 1770 г. право действовать «как комиссии предписано было» и покупать вино по свободным ценам, но не выше 1 руб. 10 коп. за ведро².

Жалобы дворян-поставщиков заставили правительство указом от 17 января 1768 г. значительно повысить закупочную цену на вино, что сразу разрядило напряженную ситуацию. Е.М. Румянцева писала мужу, что всем поставщикам «сделана милость – надбавка енеральная» и теперь уже никто «в накладе» не останется, а то бы ей для выполнения контракта «из своего кармана надобно было тысяч 6 прибавить»³.

1.3. Отношение дворянства к правительственной политике

Подробная регламентация, содержащаяся в Уставе о винокурении 1765 г., безусловно, ограничивала деятельность дворян, занимавшихся поставками вина. Поэтому, когда вслед за ликвидацией старой комиссии, Екатерина II объявила о созыве в 1767 г. новой Уложенной комиссии и

¹ РГАДА. Ф.19. Оп.1. Д.218. Л.6-10, 50.

² Там же. Ф.10. Оп.3. Д.168. Л.75.

³ Письма графини Е.М. Румянцевой... С.89.

населению была предоставлена возможность составлять указы депутатам, помещики многих уездов включили в них пожелания об изменении некоторых статей Устава.

Наибольшее число просьб было связано с отменой запрета на изготовление вина в отсутствие помещика. Основания для отмены выдвигались самые разнообразные – от убытков дворян, находящихся на государственной службе, и отсутствия помещичьих домов в тех деревнях, где находились винокурные заводы, до необходимости постоянного употребления вина при лечении многочисленных ран, полученных в боях за Отечество. Так, составители темниковского указа выразили желание «курить» вино в городах по месту жительства или службы. Дворяне Симбирского и некоторых других уездов пошли еще дальше и просили о предоставлении права неограниченной выработки вина.

Практически во всех указах, где затрагивались проблемы винокурения, содержались просьбы отменить или, по крайней мере, коренным образом изменить в Уставе главу IV, в которой говорилось о порядке провоза вина. Так, помещики Обожевской и Бежецкой пятин Новгородской губернии, указав на строгость откупщиков и их поверенных, подчеркнули, что она «нестерпима для всех дворян» и одновременно возбуждает «у откупщиков против дворян гордость». В пензенском указе обращалось внимание на то, что при въезде в город помещики вынуждены подчиняться проверяющим, а «от тех осмотчиков, яко подлых людей, и не без предобидности бывает». Множество жалоб было связано с длительными задержками из-за необходимости опечатывания емкостей с вином и частым отсутствием на местах ответственных за эту процедуру

должностных лиц. Наилучшим выходом, по мнению авторов наказа, было бы возвращение к прежнему порядку свободного провоза вина¹.

В некоторых наказах помещики выразили желание получить в свои руки право продажи вина. Так как по действующему законодательству таким правом обладали только казна и купцы-откупщики, дворяне считали себя обделенными. Дворяне Валуйского уезда предлагали реформировать всю систему производства и продажи вина в государстве. По мнению авторов, необходимо всю денежную сумму питейного сбора разложить на «число крепостных душ, состоящих в окладе за помещиками», а дворянам разрешить неограниченное изготовление вина в своем уезде. Составители считали, что крестьянам «отягощения быть не может», так как платить за эту «вольность» будут не они, а помещики. В то же время такая система позволит избежать корчемства, потому что у помещиков не станет причин «курить» вино в незаклейменные кубы и казаны и позволит избежать уплаты разорительных штрафов².

Близкими по содержанию были наказания белгородского и обоянского дворянства, отличавшиеся лишь в деталях. В частности, в этих наказах питейный сбор предлагалось собирать «единовременно» со всех категорий податного населения, а помещики получали бы право продавать вино «по вольной цене всем, кто пожелает купить» не только в своем, но и в любом другом уезде³. Ярославские помещики хотели взять на откуп кабаки в своих деревнях⁴.

Курский наказ ходатайствовал не только о праве ввоза вина в города, но и о праве продажи его на кружечных дворах. О продаже вина везде,

¹ Сборник РИО. Т.14. СПб,1875. С.336,360; Т.68. СПб,1889. С.20.

² Там же. Т.68. С.566-567.

³ Там же. С.597,645.

⁴ Там же. Т.32. СПб., С.582.

кроме городов, где оно должно продаваться из казны, просили составители валуйского наказа¹.

Многие предложения дворян касались усовершенствования статей о корчемстве. Диапазон требований был очень широк. Например, составители угличского наказа считали возможным для «надсмотр» за населением выбирать в уезде специальных комиссаров из дворян, а верейские помещики и вовсе требовали смертной казни для нарушителей закона². Вяземские дворяне считали несправедливым, что помещичьи крестьяне за корчемство лишь штрафуются, а дворовые и приказчики отправляются в солдаты или на поселение. По их мнению, такое положение наносило помещикам большой ущерб, так как дворовые зачастую были специалистами высокого класса и на их подготовку или покупку были затрачены определенные денежные средства. Дворяне Коломенского уезда были напуганы тем, что управители, приказчики и дворовые, накопив денег, умышленно «учинят корчемство» и станут, пусть и в ссылке, вольными. Поэтому предлагалось их «в службу и на поселение не брать», а, наказав, оставлять у помещиков³.

Всего о проблемах винокурения упоминалось в 37 дворянских наказах, в том числе, о разрешении курить вино в имении в отсутствие помещика – в 34, о разрешении ввозить собственное вино в города – в 31, о винной торговле – в 3, о разрешении курить вино как для «собственных нужд», так и для продажи, заплатив при этом откупную сумму, – в 2. Таким образом, данная тема из 64 различных проблем, поднимавшихся дворянами в наказах, делила 6-7-е места вместе с решением земельного вопроса за счет перераспределения земли в пользу дворянства и уступала

¹ Латкин В.Н. Законодательные комиссии... С.287-288.

² Сборник РИО. Т.8. С.464; Т.4. С.382.

³ Там же. Т.14. С.452-453; Т.4. С.338.

предложениям по реорганизации судопроизводства, о правах наследования имений, изменениям в сословном представительстве и управлении, а также ужесточении форм сыска и наказания беглых крестьян.

Интересно, что вопрос о дворянском предпринимательстве рассматривался вообще только в 2-х наказах и находился на одном из последних мест по степени актуальности. В одном наказе содержалась просьба о разрешении дворянству свободно, по своему усмотрению заниматься коммерцией, заводить фабрики и заводы, в другом – о разрешении дворянам становиться предпринимателями, продавать «деревень своих продукты»¹. Получается, что основная масса дворян не относила винокурение к предпринимательской деятельности, они были в нем заинтересованы, прежде всего, как в производстве для собственного потребления.

Вопрос о винокурении рассматривался и в ряде купеческих наказов. Купцы Нижнего Новгорода, Нерехты, Бахмута, Орла просили «дозволить иметь винокуренные заводы так, как и наперед сего было». В наказе г. Алатыря Нижегородской губернии это мотивировалось тем, что от такого разрешения выиграет не только купечество, но и «крестьянство и всяких чинов люди, которые будут на тех заводах работать и ставить за полную цену хлеб, дрова, хмель и прочее». Орловские купцы предлагали провести преобразования, близкие по смыслу проектам белгородского и обоянского дворянства с той лишь разницей, что правом свободного производства и продажи вина наряду с помещиками должны наделяться и купцы. За такой допуск купцы обещали уплачивать более высокие налоги. Но дальше всех

¹ Никонова В.М. Контент-анализ при изучении дворянских наказов в Уложенную комиссию 1767-1768 гг. // Вестник Московского университета: Серия 8. История. 1991. №2. С.57, 61.

пошло ряжское купечество, просившее запретить дворянам вступать в любые подряды¹.

Казалось бы, на заседаниях Уложенной комиссии, начавшихся 31 июля 1767 г., депутаты наряду с другими актуальными проблемами должны обсудить и вопрос о винокурении. Тем более, что 15 депутатов были винными поставщиками. В их число входили сенаторы граф Р.Л. Воронцов, граф М.К. Скавронский, князь А.С. Козловский, адмирал князь Б.В. Голицын, бывший генерал-прокурор А.И. Глебов, президент Вотчинной коллегии М.К. Лунин и другие. Некоторые депутаты были крупными подрядчиками. Так, по сведениям Камер-коллегии в 1766 г. на заводах А.И. Глебова вырабатывалось 179421 ведро вина, Р.Л. Воронцова – 43057 ведер, генерал-поручика И.Г. Чернышева – 14611 ведер, статского советника Н.Ф.Каковинского – 13250 ведер, М.К. Скавронского – 11852 ведра². Более того, в наказах некоторым из них содержались требования добиться изменений в Уставе о винокурении.

Но непосредственно на заседаниях Уложенной комиссии жаркие дискуссии развернулись вокруг совсем других проблем. Лишь однажды обоянский депутат дворянин М. Глазов, выполняя волю своих выборщиков, попытался привлечь внимание комиссии к неудобствам провоза вина через города³. Но тема винокурения не получила развития не только в дворянских, но и, что удивительно, в купеческих выступлениях.

В итоговых документах, подготовленных Уложенной комиссией в 1768 г., не оказалось прямого подтверждения монопольного права дворян на винокурение и каких-либо изменений Устава 1765 г. Лишь в ст. 22

¹ Сборник РИО. Т.93. СПб.,1894. С.515; Т.134. СПб.,1911. С.10,19,450-451; Т.144. СПб.,1914. С.238-239,250,279.

² РГАДА. Ф.273. Оп.1 ч.9. Д.31712. Л.5об, 6об, 10-15, 28.

³ Сборник РИО. Т.36. СПб.,1882. С.332.

«Правам благородным» говорилось только, что «на основании законов благородным дозволяется на своих землях и в своих деревнях заводить фабрики и заводы». Странно, что когда обсуждалась эта статья, никто из дворян не вспомнил о предложениях по расширению других привилегий в области промышленности, которые они имели и которые были пропущены составителями проекта, но которые содержались во многих наказах. Причину этого следует, видимо, искать в острых разногласиях, возникших при обсуждении даже такой расплывчатой формулировки, против которой выступило большое число купеческих депутатов. Общие требования были выражены депутатом от г. Яранска И.М. Антоновым, который предлагал ограничить дворянское предпринимательство исключительно переработкой того, что выращивают или добывают на помещичьих землях, и запретить использование в производстве покупного сырья. В результате обмена мнениями между депутатами Н. Дурасовым и Я.И. Урсинусом появилось соглашение о том, что «комиссии о рудокопании, збережении и растении лесов и о торговле вообще должно рассмотреть, какие в деревнях надлежит заводить фабрики и сей закон не должен быть предосуждением тем законам, кои для общей пользы установятся»¹.

Молчание в таком важном вопросе свидетельствует и о желании правительства сохранить *status quo*. Позиция Сената видна из его доклада императрице еще накануне открытия заседаний Уложенной комиссии. Рассуждая о допуске к владению винокуренными заводами купцов и разночинцев, сенаторы считали, что от этого придет в упадок торговля, особенно если купцы станут одновременно и откупщиками, и подрядчиками².

¹ Цит. по: Каменский А.Б. Российское дворянство в 1767 году (К проблеме консолидации) // История СССР. 1990. №1. С.65.

² ПСЗ. Т.ХVIII. №12882.

Через несколько лет свое отношение к дворянскому винокурению высказал князь Д.А. Голицын. Свои мысли Д.А. Голицын изложил в письмах к вице-канцлеру А.М. Голицыну, крупному вельможе, близкому к императрице Екатерине II. Письма посылались с таким расчетом, чтобы их прочла императрица. Вот что Д.А. Голицын писал из Гааги 30 сентября 1770 г.: «Трудность сообщения между внутренними областями России и вытекающее затруднение вывозить за границу хлеб должны бы, естественно, направить нас к курению вина, варению пива и проч. Но вам известно, князь, что эта отрасль производства не только нам почти запрещена, но что тем, которые к ней обращаются, она служит в явный ущерб. Чтобы иметь право курить и варить, мы должны заключать договор с казною, которая платит нам по 60 коп. за ведро, а сама его продает за два рубля. Договор на поставку заключается не менее как на три года с определением ежегодного количества ведер. Но в это время, положим, случится неурожай: хлеб вздорожает, не достанешь его даже издалека. И вот расчет, основанный на одном урожае, обращается к невыгоде предпринимателя, в потерю, для него невознаградимую»¹. Известно, что Екатерина II делала пометки на некоторых письмах Д.А. Голицына, но это осталось без замечаний.

1.4. Проблема минимизации бюджетных потерь от Крестьянской войны 1773-1775 годов

На протяжении XVIII в. винные поставщики не были застрахованы от невыполнения своих обязательств перед казной из-за различных

¹ Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т.2. М., 1952. С.43-44.

непредвиденных обстоятельств, в том числе грабежей, разбоев, крестьянских выступлений. Так, в конце 1766 - начале 1767 г. казанский губернатор Квашнин-Самарин доносил в Санкт-Петербург о появившейся на р. Суре «разбойнической вооруженной шайке», которая в Пензенском уезде разбила и разграбила винокуренный завод княгини Голицыной в с. Таское, при этом людей «била смертно»; выжгла и разграбила с. Шукша той же Голицыной, а людей «перепытали и пережгли». В Саранском уезде, в вотчине Акинфиева, в селе Степановском, разбила и пограбила помещичье и крестьянские хозяйства и винокуренный завод; плывущие по реке Суре в Астрахань с подрядным вином графа А.П. Шувалова суда разбила, деньги пограбила, «печатные паспорта» у работников отобрали¹.

В период крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева возникла полномасштабная угроза срыва винных поставок, так как винокуренные заводы некоторых подрядчиков оказались в районе действия повстанческих отрядов. Особенно реальной возможность подрыва винной регалии государства стала, когда после поражения под Казанью крестьянская армия двинулась вниз по Волге, громя по пути помещичьи имения и вотчинные предприятия.

18 августа 1774 г. поверенный генерал-аншефа И.П. Салтыкова подал в Камер-коллегию «доношение», в котором указал, что 22 июля был разрушен Алаторский винокуренный завод его хозяина, разграблены приготовленные хлеб и другие припасы, «побиты до смерти» находившиеся при заводе приказчики, а «той волости крестьяне и поныне не в должном повиновении помещика состоят».

Через три дня аналогичный документ прислал в коллегию секунд-майор Н. Акинфиев, сообщив, что он не сможет поставлять вино, так как

¹ Соловьев С.М. Сочинения. В 18 книгах. Кн. XIV. История России с древнейших времен. Т. 27-28. М., 1994. С.18-19.

его имение и винокуренный завод в Саранском уезде разграблены и он «лишен всякого пожитка без малейшего остатка», а «в деревню...ради смертельного страха выехать не может». Первый проситель хотел освобождения от поставки только на 1775 г., второй – на весь срок контракта. Сенат удовлетворил обе просьбы¹.

25 августа 1774 г. Камер-коллегия представила Сенату, видимо по просьбе последнего, ведомость «о тех поставщиках, кои вина ставить обязались из тех мест, где злодейская была партия». В ведомости назывались 10 заводчиков (Е. Салтыкова, А. Измайлов, А. Бахметев, А. Шувалов, Н. Акинфиев, И. Воронцов, И. Салтыков, М. Всеволожская, Е. Румянцева, Тимашев), уезды, в которых находились их предприятия, объем поставок каждого в 1771-74 и 1775-79 гг., а также города, куда отправлялось вино. Общее количество вина с этих заводов составляло соответственно 358030 и 366374 ведер ежегодно.

Такой объем был значительной частью государственной поставки и это не могло не волновать правительство. Камер-коллегия еще не имела сведений о судьбе перечисленных выше предприятий (за исключением заводов И. Салтыкова и Н. Акинфиева), поэтому Сенат в своем решении предписал ей: 1) объявить всем московским поставщикам, «чтоб они в силу их обязательства не токмо все законтрактованное количество, но сверх того и пятую часть на будущий 1775 г. выставили сполна»; 2) поручить нижегородскому, воронежскому и казанскому губернаторам собрать сведения о разгромленных заводах и «без замедления» доложить, «могут ли с них поставщики подряженное количество вина все или хотя с некоторым уменьшением выставлять и до коликого имянно числа в год»; 3) при невозможности выполнения обязательств некоторыми заводчиками найти новых подрядчиков, готовых поставлять вино, но по ценам старых

¹ РГАДА. Ф.273. Оп.1 ч.4. Д.12801. Л.3-4.

контрактов; 4) если никто на это не согласится, «велеть выставить пятую часть прочим поставщикам, кои поставку свою имеют по близости тех мест», доставляя вино «казенным коштом»; 5) опросить правления казенных заводов, могут ли они произвести вина больше уже запланированного объема на несколько тысяч ведер, «так чтоб оное в случае надобности куда потребуется тот час отпущено быть могло»; 6) для обеспечения вином Оренбургской губернии, снабжавшейся с заводов Тимашева, взятых ранее в казну, предлагалось узнать их состояние, а при необходимости отпускать туда вино с казенных предприятий; 7) в связи с «истреблением вина злодейскими шайками» в некоторых городах Казанской и Воронежской губерний губернаторам предписывалось «заблаговременно» сообщить о необходимости и объеме дополнительных поставок; 8) вместо Н. Акинфиева вино должно поставляться с казенных заводов, а чем заменить поставку И. Салтыкова Камер-коллегия обязана решить сама, доложив в Сенат о принятых мерах¹.

Вслед за этим 23 сентября Сенат приказал узнать о состоянии заводов Шувалова и Орлова, «не смогут ли они ставить в Нижний Новгород», а также послать во все губернии, провинции и города, где находятся помещичьи винокуренные предприятия, указы о наблюдении за тем, чтобы «при закупке оными поставщиками на выкурку вина хлеба не только никакого помешательства ни от кого не происходило, но паче бы в потребном случае и всякое возможное вспоможение показуемо было»².

В ответ на эти распоряжения были присланы рапорты с мест. Воронежский губернатор, отметив, что «об оных заводах, кои злодейскими шайками разграблены, да и кто во всей здешней губернии винные поставщики верного сведения» не имеет, затем сообщил о поданном в

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.46. Д.4007. Л.307-311.

² Там же. Л.330-330об.

Инсарскую провинциальную канцелярию прошения приказчика генерал-поручика С.В. Салтыкова о «разорении» его винокуренного завода. В прошении говорилось о пропаже 3500 ведер вина, более 2000 четвертей зерна и муки, 230 пудов меди, в связи с чем поставка по заключенным обязательствам не может быть осуществлена. Так как предприятие еще не было «освидетельствовано», губернатор ограничился приказанием провинциальной канцелярии произвести осмотр и доложить результат. Вскоре Инсарская администрация рапортовала в Камер-коллегию, что на заводе Салтыкова производство вина невозможно, потому что заготовленных материалов в «наличности» нет, «в покаях печи, окна, полы перерублены и переломаны, а на винокурнях горны разбиты и имеющиеся в оных железные и всякие материалы выломаны»¹.

Казанский губернатор, докладывая о захвате и увозе с Шунбуцкого завода графа И. Воронцова 12784 ведер вина и всей медной посуды, сделал вывод, что ни Воронцов, ни Шувалов со своих предприятий в ближайшее время поставку производить не смогут².

Лишь оренбургский губернатор прислал обнадеживающие сведения, рапортуя о рабочем состоянии заводов Тимашева, где уже имелось в наличии 250 бочек вина и еще по 7 ежедневно изготавливалось³.

Наряду с официальными донесениями в центральные учреждения и императрице поступали прошения и непосредственно от пострадавших помещиков. В октябре 1774 г. к Екатерине II обратился генерал-поручик И. Воронцов. Он жаловался на понесенные им убытки при доставке вина к месту поставки в 1773 и 1774 гг. В первом случае «злодейскими толпами» были отняты перевозимые «в разных партиях» на подводах 11730 ведер

¹ РГАДА. Ф.273. Оп.1 ч.4. Д.12866. Л.3-5, 12-13.

² Там же. Ф.248. Оп.46. Д.4007. Л.487-488.

³ Там же. Л.490-491

вина. Во втором случае, в начале мая 1774 г. на судах по р. Каме было отправлено 21015 ведер в сопровождении воинской команды, специально присланной казанским губернатором. Но и эта партия не смогла достичь места назначения (Пермской провинции – Ю.Г.) и до сентября находилась на судах, так как наемные судовые работники, «будучи в великом страхе от ожидаемого на те суда злодейского нападения», получив плату, разбежались, «чему и команда не могла воспрепятствовать». Приказчик был вынужден нанимать новую артель бурлаков, еще раз произведя оплату. Денег за вино Воронцов, естественно, не получил. Поэтому он и просил, чтобы для охраны вина «по причине открывшихся великих везде в тамошних местах злодейств давана была пристойная команда», а если «все оно без остатку похищено будет, такова зачитать в контрактную сумму», деньги же за вино выдать в Казани.

Пытаясь склонить сенаторов на свою сторону и получить освобождение от поставки в Пермскую провинцию, граф подробно описывает разрушения на своем заводе и неповиновение крестьян, которых смогла «успокоить» только воинская команда, прибывшая в имение в конце августа, произведя жестокую массовую порку и повесив несколько человек. Сенат, прекрасно понимая, что Воронцов хочет переложить ответственность за поставку с себя на казну, приказал Камер-коллегии объявить подрядчику, чтобы он «принятую на себя винную поставку производил непременно». Соглашаясь в то же время при необходимости выделять для сопровождения вина воинский конвой, сенаторы категорически отвергли возможность выдачи денег в Казани, сославшись на «генеральное положение», где указано, что «за поставочное вино деньги выдавать в тех местах, куда поставка производится и не прежде как по действительной выставке на место». При отказе Воронцова выполнять контракт казанский губернатор должен был организовать

доставку вина, а «какая при таком подряде или закупке против законтракованных цен последует передача» взыскать с заводчика¹.

Просил уволить его от поставки в 1775 г. и граф А.П. Шувалов, указавший в качестве причины «крайнее возмущение» своих крестьян в августе 1774 г. на пензенском и алаторском заводах, где отрядами Пугачева было разграблено около 15 тыс. четвертей хлеба, более 4 тыс. ведер вина и все наличные деньги. Лишь через два месяца с помощью воинской команды удалось собрать около 2 тыс. четвертей зерна. Больше того, в середине сентября заводские крестьяне вместе с повстанческим отрядом попытались вновь захватить винокурни, армейской части только в результате ожесточенного боя удалось удержать заводы².

В феврале 1775 г. еще одно прошение подал И.П. Салтыков. Указывая, что «по собрании всех разорительных обстоятельств», он не имеет возможности отправлять вино в Арзамас не только в 1775, но и в 1776 г. Кроме того, генерал-аншеф просил отсрочить погашение платежей за «неисправную» поставку в 1767-68 гг. Камер-коллегия ответила, что Сенат освободил его от поставки только на 1775 г., поэтому он должен, «поправя как наискорее свой завод и заготовя материал», производить поставку с 1776 г., «не принося никаких отговорок, коих принято не будет». Задолженность же необходимо погасить, «ибо иначе во взыскании тех денег поступлено будет по законам без всякого упущения»³.

В отличие от И.П. Салтыкова секунд-майор Н. Акинфиев в конце 1774 г. сообщил в Камер-коллегию о своем намерении ставить со своего «поправленного» завода половину необходимого по контракту вина⁴.

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.46. Д.4009. Л.198-199об., 212-213.

² Там же. Д.4007. Л.467-468.

³ Там же. Ф.273. Оп.1 ч.4. Д.13873. Л.1-2об.

⁴ Там же. Ф.248. Оп.46. Д.4007. Л.457-458.

Таким образом, отношение правительства к пострадавшим во время крестьянской войны подрядчикам свидетельствует о том, что свою главную задачу оно видело не столько в оказании помощи заводчикам, требуя скорейшего восстановления предприятий за счет владельцев, сколько в бесперебойном обеспечении вином мест продажи для сохранения и приумножения казенных доходов.

Надо заметить, что проблемы с поставкой из-за волнений крепостных случались и позднее. В 1797 г. в канцелярии генерал-прокурора слушалось дело о «возмущении крестьян и разорения ими винокуренного завода» графа С.С. Апраксина, находившегося в Орловской губернии¹.

1.5. Правительственная политика в 1780-1790-х годах

После подавления Крестьянской войны правительство наметило и провело ряд реформ, крупнейшей из которых была губернская. В связи с ее проведением в 1776 г. было принято решение о создании нового крупного законодательного акта, регламентировавшего порядок производства, поставки и продажи вина в новых условиях. С этой целью 21 сентября 1776 г. обер-секретарем Сената А. Васильевым был подготовлен обзор российских законов, озаглавленный очень коротко «О вине». При его составлении были использованы материалы комиссии графа В.В. Фермора, но Васильев дополнил обзор последними данными, характеризовавшими положение дел в этой области за прошедшее десятилетие².

На следующий год был подготовлен новый законодательный акт – Устав о вине, о чем свидетельствуют сохранившиеся в фондах Сената первые отпечатанные уже экземпляры, в конце текста которых указано

¹ Описание документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве. СПб., 1910. С.14.

² РГАДА. Ф.10. Оп.3. Д.168. Л.1-114.

«сочинен в 1777 г.»¹. Но документ оставался без движения четыре года. Очевидно, это связано с тем, что проведение в стране губернской реформы растянулось на несколько лет.

Лишь 13 сентября 1781 г. Устав о вине был заслушан в Государственном Совете, где прозвучало три замечания. Первое из них состояло в том, что разрешение округам, которые граничат с округами свободной продажи вина, в случае «дороговизны» привозить в необходимые места вино «от себя», противоречит действующим правилам. Второе замечание касалось возможности получать деньги за поставленное вино в любом устраивающем подрядчика месте. По мнению членов Государственного Совета, большая часть поставщиков будет стремиться получать деньги по месту постоянного проживания, т.е. в Санкт-Петербурге и Москве. Отдавая должное «особливой милости» императрицы, они считали подобное невозможным, так как «сие могло бы содержать в всегдашней неизвестности государственного казначея о числе наличных денег, где сколько есть, и затруднять употребление их на другие самонужные надобности». Третье замечание содержало критику порядка взятия пробы вина из каждой бочки из-за медлительности приема. Предлагалось ввести единую пробу вина из смеси «хорошего с худым»². Однако в дальнейшем эти поправки учтены не были.

Через четыре дня 17 сентября Устав поступил в Сенат вместе с именованным указом Екатерины II. Императрица предлагала не обсуждать Устав, а принять его к исполнению. Она распорядилась: 1) торги на подряды и откупа на следующий срок (с 1783 г.) провести во всех Казенных палатах уже учрежденных губерний на основании нового Устава; 2) начиная с 1783 г. наполнить винные магазины положенным по

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.51. Д.4245. Л.472об.

² Архив Государственного Совета. Т.1. СПб.,1888. С.287-288.

Уставу количеством вина; 3) жалованье винным приставам установить одинаковое с уездными казначеями; 4) контракты на поставку вина, заключенные до выхода Устава, «должны оставаться в своей силе до истечения положенного в них срока»; 5) Сенат обязан принять решение по перечисленным вопросам в соответствии с новым Уставом и доложить об этом императрице¹.

В Уставе о вине 1781 г. представлены разделы о порядке снабжения губерний вином, о строении винных магазинов, о казенных приставах, о винной сумме, о производстве вина и водки, о подряде или поставке вина, о продаже вина и о корчемстве. В конце прилагались образцы контрактов на поставку вина и содержание откупов².

Основные положения состояли в следующем. Изготавливать вино как для поставки в казну, так и для домашнего употребления разрешалось по-прежнему только дворянам в их имениях. Отменялось лишь клеймение кубов и казанов и взыскание так называемых «поведерных» денег. Казна должна была заготавливать вино на собственных винокуренных заводах или приобретать у частных подрядчиков. Откупщики, в свою очередь, обязывались покупать определенное количество вина для продажи населению из казны. Казенным палатам вменялось в обязанность на основании данных за прошедшие годы готовить сведения о примерном объеме вина, необходимом в губернии на следующий год. Кроме того, им было предписано ежемесячно «доносить о неисправных поставщиках вина и о мерах против них принятых»³. Они же должны были обеспечить заготовление вина, выбирая такой способ из вышеназванных, который оказывался бы наиболее выгодным для казны в данный момент. В

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.51. Д.168. Л.452-452об.

² ПСЗ. Т.XXI. №15231.

³ Градовский А. Указ. соч. С.245.

губерниях учреждались казенные винные магазины (склады), где предписывалось иметь всегда полугодовой запас вина, исходя из наибольшего в прошлом годового расхода.

К заключению контрактов на поставку вина казенные палаты были обязаны в первую очередь допускать тех подрядчиков, которые будут поставлять наименьшее количество. Контракт заключался на четыре года, но допускались и однолетние договоры. При назначении сроков привоза вина в магазины предусматривалась необходимость учитывать время года, чтобы «безвременно не отлучать людей от земледелия и полевой работы». Разрешался дворянам ввоз вина в города, на чем они настаивали еще в своих наказах депутатам Уложенной комиссии. Каких-либо принципиально новых законодательных норм в Уставе о вине не появилось. Его значение состоит, прежде всего, в том, что в нем были собраны, обобщены и приспособлены к новым административным условиям уже имевшиеся в распоряжении правительства нормы, разбросанные ранее по различным законодательным актам.

Введение в действие Устава о вине, видимо, объясняет отсутствие упоминаний о дворянской монополии на винокурение в появившейся через несколько лет Жалованной грамоте дворянству 1785 г., где в ст.28 было упомянуто лишь в общем виде, что «благородным дозволяется иметь фабрики и заводы по деревням». Постоянный критик правительства князь М.М. Щербатов, анализируя текст грамоты, сразу заметил этот пробел. В «Примечаниях верного сына отечества на дворянские права на Манифест» он писал, что в таком важном для государства документе вообще «о сидке винной не помянуто», а также ничего не говорится о новом дворянском праве на ввоз вина в города¹.

¹ Сочинения князя М.М. Щербатова. Т.1. СПб.,1896. С.294

Тем не менее, уже в феврале 1786 г. Жалованная грамота дворянству послужила основой для введения еще одной дворянской привилегии. Екатерина II провозгласила, что «никакое запрещение вступать в подряды и откупы, дворянам свойственные, находящимся из них у дел по губерниям, места иметь не может»¹. Здесь идет речь об отмене установленного еще Петром I запрета на осуществление дворянами поставок по казенным подрядам в те губернии, где они находились на государственной службе. А поскольку дворяне в основном находились именно в руководстве местной администрации, то это во многом способствовало появлению злоупотреблений.

В 1786 г. в некоторых губерниях России достаточно резко поднялись цены на хлеб, что значительно осложнило положение подрядчиков-винокуров и могло отразиться на наполнении вином казенных магазинов и грозило убытками государственному бюджету. Уже в июне 1786 г. была учреждена «Комиссия о изобретении способов к отвращению в Санкт-Петербургской губернии в хлебе недостатка», позднее ее стали называть Комиссией о хлебе, а в сферу ее интересов вошли и другие губернии. В ее состав входили директор Ассигнационного банка граф А.П. Шувалов, президент Коммерц-коллегии А.Р. Воронцов, столичный губернатор П.П. Коновницын, генерал-провиантмейстер С.И. Маврин, статс-секретарь А.В. Храповицкий. В указе Екатерины II от 15 июня 1786 г. комиссии предписывалось, «войдя во все подробности, причинившие возвысившуюся ныне цену на хлеб в Санкт-Петербурге и в губернии здешней, и собрав принадлежащие достоверные к тому сведения, представить докладом о способах к отвращению в том недостатка и к удержанию по возможности умеренной цены».

¹ ПСЗ. Т. XXII. №16328.

В представленном императрице докладе комиссия объяснила повышение цен растущим спросом на хлеб со стороны внутреннего и особенно внешнего рынка и рекомендовала строже регулировать экспорт зерна, а также учредить в губерниях государственные хлебные магазины, которые в случае недостатка хлеба должны продавать его населению по умеренным ценам¹.

На следующий год некоторые губернии страны постиг очередной неурожай. По предложению Екатерины II в столице были собраны генерал-губернаторы, которые должны были найти выход из создавшейся ситуации. Среди прочих мер было предложено ограничить винокурение, чтобы «через винокурение не уменьшить хлеба и не возвышать цены» и чтобы поставщики, «подрядившиеся по прежним и обыкновенным ценам хлеба, в тех наместничествах, где теперь в оном неурожай, не могут, не только по обязательству своему, поставить полного количества, но ниже и со уменьшением пропорции, не понесши большого убытка». На домашних винокурнях количество произведенного вина предлагалось сократить в два раза. Подрядчики же не должны выкуривать вина больше, чем «они в казенные магазины поставить обязались». Если же подрядчик не мог обеспечить поставку со своих заводов, ему разрешалось закупать спирт в Польше или на казенных заводах².

Граф А.П. Шувалов, один из крупнейших откупщиков, предложил уменьшить винные поставки на 1/4, что должно было принести казне убыток от 2 до 2,5 млн. руб. Этот дефицит бюджета, следствием которого «будет выгода и прокормление народное», Шувалов считал возможным

¹ Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII-XIX вв.). Л., 1985. С.4.

² Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете. Кн.2. М.,1865. С.73.

ликвидировать за счет Ассигнационного банка, «не выступая из предписанного ему предела»¹.

Другой сановник, граф А.А. Безбородко считал, что если «в случае крайней нужды» придется ограничить винокурение, то только на один год и при этом иметь «полугодовой запас определенный». Сокращение же производства компенсировать увеличением продажной цены вина для откупщиков («по цене хлеба прибавить и четвертый рубль на ведро»)².

Свое видение причин голода и путей выхода из создавшейся ситуации в записке «Разсуждение о нынешнем в 1787 году почти повсеместном голоде в России, о способах оному помочь и впредь предупредить подобное же нещастие» изложил князь М.М. Щербатов. Среди девяти причин дороговизны хлеба известный публицист назвал «умножение винокуренных заводов и корчемства». При этом Щербатов считал, что в царствование Елизаветы Петровны корчемства было меньше из-за строгости законов, а в последнее время «смотрение за ним весьма уменьшилось, а тем самым оно весьма умножилось к вящему повреждению нравов, истреблению лесов и хлеба, и к ущербу государственному»³.

Говоря же о способах преодоления голода, автор считал, что главным из них является «ограничение винной сидки и пивоварен». При этом Щербатов привел подробные вычисления затрат хлеба на винокурение. По его подсчетам, если в 1775 г. в казну ставилось 2 227 595 ведер вина, то в 1787 г. – не более 3 млн. Таким образом, если принять, что из 9-пудовой четверти хлеба выкуривается 5 ведер вина, то расход хлеба на винокурение составит 600 тыс. чтв. Таким образом, если винную

¹ Сборник РИО. Т.16. СПб.,1879. С.528.

² Там же.

³ Щербатов М.М. Разные сочинения князя М.М. Щербатова. М., 1860. С.82, 84.

поставку «уменьшить вполтину», то освободившимся хлебом можно будет в течение 10 месяцев кормить 480 тысяч человек, а так как «робята и менее едят, то сие даже до 600 тысяч человек пропитает». Но, выставляя на первый план «пользу народную», Щербатов, говоря о сокращении винокурения, беспокоился, прежде всего, об интересах дворян-подрядчиков. Если в его рассуждении о том, что казна получает от продажи вина большую прибыль и поэтому должна уступить половину поставки, тем более «в такое время, когда поставщики не обманом и не упрямством отрекаются, но самую невозможностию сыскать хлеба», делается упор на справедливость, то дальше автор уже пугает государство прямыми убытками.

Интересны его доводы. Начинает Щербатов с констатации «самодержавия» российских монархов, но тут же замечает, что «стихиями и существом вещей они повелевать не могут, а потому и повеление поставить вино будет повеление тщетное; ибо где ни за что не можно сыскать хлеба, тут никакая власть не может из пустого места курить вино». Далее автор задается риторическим для него вопросом. Если государь в соответствии с условиями контрактов будет настаивать на поставке в казну всего необходимого количества вина, а при невыполнении контрактов «повелит описать находящиеся в залоге деревни», то получит ли он от этого прибыль? И тут же следует ответ – «казна будет в той же невозможности высидеть вино, в какой были поставщики».

В случае же принятия ею решения получать с них «господские доходы» (доход от имений – Ю.Г.) казна опять окажется в проигрыше. Щербатов в качестве примера приводит следующий расчет. При поставке в казну 40 тыс. ведер вина помещик отдавал в залог 422 души крестьян (залог должен был составлять третью часть от всей суммы контракта – Ю.Г.). Если с этих крестьян брать ежегодный оброк в размере 5 руб., то

общая сумма составит 2110 руб. Вернет ли при таком доходе казна когда-нибудь те 88 тыс. руб., которые она должна была получить от продажи 40 тыс. ведер вина? Если же, «ломая по изволению разум закона, как у нас нередко случается», крестьяне будут проданы и за каждого из них будет получено 100 руб., то и в этом случае казна вернет лишь 42200 руб., т.е. меньше половины необходимого и только один раз. Но последствия такого решения могут быть самыми плачевными, так как «заводчики все разорятся, недовольных умножится, заслуженные и знатные дома обнищают, а когда придет делать новый подряд, то не найдется никого, кто бы имел заводы; а кто бы и имел, и тот не иначе приступит к сему опасному торгу, как возвышая чрезмерно цену», в результате казна понесет еще большие убытки.

Если вдруг поставщики «с совершенным разорением себя и с изнурением от голоду народа» найдут возможности осуществить поставки по заключенным контрактам, то и в этом случае казна не получит ожидаемого дохода, «ибо где люди хлеба не имеют, тут они вина не пьют». В результате откупщики будут разорены и отправлены на каторгу, непроданное вино «усохнет», за что будут наказаны винные приставы, «а все сие ни мало ни умирающим, ни умершим, ни голодным людям, ни доходу казне не поможет»¹.

Заочно споря с теми, кто мог быть не согласен с его доводами о необходимости снижения поставки вина в казну, Щербатов говорит, что в случае принятия такого решения за два года казна может потерять 8 млн. руб., а «казна имеет нужду во всех своих доходах». Но, по его мнению, это будут краткосрочные потери, потому что в случае принятия эффективных мер по «пресечению корчемства», в том числе законов, в которых будут предусмотрены «строгие, но не безчеловечные наказания на

¹ Щербатов М.М. Разные сочинения... С.100-101.

преступников» и которые бы «представляли довольные способы для недопущения сие учинить, и более бы предупреждали преступление, нежели наказывали», доходы казны увеличатся в полтора раза, а потом и более. А кроме того, с уничтожением корчемства не будет напрасно сжигаться лес и хлеб, все это перейдет к поставщикам, «а посему и самая великая поставка дешевле будет». В то же время Щербатов предлагал еще два способа покрытия финансового дефицита – выпуск на эту сумму «банковых билетов» и заем в Голландии, «как и прежде делали»¹. Было и еще одно конкретное предложение. Щербатов предлагал создать Государственную Коллегию или Приказ земледелия и домоводства, которые наряду с другими функциями получили бы право «уменьшать или запрещать винокурение во всех тех областях, где худо хлеб когда родится, умножая его, где он изобилен».

Но, несмотря на предлагавшиеся меры, Генеральная табель о государственных доходах, расходах и остатке на 1788 г. свидетельствует, что многие винные поставщики «сделались неисправными ставить по договорам своим вино», а казна для предотвращения дефицита вина вынуждена покупать его по «гораздо превосходным ценам» и не добрала планировавшийся питейный доход «сполна». При этом из государственного бюджета требовалось еще оплатить закупку вина «на счет неисправных поставщиков»². Казна в очередной раз продемонстрировала неспособность оперативно и эффективно управлять экономическими процессами.

В конце XVIII в. снабжение казны подрядным вином было стабильным и не требовало каких-либо кардинальных изменений в этой области. Отметим лишь, что определенные изменения касались

¹ Щербатов М.М. Разные сочинения... С.102.

² Сборник РИО. Т.4. СПб.,1871. С.227.

совершенствования законодательства, которое велось на всем протяжении царствования Екатерины II и которое могло затронуть регулирование винокурения. Так, в конце царствования Екатерины II продолжали работать 18 частных комиссий, образованных из состава общей Уложенной комиссии, распущенной в 1768 г.

После вступления на престол Павла I екатерининская комиссия продолжала существовать, новое правительство в декабре 1796 г. посвятило ей три указа. Сначала во главе ее был поставлен генерал-прокурор князь А.Б. Куракин и определена новая задача по составлению трех книг законов (уголовных, гражданских и казенных дел), а затем она была переименована в «Комиссию для составления законов Российской империи»¹.

План книги казенных дел было поручено составить члену комиссии Пшеничному, вошедшему в ее состав в сентябре 1798 г. К ноябрю эта работа, получившая название «Предварительное назначение материй, долженствующих войти в книгу законов по части казенной», была им закончена и внесена на рассмотрение Сената. План был одобрен и Пшеничному поручили приступить к составлению проекта книги. Судя по плану, в книгу должны были войти три главы, посвященные производству и продаже вина: глава V «О продаже в государстве российском хлебного горячего вина, також пива...», глава VI «О водочных заводах, також о иностранных водках, виноградных винах и гербергах, и трактирах», глава VII «О винокурении казенном и партикулярном, кому оно дозволено и кому запрещено». Однако проект книги не был составлен².

¹ ПСЗ. Т. XXII. №№ 17652, 17654, 17697.

² Латкин В.Н. К истории кодификации в России в XVIII столетии // Журнал Министерства юстиции. 1902. №5. С.44-45.

Параллельно с составлением новых законодательных актов правительство Павла I занималось и рассмотрением повседневных проблем. В январе 1797 г. император обязал Государственный Совет обсудить вопрос о соответствии в государстве пропорции между урожаем хлеба и изготовлением вина. Члены Совета, рассмотрев ведомости о продаже вина, урожае хлебов и количестве душ мужского пола в государстве, сделали вывод, что в стране сверх необходимого на продовольствие количества остается до 60 млн. чत्व. зерна, на вино же расходуется около 2,5 млн. чत्व. Следовательно, «пропорция вина против количества урожая хлеба весьма умеренна», а винокурение не только «неотяготительно» для народа, но и полезно, так как способствует питанию скота, а «чрез то утучению земли и самому урожаю хлеба»¹.

В XIX в. порядок производства и продажи вина государству неоднократно изменялся, но уже не в пользу дворянства. 2 апреля 1817 г. был утвержден новый Устав о питейном сборе. Новизна этого закона заключалась в следующем. Вино изготавливалось на казенных и частных заводах, которые могли принадлежать только дворянам, чиновникам обер-офицерских классов и «войсковым обывателям». На частных предприятиях должно было производиться не менее 2000 ведер «хлебного вина», поставлявшегося в дальнейшем в казну по цене, указанной в договоре. Отменялось право дворян на ежегодную выкурку 90 ведер вина «на домовый обиход».

С 1 января 1863 г. была введена новая акцизная система взимания питейных сборов, составной частью которой являлось свободное производство и продажа спиртных напитков. Казна же стала получать доход через обложение произведенного спирта (акциз) и самих заводов

¹ Архив Государственного Совета. Т.2. СПб., 1888. С.91.

▪ (патентный сбор). Таким образом, была отменена одна из самых доходных и продолжительных по времени существования дворянских монополий.

Глава 2. Российское законодательство о производстве и поставке вина

2.1. Заключение договора на поставку вина

В XVIII в. в связи с увеличившимися потребностями государственного аппарата, военными расходами, строительством новых городов и т.п. казной широко практиковалась поставка на государственные нужды товаров за определенную цену через заключение подрядов. Особенно это касалось заготовки товаров, которые нужны были государству постоянно. Подрядный способ приобретения был не столь обременителен для казны, как посылка офицеров или штатских лиц для закупки припасов, поэтому он и получил большое распространение.

Подрядные сделки были выгодны не только казне, но и подрядчикам, как в связи с тем, что при заключении контракта выдавались значительные оборотные средства в виде аванса, так и тем, что казна гарантировала им фиксированную прибыль. Предпринятая в 1715 г. Петром I попытка ограничить прибыль подрядчиков за поставку в казну припасов («какое бы оные звания не имели») 10%, не увенчалась успехом. Винные подрядчики отказались поставлять вино в казенные магазины «из десятой доли». Угроза потерять доходы от торговли вином заставила правительство вернуться к прежнему порядку подряда вина «с торгу»¹.

Порядок заключения договора подряда определялся в середине XVIII в. Регламентом Камер-коллегии от 23 июня 1731 г., основные положения которого действовали в течение нескольких десятилетий².

При явке на торги нескольких претендентов контракт заключался с тем, кто соглашался ставить вино не только в губернский город, но и в

¹ История предпринимательства в России. / Книга первая. От средневековья до середины XIX века. М., 2000. С.230.

² ПСЗ. Т.VIII. №5789.

«прочие к той провинции приписными ж городами». Если этому условию отвечали двое, то предпочтение получал тот, у кого уже было налажено производство большего количества вина. В случае изготовления «равного числа» преимущество имел первый прибывший к торгам. Если прибыли в один день, поставка отдавалась тому, кто «винокурные заводы свои пред другими прежде завел». Первыми допускались помещики, имевшие действующие предприятия, построенные до 1753 г. Вторыми были дворяне, владевшие винокурнями, заведенными также до 1753 г., но не производившими продукцию на момент торгов. Затем шли владельцы заводов, построенных после 1753 г. Последними оказывались те, кто только хотел начать строительство своего завода¹.

Запрещалось включать в контракт условия, противоречившие законам. Лица, настаивавшие на внесении таких «кондиций», к торгам не допускались².

Подробной инструкцией для губернских чиновников о порядке ведения торгов стало «Наставление казенным палатам об откупах и подрядах» от 8 декабря 1776 г. В случае необходимости заключения подрядов на поставку какого-либо товара казенной палате предписывалось вывешивать объявление «чего и сколько требуется» у того магазина, куда должна производиться поставка. Намечая день созыва потенциальных подрядчиков или их поверенных, палата должна была учитывать время, необходимое для того, чтобы все заинтересованные лица успели ознакомиться с условиями поставки. При отсутствии желающих делалось повторное объявление с привлечением подрядчиков не только данной, но и других губерний.

¹ ПСЗ. Т. XIV. №10466.

² Там же. Т. XVI. №12056.

При ведении непосредственных переговоров чиновникам рекомендовалось с каждым подрядчиком беседовать отдельно, проверяя одновременно судебное свидетельство о его состоянии и имении или специальную опись, если он уже выполнял казенную поставку. Эти документы кандидат на заключение подряда был обязан иметь при себе. В ходе переговоров с чиновником подрядчик или его поверенный должен был первым назвать или заранее письменно представить свои условия поставки. С подрядчика бралось обещание не разглашать их и не договариваться о повышении цены на поставляемые товары с другими кандидатами на поставку.

После опроса всех претендентов чиновники выбирали самые выгодные для казны «кондиции» и, собрав всех явившихся, объявляли эти условия, не раскрывая того, кто их предложил. Лишь затем начинался непосредственно торг, где выявлялся тот, с кем заключался контракт¹.

По Уставу о вине 1781 г., преимущественное право заключения договора с казной продолжало оставаться за подрядчиками той губернии, куда должна была производиться поставка. Но предпочтение стало отдаваться тем подрядчикам, чьи поставки были минимальны. Первыми шли поставщики, производившие до 100 ведер вина, затем – от 100 до 1000, и лишь потом – более 1000. В примечании указывалось, что такая очередность введена для развития «хлебопашества и скотоводства»².

20 февраля 1784 г. Екатерина II направила Сенату указ «О производстве торгов на подряды», в котором подтверждалась необходимость следовать «во всей точности» Наставлению казенным палатам 1776 г. Императрица выделила шесть правил, которых обязаны придерживаться все чиновники, занимавшиеся казенными подрядами. Во-

¹ ПСЗ. Т. XX. №14544.

² Там же. Т. XXI. №15231.

первых, контракты стараться заключать с местными поставщиками, так как от столичных из-за «отдаленности, кроме медления и различных затруднений, нельзя ожидать лучшего». Во-вторых, желательно отдавать подряды разным лицам, «для выгоды большей части людей, а не одного или немногих». Для этого, в случае равенства предлагаемых цен, предоставлять преимущество в заключении договора тем, кто может подписать контракт на сумму не более 10 тыс. руб. В-третьих, в случае превышения контрактной суммы 10 тыс. руб., условия договора должны утверждаться в Сенате. В-четвертых, конфликтные ситуации лучше разрешать на местах, не доводя их до Сената. В-пятых, предписания казенным палатам относительно казенных контрактов должны распространяться «в полной силе и на прочие места, где подряды...случиться могут». В-шестых, доверие к подрядчикам должно основываться на размерах «недвижимого или капиталов», которые они объявляют, «чем многие трудности облегчены и злоупотребления уменьшены будут»¹. В этих правилах в полной мере проявилось отношение Екатерины II, выразившееся ею и в других документах, к условиям, на которых казна может заключать договоры с частными лицами. Здесь и отрицание монополизма, и забота о сокращении расходов, и обеспечение безопасности государственных интересов.

Форма контракта обычно устанавливалась Сенатом, но могла незначительно изменяться в зависимости от местных условий. Чаще всего в уже готовый трафарет, часто даже отпечатанный, вписывалось количество «законтрактованного» вина и его цена, а также завод, с которого оно будет поставляться, сроки и способы доставки.

При определении сроков доставки Устав о вине рекомендовал казенным палатам учитывать наиболее удобное время для изготовления и

¹ ПСЗ. Т. XXII. №15930.

перевозки, чтобы, с одной стороны, «безвременно не отлучать людей от земледелия или полевой работы», а с другой – не попасть в «безпутицу» (распутицу – Ю.Г.) и своевременно принять вино в винный магазин¹.

2.2. Производство вина

Процесс производства вина был также строго регламентирован. В 1750-е годы была установлена зависимость между количеством подрядного вина и числом кубов и казанов на винокуренном заводе. На 1000 ведер произведенного вина предписывалось иметь от 2 до 4 казанов по 12 ведер в каждом. Если в кубе или в казане было более 12 ведер, то «онные располагались по расчислению, только б та положенная на 1000 ведер препорция» не была бы нарушена. При необходимости увеличить количество оборудования на заводе владелец подавал прошение в губернскую, провинциальную или воеводскую канцелярию, в котором указывал причину этого. Местная администрация, «освидетельствовав» завод, посылала представление в Камер-коллегию, которая принимала окончательное решение. При уменьшении числа кубов и казанов «выключение» могла осуществить местная канцелярия, не обращаясь в вышестоящие органы. Единственное о чем в таком случае должны были заботиться чиновники, – это сохранение производства и поставки вина в полном объеме².

По Уставу о винокурении 1765 г. изготавливать вино предписывалось только в медных кубах и казанах. Эксплуатация чугунных или медных, но с чугунным или железным дном запрещалась, так как, по мнению правительства, в подобных емкостях расходовалось большее количество хлеба и дров, а вина получалось меньше и худшего качества.

¹ ПСЗ. Т. XXI. №15231.

² Там же. Т. XIV. №10466.

Перед началом производства все казаны и кубы представлялись в губернскую канцелярию. Там их объем измерялся и ставилось клеймо, «сколько в котором кубе и казане будет по мере ведер». Клеймо наносилось так, чтобы потом его нельзя было переделать. В зависимости от объема брался специальный сбор по 50 копеек за каждое ведро в год. Этот сбор поставщик был обязан заплатить до завершения производства, так как после его окончания клейма сбивались и «курение вина» на данном оборудовании запрещалось¹.

Положение несколько изменилось уже на следующий год, когда появился сенатский указ об отмене 50-копеечного сбора. Помещикам, производившим вино для поставки в казну, разрешалось иметь «на их винокурных заводах столько кубов и казанов, сколько и когда им потребно будет». Это мотивировалось тем, что, избавившись от данного платежа, подрядчики в наиболее удобное для «сидки» вина время смогут использовать необходимое им количество сырья, сократив расход леса и хлеба. Клеймение, тем не менее, сохранялось для того, чтобы местные канцелярии могли следить за количеством винокурен в губернии². Появление этого указа, видимо, можно объяснить повышением в это время цен на хлеб и желанием правительства не столько облегчить положение поставщиков вина, сколько гарантировать его поступление в казну.

В прилагавшемся к указу типовом контракте дополнительно говорилось о том, что уменьшение или увеличение количества оборудования полностью зависит от желания владельца, но об изменениях необходимо сообщать в провинциальную или воеводскую канцелярию. При переводе завода на новое место в пределах уезда разрешение давалось

¹ ПСЗ. Т. XVII. №12487.

² Там же. №12708.

местной администрацией, а если в другой уезд, то прошение об этом подавалось непосредственно в Камер-коллегию¹.

В 1790-е годы происходит уточнение некоторых понятий, использовавшихся в законодательстве. Например, были четко обозначены критерии, отличавшие винокурный завод от винокурни. По указу Екатерины II от 22 августа 1794 г. винокурня – это заведение, где на 1 котле в 30 ведер помещик изготавливал вино для «своего обихода», но не более 90 ведер в год. На заводе вино производилось для поставки в казну в гораздо большем количестве².

В том же 1794 г. Сенат предписал, что на заводах должно находиться «в действии такое только число котлов, сколько действительно потребно для выкуривания вина по контракту с казною или откупщиком, и потребно для домового обихода». На предприятии могло находиться и большее количество емкостей, но только в качестве запасных. Такие котлы запрещалось даже готовить для использования в производстве³.

Надо отметить, что в период неурожая правительство могло запрещать винокурение в тех или иных регионах. Так, в 1750 г. было запрещено производство вина в Московской, Белгородской и Смоленской губерниях, правда, вскоре винные поставщики получили возможность винокурения при условии, что хлеб они будут закупать в тех местах, которые не пострадали от неурожая⁴. В 1755 г. Сенат под предлогом, что «от этого промысла происходит опустошение лесов», которые он обязан сохранять, запретил винокурение в Санкт-Петербургской губернии и во

¹ ПСЗ. Т. XVII. №12708.

² Там же. Т. XXIII. №17245.

³ Там же. №17271.

⁴ Там же. Т. XIII. №9709, 9718.

всей Ингерманландии¹. На тех же основаниях в 1793 г. было прекращено изготовление вина в Полоцкой и Могилевской губерниях².

2.3. Перевозка вина

Наиболее подробно и обстоятельно в российском законодательстве второй половины XVIII в. регулировался порядок провоза вина от места производства до казенного магазина. До введения в действие Устава о винокурении 1765 г. власти и подрядчики руководствовались сенатским указом от 31 августа 1744 г.³ Вино наливалось в «твердые и равномерные» бочки, которые хорошо закупоривались, «дабы в пути бочкам повреждения, а вину траты не было». На каждой бочке указывалось количество налитого вина, «чтоб стереться не могло». Затем составлялся общий реестр, который отправлялся «для объявления» кабацким сборщикам того города, через который должно провозиться вино. Они, в свою очередь, должны были выписать «ярлык» для проезда через заставы «без всякого задержания». Это было особенно актуально до отмены внутренних таможен в 1754 г.

После доставки вина в город производилась проверка и уплата пошлин. При сомнении в количестве ведер в бочке кабацкие сборщики имели право перемерить вино. Излишек в количестве от 1 до 5 ведер «безденежно» забирался в казну. Если же излишек составлял более 5 ведер, то вся бочка полностью конфисковывалась, «чтоб не крали положенной пошлины и ставили б на бочках число ведер верно». В то же время, если оказывался прав поставщик, а сборщики настояли на перемеривании вина «для своих вымышленных приметок», то

¹ Градовский А. Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры. СПб., 1866. С.173.

² ПСЗ. Т. XXIII. №17142, 17167.

³ Там же. Т. XII. №9022.

необходимую пошлину с этого вина уплачивал в казну сборщик. Такую же сумму получал и хозяин вина.

С полученной от кабацких сборщиков «выписью» или квитанцией вино могло без какой-либо задержки доставляться в предназначенное место. Если в пути при очередном осмотре обнаруживались лишние, незапечатанные и пронумерованные бочки, или запечатанные, но не той печатью, которая указана в квитанции, вино отбиралось в казну. По прибытии на место сдачи вина осмотр производился еще раз. Если обнаруживался излишек, поставщик уплачивал штраф по 50 коп. с каждого конфискованного ведра вина. Размер штрафа фиксировался в специальной квитанции, которая давалась для того, чтобы подрядчик мог взыскать свой убыток с тех, кто ему «отпуск вина с излишнею мерою ведр учинили».

В Уставе о винокурении 1765 г. правилам провоза вина была посвящена отдельная глава¹. Помещик, заключивший контракт на поставку вина, должен был для доставки его в нужное место получить в местной канцелярии «выпись». Для этого он подавал в местную канцелярию «доношение», в котором указывал, с кем заключен договор, куда и сколько вина необходимо поставить и сколько именно будет отправлено в этот раз. Перевозка вина без «выписей» запрещалась. Если же таковое обнаруживалось, то вино конфисковывалось и отдавалось на продажу в питейные дворы.

В отличие от прежних лет в пути запрещалось производить осмотры и «перемеры», кроме сравнения числа наличных бочек с количеством, указанным в «выписи». Даже если у поставщика не было «выписи», а он заявлял, что забыл или потерял ее, предписывалось сделать запрос в канцелярию, которая ее выдала, а с грузом послать сопровождающего до

¹ ПСЗ. Т. XVII. №12448.

места назначения. При приеме теперь лишнее вино в количестве до 5 ведер бралось в казну с оплатой по подрядной цене. Лишь вино, обнаруженное сверх этого, изымалось безвозмездно. Если в пути обнаруживалась пропажа вина, поставщик должен был получить письменное свидетельство, заверенное администрацией или жителями ближайшего города. Это свидетельство предъявлялось затем на месте сдачи вина. С подрядчика, не представившего такого свидетельства, «без всякого следствия» взыскивалось за каждое ведро «по продажной из питейных домов цене», за исключением положенного на утечку и усушку. Так как официальная продажная цена вина была гораздо выше, чем та, по которой нелегально мог продать поставщик, последнему становилось невыгодно заниматься корчемством.

В Уставе о вине 1781 г. нового в этом вопросе появилось немного. Специальный документ на провоз вина опять стал называться «ярлыком», но выдаваться должен был уже уездным судом. Подтверждался беспрепятственный проезд по всему пути следования, если число бочек соответствовало записанному в документах.

Принципиально новым был лишь раздел «О водяной возке вина», где рекомендовалось уменьшить число перегрузок вина с судна на судно, так как от этого «бывают разные остановки, неудобства и излишние убытки, иногда же и неистовства». Если судну пришлось остановиться или оно получило повреждение, то подрядчики должны были сообщить об этом земскому исправнику или городничему. Последние были обязаны на месте уточнить действительную причину и довести до сведения правления и казенной палаты той губернии, куда предназначалось вино. Если же вино с

судна растрчивалось или присваивалось перевозчиком, то следствие и суд велись обычным «порядком уголовных дел»¹.

Подобное внимание к водному транспорту было оправдано. Во многом это объясняется тем, что речные пути, характеризующиеся разветвленной сетью и превышающие по своей протяженности гужевые дороги, играли важную роль в обеспечении дальних перевозок. Это обстоятельство имело особое значение для транспортировки не только громоздких грузов (леса, металла, пеньки), но и хлеба, вина и соли, на которые в составе грузопотоков падал большой удельный вес. В последней четверти XVIII в. ежегодно речными путями перевозилось до 3 млн. ведер вина и до 10 млн. пудов соли².

2.4. Прием вина и оплата за него

Процедура приема вина от подрядчиков в казну также строго регламентировалась. В разное время места приема назывались и «отдаточные дворы», и «казенные магазины», и «питейные дворы». В 1756 г. в связи с тем, что в Белгороде и Курске вино принимали разными по объему ведрами, Сенат приказал Камер-коллегии разослать во все губернии указ, в котором «накрепко подтвердить», чтобы привозимое вино измерялось «заклейменными указными сходственными мерами». За неисполнение этого предусматривался штраф³.

Наиболее подробно правила приема конкретизировались в типовых договорах на поставку вина, заключавшихся на поставку в 1766 г. При приеме вина оно, прежде всего, пробовалось на запах. Требовалось, чтобы оно было «без всяких дурных запахов и охулы». При благополучном

¹ ПСЗ. Т. XXI. №15231.

² Истомина Э.Г. Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX века. М., 1982. С.237.

³ ПСЗ. Т. XIV. №10636.

прохождении этого этапа из каждой бочки брались пробы для проверки крепости вина. Это процедура называлась «отжиг», который производился в «заклейменных и от Камер-коллегии установленных отжигательницах». Если вино сгорало в необходимой пропорции, то оно признавалось годным и принималось в порядке очередности.

В случае сдачи большого количества вина приемщик был обязан ежедневно выдавать подрядчику расписку с указанием объема принятого за день вина. По окончании всей процедуры составлялась «генеральная квитанция». Вся приемка не должна была продолжаться более двух недель. При необходимости одновременного приема большого количества вина от нескольких поставщиков срок мог быть увеличен до месяца. Когда и в течение месяца подрядчик не смог сдать вино, то за просроченное время он мог получить с виновных «указные проценты». Если же поставщик пропускал свою очередь, не явившись в назначенный день до 10 часов утра, то срок привоза уже не фиксировался.

Деньги за поставленное вино должны были выдаваться в течение двух недель. Когда срок не выдерживался, «с тех людей, кто в том волокиту учинит», подрядчики могли взыскать штраф в размере «указных процентов» (т.е. 6% – Ю.Г.). За досрочно сданное вино деньги выдавались в тот же срок, но при их наличии на «отдаточном дворе». В противном случае необходимо было ждать их поступления¹.

В контрактах предусматривалось даже, какими монетами (медными, серебряными или бумажными) должно расплачиваться с подрядчиками государство. В феврале 1769 г. в связи с подготовкой выпуска ассигнаций правительство предписало Камер-коллегии производить выплату винным поставщикам серебряной монеты только в пределах ее сбора самой

¹ ПСЗ. Т. XVII. №12708.

коллегией. При нехватке недостающая часть должна была выплачиваться медными деньгами и ассигнациями¹.

В мае 1770 г. появился указ Сената «О приеме вина у подрядчиков и о выдаче за оное денег по силе контракта», который внес некоторые изменения в существовавший порядок. Теперь вино принималось, прежде всего, у тех поставщиков, кто привез его в определенный контрактом срок. Привезшие вино раньше положенного срока должны были ждать, когда «привезенному в срок вину прием окончится». Деньги выдавались в оговоренный срок только тем, кто привез вино в соответствии со своими обязательствами. Подрядчики, поставившие вино до срока, должны были ждать момента, пока Камер-коллегия соберет 1 млн. рублей и рассчитается с ежемесячными платежами по распоряжениям императрицы, а также осуществит другие обязательные выдачи в соответствии с государственным бюджетом².

2.5. Обеспечение выполнения контрактов

В условиях развития товарно-денежных отношений при сохранении господства феодальных отношений велика вероятность невыполнения подрядчиком, взятых на себя обязательств. Особенно, когда в роли подрядчика выступал дворянин, для которого гораздо привычнее было добиваться милостей от императора, чем выполнять договор с контрагентом, даже если второй стороной в договоре было государство. Срыв контракта мог произойти как из-за недобросовестного поведения самого поставщика, так и ввиду его неплатежеспособности.

В случае невыполнения обязательств в положенный срок, в 1760-е годы подрядчик должен был стараться поставить вино и «после

¹ ПСЗ. Т. XVIII. №13249.

² Там же. Т. XIX. №13458.

сроков...наискорее возможно, не чиня никаких отговорок». Если за это просроченное время казна не понесла никаких потерь, поставщик избегал наказания. Если по вине подрядчика на питейных дворах случались «простойные дни», то весь убыток «без упущения» взыскивался с него. Аналогичные действия предусматривались и в случае привоза «негодного» вина. Если же чиновник отказывался принять вино из-за, якобы, плохого качества, а при повторном осмотре оказывалось, что принять его можно было, то убытки за «простойные дни» взыскивались с приемщика¹.

В 1776 г. Сенат усилил наказание. Кроме прямых убытков подрядчик теперь должен был оплачивать и штраф в размере 6% годовых. Больше того, предписывалось впредь его к поставкам не допускать. В свою очередь, поставщик имел право взыскивать часть своих убытков с непосредственных виновников («буде наемные суть»), но не более 6% от «договорной цены», остального лишался, «чтоб впредь осмотрительнее был в выборе поверенного и прочих людей»².

Одним из наиболее распространенных способов исполнения обязательств в XVIII в. было поручительство. По Регламенту Камер-коллегии при заключении договора подрядчики должны были иметь «о своем состоянии и пожитках...свидетельства за подписанием бурмистров и нескольких знатных людей». Если поставщик не выполнял контракт, то лица, которые «то свидетельство дали», отвечали за него своим имуществом. Поэтому поручителям предписывалось, «зная тех подрядчиков состояние», наблюдать за ними и «понуждать, дабы по контрактам на указанные сроки исправлялись», так как в противном случае они сами будут отвечать «безо всякого послабления». Заметив нежелание поставщика выполнять договор, поручитель обязан был предупредить об

¹ ПСЗ. Т.XVII. №12708.

² Там же. Т.XX. №14544.

этом Камер-коллегию. В то же время подчеркивалось, чтоб «в тех поруках напрасного разорения не было», взыскивать убытки, прежде всего, с «неисправных» подрядчиков и лишь затем с поручителей¹. На протяжении XVIII в. данный порядок неоднократно подтверждался и уточнялся. Например, в свидетельствах стали требовать указания «до какой суммы кому верить можно»².

Другой формой обеспечения выполнения договора был залог. В июле 1774 г. Сенат принял указ «О правилах приема имений в залог от винных поставщиков». Отмечая необходимость появления этих правил, правительство ссылалось на то, что многие поставщики не хотят подписывать новые контракты с казной из-за большой величины залога. По новому положению залог стал равен одной трети от общей суммы контракта. В залог принимались винокуренные заводы, крепостные крестьяне и денежный взнос. Заводы оценивались по продажной цене, а оценку производила специальная комиссия из местных чиновников и дворян. Каждая ревизская душа с землей и угодьями, попадая в залог, стоила 50 руб. Для тех, кто давно и исправно поставлял вино, делалось исключение. Они получали преимущественное право на подписание контракта даже при представлении залога меньшего размера по сравнению с другими претендентами. Если подрядчик не выполнял свои обязательства, а сумма долга была больше залога, в казну поступала и та часть имения, которая в залог не входила³.

В 1789 г. Сенат обязал казенные палаты «иметь неослабное смотрение», чтобы помещики, являвшиеся винными поставщиками, не отдавали свои имения в залог за купцов-откупщиков, «ибо по таковому

¹ ПСЗ. Т.VIII. №5789.

² Там же. Т.XX. №14571.

³ Там же. Т.XIX. №14173.

вымышленному сообществу» чиновники не будут в состоянии отследить «могущих последовать во вред казны злоупотреблений»¹.

Обязательное выполнение этих правил было подтверждено указом Екатерины II генерал-прокурору от 22 ноября 1790 г. «О приеме залогов по подрядам, поставкам и винным откупам». Сенату и казенным палатам предписывалось усилить контроль за поступлением в казну залогов от должников. В противном случае весь убыток государства взыскивался с чиновников, «небрежение коих тому виною»².

2.6. Нарушения законодательства и злоупотребления чиновников

Одной из главных проблем, так и не решенных правительством, в период существования государственной монополии на продажу вина было корчемство. Неоднократное повышение правительством продажной цены на вино привело к тому, что в стране параллельно с официальным рынком вина существовал теневой, незаконный оборот спиртных напитков. На протяжении всего XVIII в. правительство, оберегая свои фискальные интересы, пыталось с этим бороться. В этой борьбе использовались самые разные методы. В первой половине XVIII в. за корчемство налагался большой штраф и конфискация. Приветствовалось доносительство, при чем доносчик получал часть денег, вырученных от продажи изъятой недвижимости. За ложный донос полагалось наказание кнутом и ссылка в Сибирь. Чиновникам местной администрации за отсутствие служебного рвения в искоренении корчемства грозили штрафы и лишение имений³.

В 1741 г. вице-президент Камер-коллегии Кисловский предложил Кабинету министров усилить борьбу с корчемством. По его мнению,

¹ ПСЗ. Т. XXIII. №16812.

² Там же. Т. XXIII. №16920.

³ Там же. Т. XIII. №9697.

видимо преувеличенному, пресечение корчемства привело бы к тому, что в казну могло «доходить не меньше до половины, что збирается з государства с положенных в оклад мужеска полу душ». Он указывал, что Корчемная контора работает плохо; в ней всего лишь два члена; часто корчемщики с оружием в руках пробиваются через заставы. Кисловский предложил ограничить дворянское винокурение, выдавать специальные разрешения «по рангам» помещикам на провоз вина сверх нормы в Петербург и Москву и построить вокруг них линию надолб¹.

В 1751 г. императрица Елизавета сделала «подарок» дворянству, простив всех наказанных за корчемство до 1749 г. и возвратив им конфискованные имения. В том же году была образована специальная Корчемная канцелярия, объединившая усилия столичных и губернских корчемных контор. Но, несмотря на большой объем проделанной работы, заметных успехов ее деятельность, видимо, не имела и она через 10 лет была слита с Камер-коллегией, под руководством которой находилась и раньше.

На протяжении XVIII в. делопроизводство о корчемстве росло очень быстро. Множество лиц разных сословий находилось под следствием. В 1751 г. было поймано много нижних чинов, первоначально они были приговорены к наказанию кнутом, но затем Сенат велел остановить исполнение приговоров и сослать их всех в Оренбург. Корчемников то миловали, освобождая их от пыток и приказывая чиновникам выяснять истину «следствием чрез сыски, доказательства и обыски», то жестоко преследовали, приказывая «чинить корчемникам пристрастные допросы и наказывать их плетьюми и палками, если они противу сделанных на них показаний станут запираяться». Корчемным сыщикам давали подробные инструкции, учреждали в разных местах, в том числе на границе

¹ Троицкий С.М. Финансовая политика... С.152.

украинских и великороссийских губерний, корчемные заставы, но это не помогало¹.

В марте 1754 г. сенатор А.В. Бутурлин подал Сенату предложение о мерах по борьбе с контрабандной торговлей вином. Указав, что в 1752-1753 годах было поймано 11939 человек, незаконно торговавших вином, и что фактически их число превышает 12 тыс., он предложил собрать точные сведения о количестве корчемщиков и всех их оштрафовать. «И тако хотя б по 25 руб. штрафу взыскано было, – писал он, – итого должно быть в зборе 500 тысяч руб., а когда б штрафы браны были по указу 1716 г., то придет 5 млн. руб.». Сенат приказал Корчемной конторе собрать такие ведомости, но в целом эта мера не была осуществлена².

В мае 1760 г. Сенат, обсуждая представленные сведения о продаже вина, пришел к выводу, что «в продаже с кабаков водки и вина происходит умаление, а в кабацком сборе недобор». Чтобы узнать реальную ситуацию, сенаторы приняли решение отправить в Казань, Кострому и Ярославль двух офицеров, которые должны были «секретно разведать», во-первых, как и в каких объемах торгуют откупщики («все ли продают водку и вино подрядное... и не варят ли они водки и вина сами..., и не продают ли они подвозного корчемного вина»), во-вторых, не занимаются ли корчемством монастыри³.

Тогда же, в начале 1760-х годов Сенат отправил предписание генерал-почтдиректорской канцелярии, где указал «буде не безывестно по делам», что очень часто указы о корчемстве нарушают ямщики, которые не только сами незаконно торговали спиртным, но и помогают другим провозить корчемное вино. Сенат приказал канцелярии предупредить всех

¹ Прыжов И.Т. История кабаков в России. М.,1991. С.224.

² Троицкий С.М. Финансовая политика... С.153.

³ Сенатский архив. Т.ХI. СПб.,1904. С.375-376.

ямщиков, чтобы они «не только корчемствовать вином не дерзали, но и у таких законопреступников, кои в незаклейменные кубы сидят, да мимо учрежденных застав тайно на продажу возят, отнюдь под провоз вина и прочаго недозволенного товара с подводами не наймовались и не провозили»¹.

Придя к власти и оценив состояние дел в стране, Екатерина II в своем знаменитом наставлении князю Вяземскому при вступлении его в должность генерал-прокурора писала: «В корчемстве столько винных, что и наказывать их почти невозможно, понеже целые провинции себя оному подвергли, а что пресечь нельзя, нехудо к тому изыскать способы к отправлению и облегчению народному»². Однако, когда до Екатерины дошло прошение смоленской полковницы Ирины Потемкиной, в котором та признавалась, что велела служанке из своего дома продавать вино и такой «проступок учинила как женщина по незнанию строгости законов», императрица простила ее и приказала возвратить отписанное у нее имение, если только дело действительно происходило так, как написано в челобитной³.

Устав о винокурении 1765 г. предусматривал достаточно жесткие наказания за корчемство: для дворян – лишение чинов и права винокурения, при повторении – конфискация движимого и недвижимого имущества и ссылка на поселение; для крестьян – штраф всему селению, по принципу круговой поруки, непосредственный же виновник подвергался отдельному крупному денежному штрафу; для дворовых

¹ ПСЗ. Т. XII. СПб., 1907. С. 693

² Сборник РИО. Т. 7. СПб., 1871. С. 348.

³ Сенатский архив. Т. XV. СПб., 1913. С. 524; Соловьев С. М. Сочинения. В 18-ти кн. Кн. XIII. История России с древнейших времен. Т. 25-26. С. 391.

людей и приказчиков – отдача в солдаты или ссылка в г. Оренбург; для купцов – исключение из гильдии и ссылка на горные заводы.

Для борьбы с корчемниками откупщики Петербурга и Москвы получили разрешение набрать специальные команды, по 60 человек каждая. В Москве с этой же целью был построен земляной вал вокруг города¹. На дорогах между отдельными городами и уездами откупщики ставили надсмотрщиков, наблюдавших за провозимым вином, устраивались внутренние заставы, сильно стеснявшие передвижение и создававшие целый ряд других неудобств². Откупщики или их поверенные в поисках корчемного вина имели право в любой момент (только не ночью) входить в любой дом, за исключением иностранных посольств. Когда такое вино обнаруживалось, виновный подвергался наказанию. Если же вторжение было необоснованным, откупщик был обязан компенсировать дворянину оскорбление, заплатив штраф. Лица других сословий никакой компенсации за напрасный обыск не получали³.

Характерно, что Устав о винокурении 1765 г. начинается скептическим замечанием о возможности уничтожения корчемства: «искусство и время делами доказало» невозможность «истребления вредных корчемств». Тем не менее, предложения Устава, касавшиеся этого явления, были во многом аналогичны прежним. В них входили различные меры устрашения, лишение чинов и имущества, ссылка. Так, крестьяне за корчемство подвергались штрафу всем селением в соответствии с принципом круговой поруки, «ибо невозможно, чтобы в том селе или деревне, где корчемство производится, об оном известно не было». В первый раз

¹ ПСЗ. Т. XIX. №13475; Т. XX. №14321.

² Мигулин П.П. Экономический рост русского государства за 300 лет (1613-1912). М., 1913. С.54.

³ Чечулин Н.Д. Указ. соч. С.161.

селение облагалось штрафом в размере 25 коп. с души мужского пола, во второй – 50 коп., в третий – 1 руб. Непосредственные виновники платили 5, 10 и 20 руб. соответственно. Дворовые люди отдавались в солдаты или ссылались на поселение в Оренбург. Купцы исключались из гильдий и отправлялись работать на горных заводах. Священников ожидало удаление от службы. Если же в корчемстве оказывались виновны дворяне, то они в первый раз лишались чинов и оборудования, на котором производилось корчемное вино, во второй – подвергались конфискации движимого и недвижимого имущества в пользу наследников и ссылке в Оренбург или службе в солдатах.

Донос о корчемстве мог сделать любой человек. Если сообщение подтверждалось, доносчик получал вознаграждение, равное половине подрядной суммы конфискованного вина. Если же донос оказывался ложным, то крестьян и дворовых предписывалось отдавать в солдаты, а «с прочими разного звания доносителями поступать по законам»¹.

Указом от 19 января 1767 г. для прекращения корчемства коронным поверенным разрешалось осматривать возы с хлебом, сеном и дровами, так как под этими грузами могло быть спрятано вино, с единственным условием не испортить груз. Если же по каким-либо причинам нельзя было задержать нарушителей на месте, то Сенат рекомендовал, «не вступая с ними в драку», следить за ними «до другого жилья», где, собрав людей, задержать преступников и «в надлежащие места представить»².

17 марта 1767 г. императрица и сенаторы обсуждали возможность обложения французской водки с будущего года новой пошлиной. В результате решили с введением пошлины не спешить, пока в Комиссии о коммерции не будет сделано общее положение о пошлинах на все товары.

¹ ПСЗ. Т. XVII. №12448.

² Там же. Т. XVIII. №12812.

Но в то же время сильное беспокойство вызывало продолжающееся в стране корчемство русской водкой. Сенат сделал секретный вопрос новгородскому и смоленскому губернаторам, каким образом прекратить корчемство со стороны Лифляндии и Польши.

Новгородский губернатор Сиверс отвечал, что хотя точных мер принять против этого нельзя, так как «лакомство к вину и собственная прибыль будут поощрять к корчемству», однако, он не оставил при всех случаях открыто и «под рукою» наведываться от воевод, дворян и нижних чинов людей и от самих корчемников, недавно пойманных под самым Новгородом, каким образом производится корчемство. Почти все ему сказали, что они покупают вино в бочках и анкерках не только в дворянских корчмах, но и разменивают у крестьян хлеб на вино, крестьяне этот хлеб опять используют на винокурение и таким образом продолжается непрерывный оборот. Сиверс предложил Сенату приказать лифляндскому генерал-губернатору, чтобы он не только подтвердил всем живущим на границе дворянам смотреть как можно внимательнее за своими крестьянами, но и умножил нынешнее денежное наказание за корчемство или, по меньшей мере, предостерег дворян, что их «умышленное нерадение» может повредить их привилегиям. От «такого подтверждения и страха», по словам Сиверса, может быть немалая прибыль в Новгородской и Псковской провинциях, «ибо смело можно утверждать», что не менее 30 тыс. ведер вина ввозится в Россию незаконно. Сенат вынес определение обязать «подписками» пограничных жителей не продавать вина иначе как «по мелочам».

Мало что изменилось и в дальнейшем. В 1780 г. крупнейший московский и петербургский откупщик Голиков доносил в Сенат, что корчемство «распространилось до крайней чрезвычайности и корчемники до толиковой дошли наглости и безстрашия, что нередко, скоплясь во

многом числе, вооруженные, провозят великими обозами, бочек до 2000, каковых партий по достоверным известиям в год ввозится по меньшей мере 50, а сверх того меньшим числом производящих корчемство так размножилось, что во всяком почти селении оное производится». Голиков жаловался, что корчемники нередко защищаются «вооруженною рукою» и не только не боятся стражи, а, наоборот, сами в некоторых местах держат ее в страхе. Он считал, что от корчемства терпит до 300 тыс. руб. убытков в год¹.

Устав о вине 1781 г. не столько изменил, сколько дополнил некоторые нормы законодательства. В 27 из 130 статей Устава излагались меры по пресечению корчемства. В отличие от Устава о винокурении 1765 г. упор делался на наказание должностных лиц, по долгу службы связанных с приемом и продажей вина. «Смотрение иметь» поручалось городничим, нижним земским судам и уездным стряпчим. Основным методом получения сведений о нарушениях оставался донос. Доносчик не только получал часть суммы, взимаемой с корчемника, но и освобождался от наказания, если сам занимался тем же.

К корчемству были отнесены такие нарушения, как «обмер или обман» при приеме или продаже вина, «примешивание или приливание воды, или чего бы то ни было иного», «своевольная» продажа казенного вина, покупка «заведомо краденого» вина. Лица, замеченные в этом, считались преступниками и должны были отвечать в соответствии с уголовным законодательством. «Порядок уголовных дел» применялся и к тем, кто оказывал сопротивление лицам, посланным для «осмотра и выемок корчемства».

¹ ПСЗ. Т. XIX. №15030.

При установлении размера денежного штрафа за нарушения государство явно руководствовалось фискальными соображениями. Штраф, бравшийся с нарушителей, равнялся двойной продажной цене вина. Половина денег поступала в казну, половина шла доносчику. Если же нарушения обнаруживались без доноса, вторая часть отсылалась в Приказ общественного призрения. При вторичном нарушении мужчины на 2 года ссылались «в крепостную работу», а женщины на такой же срок – «в рабочий дом»¹.

Заметим, что корчемством занимались и некоторые дворяне. Современники подозревали в такой неблагоприятной деятельности одного из крупнейших винозаводчиков князя А.Б. Куракина. Князь И.М. Долгоруков отмечал, что «состояние его (Куракина – Ю.Г.), отмеченное долгами до того, что при взятии своей отставки он едва не лишился продажей своего имения, столь напротив поправилось жизнью его в деревне не хозяйством, не умеренностью, а корчемством, что при нескольких годах такого уединения он имел знатный доход и мог содержать органную музыку из иностранцев составленную»².

Центральные и местные чиновники также не упускали возможности использовать выгоды своего положения для получения дополнительных доходов. Часто это происходило с нарушением законодательства и прямыми преступлениями. Одной из на шумевших историй было дело генерал-прокурора А.И. Глебова. Уже в царствование Елизаветы Петровны А.И. Глебов пользовался расположением великого князя Петра Федоровича, который в первый же день своего восшествия на престол назначил его на должность генерал-прокурора³.

¹ ПСЗ. Т. XXI. №15231.

² Записки кн. И.М. Долгорукова // Русский библиофил. 1914. №8. С.65.

³ Сборник РИО. Т.1. СПб., 1867. С.216.

В начале правления Екатерины II Глебов сохранил эту должность, пока императрица не узнала о некоторых его неблагоприятных поступках. Прежде всего, это относится к участию Глебова в винных поставках и откупах в отдаленной Иркутской провинции.

В нашем распоряжении имеются документы, отражающие две версии произошедших событий. Первая версия – официальная, была представлена Екатерине II Сенатом. Вторая изложена самим А.И. Глебовым в письме императрице.

В соответствии с официальной версией в 1756 г. А.И. Глебов заключил контракт на поставку вина в кабаки Иркутской провинции. При этом Глебов, тогда еще обер-прокурор Сената, «выговорил» себе подрядные цены гораздо выше обычных. Если ранее за поставленное вино в Иркутске платилось по 1 рублю за ведро, то Глебов получил по 1 руб. 42 коп. Иркутское купечество, которое содержало в провинции винное откупа, узнав о таких ценах, объявило о невозможности далее выполнять свои обязательства по продаже вина и уплате кабацкого сбора. В ответ Глебов заявил, что купцы вводят местные власти в заблуждение, и попросил Сенат назначить новые торги на содержание откупов в Иркутской провинции. Торги состоялись 23 ноября 1758 г. Их выиграл обер-прокурор, обязавшись ежегодно платить в казну по 58 тыс. руб. Желавшие участвовать в торгах купцы не были к ним допущены и, таким образом, Глебов получил в свои руки и поставку, и продажу вина в Иркутской провинции. А через четыре месяца он передал винный откуп местным купцам, получив с них за это 160 тыс. руб., а, кроме того, купцы должны были ежегодно в течение 10 лет отдавать обер-прокурору по 25

тыс. руб. Чуть позже Глебов отдал в аренду купцам и винокуренные заводы¹.

Но до этого в соответствии с контрактом, который заключил Глебов, его поверенный купец Евреинов прибыл в Иркутск для приема дел. Иркутское купечество, считавшее, что на них не распространяется указ 19 сентября 1755 г., в соответствии с которым купцам было запрещено иметь винокуренные заводы, но допускалось исключение для отдаленных провинций, восприняло приезд Евреинова как недоразумение. Об этом по их просьбе иркутский вице-губернатор Вульф сообщил Сенату. Глебов, недовольный оказанным сопротивлением, обвинил перед Сенатом иркутский магистрат в злоупотреблениях при продаже вина, доказал необходимость проведения специального расследования «через верную и надежную персону». И 13 января 1758 г. появился указ о посылке в Иркутск следователя – коллежского асессора Крылова.

В ходе следствия Крылов допустил многочисленные злоупотребления. Он арестовывал и подвергал побоям местных купцов, и даже вынудил их отправить в Петербург доверенных с ходатайством о помиловании тем, кто якобы оказался виновным. Но, кроме того, еще одной обязанностью этой делегации была передача денег и подарков Глебову. В Петербурге купцы передали ему два векселя на 30 тыс. руб. каждый. Также Крылов «переченил» для своего покровителя с 7653 руб. 29 коп. до 1379 руб. 50 коп. казенные винокуренные заводы, которые были переданы Глебову для осуществления поставки.

В конце концов, Крылов отстранил Иркутского вице-губернатора Вульфа и сам стал управлять провинцией. Вульф тайно отправил донесение обо всем происходящем в Тобольск сибирскому губернатору, от

¹ Сборник РИО. Т.1. С.217.

которого 8 ноября 1760 г. получил приказ об аресте Крылова. Следующей ночью Вульф в сопровождении 25 казаков арестовал Крылова, а на другой день был получен и сенатский указ от 20 сентября об аресте Крылова и отправке его в Петербург¹.

Закончилось царствование Елизаветы, прошло время Петра III, а Глебов с Крыловым оставались ненаказанными, правда, последний находился в заключении, но окончательный приговор ему вынесен так и не был. Лишь при вступлении на престол Екатерины II Глебов поспешил возвратить иркутским купцам часть полученных от них денег, склонив их подать в Сенат мировую. Но императрица собственноручным указом от 4 декабря 1762 г. напомнила Сенату о необходимости закончить это дело.

Окончательное решение было принято императрицей еще через год. Прочитав доклад Сената Екатерина II посчитала, что следствие по делу Крылова велось плохо и доказанной является только одна вина Крылова – арест иркутского вице-губернатора Вульфа и самовольное исполнение его обязанностей, все же остальное – бездоказательно. Больше того, по мнению императрицы, отказ иркутского купечества своевременно представить необходимые для проверки ведомости «подает справедливое подозрение в расхищении; ибо если бы у них деньги были не употреблены на недозволенные расходы, также и оставшие были в целости, то какая бы им была нужда по требованиям Крылова ведомости столь долго удерживать и не давать»².

Тем не менее 3 февраля 1764 г. А.И. Глебов был отправлен в отставку с должности генерал-прокурора, так как «в сем деле, по крайней мере, оказался подозрительным и тем самым уже лишил себя доверенности, соединенной с его должностию». Больше того, ему

¹ Сборник РИО. Т.1. 218.

² Там же. С.242,251.

запрещалось когда-либо вновь «вступать» в государственную службу. Казенные заводы, полученные по сверхльготной цене, забирались обратно. Крылов, по мнению императрицы, вполне заслужил смертную казнь. Но так как он уже несколько лет провел в тюрьме, было приказано доставить его в Иркутск, где высечь кнутом и отправить на пожизненную каторгу, а его имение – продать с аукциона, раздав вырученные деньги потерпевшим. Что касается столичных и провинциальных чиновников, обвиненных во взятках, императрица лишь заметила, что так как следствие ничего не доказало, то «мы их в том и не обвиняем, а отдаем паки на их совесть, чтобы они, если в том виновны, раскаялись».

Интересно замечание, сделанное Екатериной II в ее речи по этому делу, произнесенной в Сенате: «Столь страшные следствия имеют те дела, кои страстию производятся и до каких дерзостей доводят, когда вместо законов страсть ими руководствует, чего нигде так не видно, как из всего сего дела»¹.

Уже после состоявшегося решения 20 февраля на имя императрицы от Глебова поступает письмо, в котором он попытался объяснить и оправдать свои поступки. Характерно, что более половины письма посвящена описанию обстоятельств женитьбы Глебова на Марии Чоглоковой. Характерно, что хотя Глебов ни разу напрямую не говорит о родстве своей жены и императрицы Елизаветы, но напоминание об этом постоянно незримо присутствует. Далее идет рассказ о трудной ситуации, в которую попала новая семья. «Жена моя более 55000 рублей долгу на себе имела; мой достаток состоял только в 900-х душах крестьян и до восьми тысяч рублей денег, и то до свадьбы, а во время приготовления к свадьбе и я более 20000 должным сделался. Детей семеро, жена статс-дама, и я было был обер-прокурор. Что осталось делать при таких беднейших

¹ Сборник РИО. Т.1. С.243.

обстоятельствах? Крайность самая понудила искать своего пропитания, но, к несчастю моему, везде было поздно. Лучшее, что ко удовольствию всего дворянства тогда учреждено, была винная поставка, чем многие и пользовались; но и та задолго до моей свадьбы разными персонами, яко то: сенаторами, штатскими, придворными и военными разобрана была, а я о том прежде никогда и не думал, да и нужды не было»¹.

Вскользь упоминая о получении из казны аванса в 25 тыс. руб., Глебов более подробно пишет о том, какие препятствия он должен был преодолевать при заключении контракта на поставку вина в Иркутск. По его словам, для того, чтобы избавиться от нежелательного поставщика, сибирский приказ уменьшил цену вина на 12 копеек за ведро, так как не желал лишаться ежегодных подношений от местных купцов. Купцы же могли делать чиновникам крупные подарки, так как, во-первых, разбавляли вино («водку добротой хуже простого вина продавали»); во-вторых, занимались корчемством; в-третьих, воровали припасы из казенных поставок, занимаясь приписками в расходных книгах.

По версии Глебова, когда он от своего поверенного Евреинова обо всем этом узнал, то настоял на создании специальной комиссии, которая должна была на месте разобраться «о причинении ущерба казенному». Бывший генерал-прокурор признает, что написал письмо Крылову, но не приказывал ему применять пыток для выбивания из купцов денег, «да я бы не достоин был и имени человеческого носить, буде б столь скаредную душу имел, чтоб мучение человеку чинить для своего прибытку»².

Письмо Глебова осталось без ответа, а решение императрицы – без изменения.

¹ Сборник РИО. Т.7. СПб., 1871. С.343.

² Там же. С.344-345.

Но и после дела Глебова чиновники не только сквозь пальцы смотрели на нарушения законодательства о винокурении, но и сами его нарушали. Так, в 1766 г. почти вся администрация Новороссийской губернии, включая губернатора и прокурора, знала о корчемстве и не преследовала его, предпочитая получать взятки за бездействие¹.

И это не было чем-то исключительным. В конце того же года Сенат получил именной указ опубликовать во всем государстве о произведенных наказаниях за взятки и лихоимство. В указе говорилось: «Многократно в народе печатными указами было повторяемо, что взятки и мздоприимство развращают правосудие и утесняют бедствующих... Но к чрезмерному нашему сожалению, открылось, что и после того нашего увещания нашлись еще такие, которые мздоприимствовали в утеснение многим и в повреждение нашего интереса; а что паче всего, будучи сами начальствующие и одолженные собою представлять образ хранения законов подчиненным своим, те самые преступниками учинились и их в то же зло завели».

Наказанию подверглись 39 человек, причастных к делу о взятках по винокурению в Белгородской губернии. Во главе преступников находился исполнявший должность губернатора князь Григорий Шаховской и губернаторский товарищ Безобразов. О Шаховском состоялась такая высочайшая резолюция: «Кн. Григорий Шаховской, бывши губернатором, за свои законам противные поступки подлежал всякому наказанию, а именно: 1) в том, что, имея жалованье, коснулся взяткам; 2) слабым своим смотреньем учинился во всем дурным примером для подчинённых и тем вовлек их в преступление; 3) чрез неискоренение корчемства нанес немалый ущерб казне; 4) а что еще паче всего умножает его преступление, все сие учинено им после милостивого указа 1762 года, следовательно, и

¹ ПСЗ. Т. XVII. №12781.

наказанию подлежит образцовому, а именно: лишив его всех чинов и доверенности, соединенной с оными, которым он учинил себя недостойным, что ему и объявить; а в рассуждении заслуг, усердия и ревности к службе дяди его, князя Якова Шаховского, повелеваем, сие наказание отменив, обратить оное ему в четырехлетнюю ссылку в его деревню, и впредь не определять его ни к каким делам, и притом ко двору ему не ездить, и в Белгородскую губернию не въезжать»¹.

Таким образом, законодательные нормы, которыми правительство пыталось ограничить корчемство и взяточничество чиновников, развивались в двух направлениях. С одной стороны, ужесточалась ответственность за нарушения, с другой – все более детализировалась регламентация производства и провоза вина. И то, и другое не могло справиться с незаконным оборотом «хлебного вина». В условиях дворянской монополии на винокурение и государственной монополии на продажу вина высокая конечная стоимость вина устанавливалась произвольно, что и толкало широкие слои населения на различные правонарушения, а чиновников на «мздоимство».

¹ Соловьев С.М. Сочинения. В 18 книгах. Кн. XIV. История России с древнейших времен. Т. 27-28. М., 1994. С.11-12.

Глава 3. Влияние правительственной политики на дворянское винокурение во второй половине XVIII в.

3.1. Центрально-Нечерноземный район¹

До губернской реформы 1770-х годов в Центрально-Нечерноземный район входили Московская и Нижегородская губернии. В 1780-90-е гг. состав района несколько изменился, его составили Владимирская, Калужская, Костромская, Московская, Нижегородская, Тверская, Ярославская губернии.

По данным ведомости 1753 г., в Центрально-Нечерноземном районе было зарегистрировано 78 винокуренных заводов, принадлежавших дворянам, что составляло 29,5% всех помещичьих предприятий страны, поставлявших вино в казну. Но если на 39 заводах Московской губернии находилось 354 кубов и казанов общим объемом в 4079 ведер, то на таком же количестве предприятий Нижегородской губернии было 485 кубов и казанов емкостью в 6680 ведер.

Среди дворянских заводов в Московской губернии выделялись предприятия президента Камер-коллегии князя Т. Шаховского в Алексинском, князя В. Хованского в Переславском, стряпчего А. Арчаковского в Малоярославецком, капитана А. Глебова в Лахвинском уездах. В нескольких уездах были разбросаны заводы многочисленного семейства Долгоруковых. В Переяславском уезде зарегистрировано

¹ Анализ развития винокуренного производства целесообразно провести по регионам. Несмотря на то, что в основу районирования положен лишь один показатель – размеры дворянского винокурения в губернии – оно в целом совпадает с общим экономическим районированием губерний, принятым среди историков. См., например: Вальская Б.А. Обзор опытов районирования России с конца XVIII в. по 1861 г. // Вопросы географии. Т.17. М., 1950. С.139-201; Материалы по истории сельского хозяйства России второй половины XVIII века. Сост. К.В. Сивков. М., 1982. С.17; Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия. С.34.

предприятие подполковника князя Я. Долгорукова, в Козельском – княгини М. Долгоруковой, в Кинешемском – князя С.Г.Долгорукова, в Пошехонском – генерал-майора князя В.П. Долгорукова, в Костромском – князя С.П. Долгорукова и княгини А.М. Долгоруковой, в Лихвинском и Козельском – коллежского асессора князя Я. Долгорукова. В основном перечисленные заводы были оборудованы несколькими кубами и казанами емкостью более 100 ведер¹.

В Нижегородской губернии находился самый мощный дворянский винокуренный завод в стране. Завод принадлежал генерал-аншефу сенатору графу П.И. Шувалову и был оборудован 73 кубами и казанами объемом в 1545 ведер. В этом же уезде зарегистрированы крупные предприятия генерал-аншефа графа П.С. Салтыкова, полковника графа П.А. Румянцева, тайного советника князя И.В. Одоевского, который имел еще один завод в Арзамаском уезде и один в Архангельской губернии. В Нижегородском уезде большие заводы имели генерал-лейтенант Б.В. Грузинский и братья князя Матвей, Сергей и Антон Кантемиры. В Курмышском уезде выделялся завод тайного советника А.В. Макарова².

В 1765 г. количество дворянских заводов на территории Московской губернии увеличилось до 44, а в Нижегородской сократилось до 10. 54 завода составляли 28,8% от всех винокуренных предприятий страны. К сожалению, перечисляя заводы винных подрядчиков, ведомость 1765 г. не позволяет выделить отдельно производительность каждого предприятия. Поэтому ограничимся перечислением крупных поставщиков, имевших заводы только в Московской губернии. В Московском уезде – это генерал-аншеф П.И. Стрешнев (11666 ведер), в Горловском уезде – статский советник Н.Ф. Коковинский (13250 ведер), в Тульском уезде – секунд-

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.39. Д.2845. Л.487-487а.

² Там же. Л.488об-489об.

майор князь Н.С. Долгоруков (16908 ведер), в Переславском уезде – лейб-гвардии сержант И.Р. Чернцов (40525 ведер), в Сапожковском и Алексинском уездах – князь А.М. Долгоруков (11874 ведра), в Тульском и Алексинском уездах – лейб-гвардии премьер-майор князь Н.А. Шаховский (20610 ведер)¹.

В Нижегородской губернии подобных поставщиков не было. Среди крупных предприятий, имевших заводы в разных губерниях, фигурируют уже знакомые И.В. Одоевский, жена П.С. Салтыкова графиня Прасковья Юрьевна, а также сын П.И. Шувалова граф Андрей Петрович².

В 1775 г. уменьшилась численность предприятий уже в обеих губерниях, в Московской – до 30, в Нижегородской до 4. От всех заводов помещиков это составляет 17,3%. Безусловным лидером среди московских поставщиков стал генерал-аншеф А.И. Глебов, с завода которого в Лихвинском уезде отправлено 117982 ведер вина. Отметим, что в ведомости 1765 г. сказано о поставке А.И.Глебовым вина с предприятий в Вятском и Обоянском уездах. Далее следуют генерал-аншеф князь В.М. Долгоруков (23872 ведра вина), генерал-майор А. Жуков (10456 ведер), князь А. Касаткин-Ростовский (15 тыс. ведер), секунд-майор Д. Лихарев (20783 ведра), коллежский ассессор А. Реткин (33638 ведер с 2-х заводов). коллежский ассессор Д. Шепелев (29769 ведер с 2-х заводов)³.

В Нижегородской губернии лишь прокурор Нестеров ставил 5000 ведер вина, заводы остальных были гораздо мощнее, Е.М. Румянцева, жена генерал-аншефа графа П.А. Румянцева, отправила 14290 ведер вина, генерал-аншеф граф И.П. Салтыков – 17549 ведер. Но самый крупный завод находился, видимо, в Алаторском уезде. С него и двух заводов в

¹ РГАДА. Ф.273. Оп.1 ч.9. Д.31712. Л.6об, 15, 19-19об., 21об., 22об.,

² Там же.

³ Там же. Ф.248. Оп.47. Д.4059. Л.29об.-32.

Казанском и Пензенском уездах граф А.П. Шувалов поставил 150210 ведер вина, что являлось наивысшим показателем в стране¹.

Ведомости 1780-х и начала 90-х годов, содержавшие сведения о винных поставках в ту или иную губернию, к сожалению, не дают возможности узнать, где находились заводы подрядчиков, что позволяет использовать их лишь в качестве вспомогательного материала. Более надежен материал топографических описаний губерний 1783-84 гг. В описании Тверской губернии упоминается 14 винокуренных предприятий. К крупным заводам может быть отнесено заведение статского советника Ермолаева в Старицком уезде, откуда 10700 ведер вина отправлялись в Тверь, Торжок и Старицу. 18 заводских кубов обслуживались 31 крепостным рабочим. Хлеб для переработки покупался на рынке. Остальные заводы по своим размерам подпадали под категории мелких и средних. Все предприятия обеспечивались собственным и товарным хлебом, исключение составлял завод секунд-майора Осипова в Ржевском уезде, использовавший исключительно вотчинное сырье. Характерно, что на всех заводах работали крепостные крестьяне².

В 90-е гг. XVIII в. Московскую губернию охватила горячка строительства винокуренных заводов. Ведомости содержат указание на время основания предприятий. Из 44 заводов, существовавших в 1795 г., 41 был построен в 80-90-е гг., в т. ч. в начале 90-х – 33³. В 1794 г. 37 предприятий Московской губернии поставили в казну и откупщикам 111730 ведер вина⁴, в 1795 г. – 44 завода 243208 ведер, в 1799 г. – 33 завода

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.47. Д.4059. Л.77об.-80.

² Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783-1784 гг. Тверь, 1873. С.43, 70, 79, 124, 135, 146, 163.

³ РГАДА. Ф.1239. Оп.3 ч.111. Д.59303. Л.3об.-54.

⁴ Там же. Ф.248. Оп.57. Д.4769. Л.21об.-83.

193545 ведер¹. Это единственный случай в этом регионе, когда снизились объемы поставок. Основную массу заводов составляли мелкие и средние, отправлявшие от нескольких сотен до нескольких тысяч ведер. Но росла роль и крупных предприятий, если в 1794 г. их насчитывалось всего 2 (5,4%) и они поставляли 72165 ведер (64,6%), то в 1795 г. – 9 (20,4%), и 185983 (76,5%), а в 1799 г. – 11 (33,3%) и 154529 (79,8%) соответственно.

Характерно, что в этот период ни один винокуренный завод губернии не работал исключительно на рыночном сырье. В 1794 и 1795 гг. подавляющее количество вина отправлялось с предприятий, не прибегавших к услугам рынка. Но в 1799 г. положение изменилось. С 17 заводов, чье производство базировалось на вотчинном сырье, было поставлено 62599 ведер (32,3%), а с 16 предприятий, где использовались и покупные материалы, 130946 ведер (67,7%).

Наибольшую поставку в Московской губернии осуществлял тайный советник князь С.С. Гагарин, с завода, построенного в 1778 г., в с. Никольском Рузского уезда. В 1794 и 1795 гг. с этого предприятия было отправлено 61086 и 61406 ведер вина соответственно, причем завод обеспечивался из собственных вотчин. Вдовствующая статская советница А.Ф. Татищева владела старым заводом в губернии, открытым в с. Грабанове Волоколамского уезда еще в 1769 г. и производившем около 3000 ведер из собственного хлеба. В с. Грибанове у А.Ф. Татищевой крепостных крестьян не было и завод обслуживался «приписными к оному» 228 душами м.п. Ей же в 1794 г. принадлежал небольшой завод, заведенный в с. Болдине Клинского уезда в 1777 г., но в 1795 г. она, видимо, передала его сыну лейб-гвардии капитан-поручику В.Е. Татищеву, который указан владельцем и в 1799 г. С 1783 г. в с. Мергалове Вереяского уезда находился завод лейб-гвардии секунд-майора А.Г. Гурьева. В 1799 г.

¹ РГАДА. Ф.273. Оп.1 ч.6. Д.21766. Л.11об.-26.

из 5085 чтв. хлеба, в том числе 4030 чтв. товарного зерна, было получено 27971 ведер вина и поставлено по контрактам 26553 ведра. В 1794 г. при этом заводе состояло 889 крепостных крестьян. Действительный статский советник Н.Е. Мясоедов, открывший производство лишь в 1795 г., произвел 14334 ведра вина силами находящихся «при заводе» 143 собственных крестьян. А вот три четверти хлеба и дров были приобретены на рынке.

В 1794 г. во Владимирской губернии насчитывалось 12 заводов, поставлявших 24878 ведер вина¹, в 1795 г. – 69894 ведер отправлялись с 20 предприятий², в 1799 г. – 176080 ведер с 18³. Средняя поставка составляла соответственно 2073, 3494 и 9782 ведра. В 1794 г. в губернии не было крупных заводов, лишь 7 мелких и 5 средних, но только 2 мелких использовали исключительно вотчинное сырье, остальные же перерабатывали и товарное зерно. Через год положение несколько меняется и преобладающую поставку (69,9%) осуществляют предприятия, производство которых основано на собственных материалах владельцев. Во многом это определялось появлением завода генерал-аншефа сенатора князя А.А. Прозоровского, не прибегавшего к услугам рынка и отправлявшего 32394 ведра. В 1799 г. в губернии произошел новый поворот. Здесь не зафиксировано мелких заводов и лишь 1 среднее предприятие работало на своих припасах, все другие к собственным материалам добавляли покупные, а 2 завода использовали только приобретенное сырье.

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.57. Д.4769. Л.287об.-288, 296об.-299, 303об.-304, 312об.-313, 318об.-319, 334об.-335.

² Там же. Ф.248. Оп.57. Д.4768. Л.967об.-970, 973об.-995, 1003об.-1007.

³ Там же. Ф.273. Оп.1 ч.6. Д.21768. Л.88об.-104.

Наибольшее количество вина в 1799 г. поставлялось с завода вдовы адмирала Г.А. Спиридова Анны Матвеевны и ее сыновей действительного тайного советника Матвея, вице-адмирала Алексея и бригадира Григория. С предприятия, находившегося в Переяславском уезде, было отправлено 36700 ведер вина, в том числе в г. Переяславль во взятые Спиридовыми на откуп питейные дома 23 тыс. ведер. Для получения такого объема вина было закуплено хлеба на 33610 руб., а дрова использовались из своего леса.

26970 ведер вина отправил в казну и откупщикам в 1799 г. А.А. Прозоровский. Хлеб для завода был закуплен на 21648 руб., а за рубку и провоз дров крестьяне получали по 1 руб.50 коп. Лейб-гвардии прапорщик В.А. Акинфов на заводе в Юрьевском уезде собирался выкурить 10 тыс. ведер, но сумел поставить лишь 2 тыс., а остальное, по сообщению ведомости, «за ветхостью кубов не выкурено».

Калужская губерния, являясь самой южной в нечерноземной полосе, и имела немало общих черт с черноземными районами, став в 90-е гг. лидером в регионе по производству вина. В 1794 г. с 47 ее заводов было поставлено 196203 ведра вина¹, в 1795 г. эти цифры составили 61 и 299279², в 1799 – 51 и 389829³. В среднем с одного предприятия отпускалось соответственно 4174, 3430 и 7643 ведра. Снижение показателей в 1795 г. объясняется невыполнением своих обязательств частью поставщиков. Так, генерал-майор Г.П. Бахметев вместо 50765 ведер отправил 5500, полковник П.М. Римский-Корсаков вместо 10 тыс. выкурил 3331 ведро, братья Шепелевы вместо 14781 поставили 3737 ведер и т.д. В 1799 г. заводы, где использовалось только покупное сырье,

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.57. Д.4767. Л.544-548.

² Там же. Д.4768. Л.621-632об.

³ Там же. Ф.273. Оп.1 ч.6. Д.21775. Л.53-59.

впервые обгоняют по объему поставки предприятия, перерабатывавшие лишь вотчинные материалы. С 6 первых отправили 73540 ведер (18,3% от общего количества), а с 9 вторых – 32288 ведер (8,3%).

В 1799 г. в Калужской губернии зарегистрировано наибольшее количество крупных заводов в регионе. Лидировал Д.А. Гурьев, который купил завод в Калужском уезде «для винокурения и поставки» на весь очередной срок у гвардии прапорщика П.Е. Демидова. С этого предприятия было отправлено 51339 ведер вина, для приготовления которого приобретено дров на 5876 руб., хлеба на 34892 руб. Ранее в 1794 г. сам П.Е. Демидов с этого завода поставил 21701 ведро. Кроме того, он имел 2 предприятия в Жиздринском уезде в с. Людинове, с которых в 1799 г. было поставлено 21982 ведра вина, а за несколько лет до этого с заводов ставилось по несколько тысяч ведер. Генерал-аншеф князь Ю.В. Долгоруков отправил в казну и откупщикам 25620 ведер. Тайный советник сенатор Н.Е. Мясоедов с заводов в Тарусском уезде поставил 28000 ведер. В Медыньском уезде находилось принадлежавшее гвардии эскадренному командиру В.П. Савелову предприятие, которое единственное из крупных заводов перерабатывало собственное сырье. В.П. Савелов поставил 23492 ведра. В этом же уезде при с. Субботине действовал завод статского советника Д.А. Лопухина. Владелец отправил 10606 ведер вина, но кроме него на предприятии выкурили 1810 ведер братья Гринева.

В 1794 г. в Костромской губернии насчитывалось 14 заводов, из них 13 мелких, поставлявших 9429 ведер вина¹. В 1795 г. число предприятий увеличилось до 30, появилось и 2 крупных для данной местности завода, общая поставка составила 68290 ведер вина². В 1799 г. с 32 заводов было

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.57. Д.4769. Л.340-366, 389об.-390, 400об-414.

² Там же. Д.4767. Л.867об.-897, 914об.-917.

отправлено 83351 ведер¹. Средний объем поставки возрос соответственно с 673 до 2276 и 2604 ведер. Это самый низкий показатель в регионе. Основная масса предприятий обеспечивалась вотчинным сырьем. В 1794 г. подобных заводов было 9 (30,7% от суммы поставки), в 1795 г. – 19 (60,8%), в 1799 г. – 23 (58,5%). В то же время появляются предприятия, поставка материалов на которые полностью зависела от рынка. В 1799 г. их отмечено 3, в том числе 1 крупное.

В 90-е гг. количество винокуренных заводов в Нижегородской губернии оставалось небольшим. В 1794 г. их было 8, поставлявших 12466 ведер вина², в 1795 г. – 14 (26932 ведра)³, в 1799 г. – 14 (86934 ведра)⁴. В среднем с одного предприятия отправлялось соответственно 1558, 1923 и 6209 ведер вина. Если в середине 90-х гг. в ведомости не зафиксировано крупных заводов, то в 1799 г. их отмечено 4, при полном отсутствии мелких предприятий. Характерно, что ни один из заводов губернии не был построен ранее 1789 г., основная же масса основана в начале 90-х гг. В это время все предприятия полностью или частично использовали вотчинное сырье.

Наиболее активным поставщиком был К.М. Ребиндер. В 1794 г. коллежский ассессор отправил 4516 ведер вина, через год надворный советник поставил 7712 ведер, в 1799 г. коллежский советник получил на своем заводе в Нижегородском уезде 10473 ведра. Интересно, что хлеб он старался использовать собственный, а вот дрова покупал («ради сбережения своего лесу»). В 1799 г. наибольшая поставка отмечена с 2-х заводов секунд-майора С.А. Арапова в Краснослободском уезде – 21 тыс.

¹ РГАДА. Ф.273. Оп.1 ч.6. Д.21774. Л.52об.-76.

² Там же. Ф.248. Оп.57. Д.4767. Л.729об.-734.

³ Там же. Д.4768. Л.179об.-184.

⁴ Там же. Ф.273. Оп.1 ч.6. Д.21753. Л.13об.-19.

ведер вина. Эти предприятия снабжались лишь собственным сырьем. В том же уезде при с. Воскресенском находился завод Н.С. Арапова, откуда отправлялось 13250 ведер вина. Из 2654 чтв. хлеба только 400 приобреталось на рынке. Примечательно для Нижегородской губернии наличие небольших предприятий, производительностью в несколько сот или тысяч ведер, у представителей феодальной знати. Так, в 1795 г. тайный советник В.П. Салтыков отправил в казну 365 ведер вина, генерал-майор князь П.П. Долгоруков – 474 ведер, подполковник князь П.Л. Грузинский – 3750 ведер и т.д.

В 90-е гг. Тверская губерния, проигрывая другим губерниям региона по количеству предприятий, по объему поставки вина находилась среди лидеров. В 1794 г. 17 ее заводов отправили 84600 ведер вина¹, в 1795 г. 26 предприятий – 113072 ведра², в 1799 г. 32 завода – 263913 ведер³. В среднем 1 завод поставлял соответственно 4976, 4349 и 8247 ведер вина. Крупных предприятий было немного, но их доля в общей сумме поставки была основной. В 1794 г. с одного такого завода отправили 40500 ведер (47,8%), в 1795 г. с 3 заводов – 64434 ведра (57%), в 1799 г. с 6 предприятий – 192254 ведра (72,8%).

Большинство предприятий обеспечивались сырьем комбинированным способом, они же играли ведущую роль в поставке. Но если все мелкие предприятия снабжались только вотчинными материалами, то в свою очередь, среди крупных заводов не было полностью отказавшихся от услуг рынка.

В 90-е гг. наибольшее количество вина отправлялось с завода действительной статской советницы А.А. Полторацкой в с. Грузины

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.57. Д.4767. Л.860об.-865.

² Там же. Д.4768. Л.965об.-974.

³ Там же. Ф.273. Оп.1 ч.6. Д.21777. Л.14об.-24.

Новоторжского уезда, в 1794 г. отсюда было отпущено 40500, в 1795 г. – 39600, в 1799 г. – 52 тыс. ведер вина. При этом сырье покупалось соответственно на 42750 руб., 31465 руб. и 30 тыс. руб. Активно курили вино в 1799 г. майор Василий и его жена Марья Самарины (46440 ведер), бригадир Ф.Л. Карабанов (13714 ведер), капитан Ф.М. Желябужский (28100 ведер с 2-х заводов), поручик Ф.С. Кисловский (17 тыс. ведер), майор князь И.С. Мещерский (40 тыс. ведер).

В середине 1790-х годов активное строительство дворянами винокурных заводов коснулось и Ярославской губернии. Ведомость 1794 г. содержит сведения о 8 предприятиях, причем все они относятся к категории мелких¹. В 1795 г. число заводов возрастает до 18². Появляются и относительно крупные поставщики. Так, надворный советник Н.И. Рудаков отправил 13 тыс. ведер вина, а поручик А.А. Горянов – 16 тыс. ведер, но с двух заводов. В 1799 г. количество крупных заводов увеличилось, их стало 5³. Такими предприятиями владели полковник М.И. Свечин, надворный советник Н.С. Карнович, поручик Ф.С. Кисловский, майор П.Л. Михайлов, действительный статейный советник А.И. Чириков. Интересно, что, за исключением Н.С. Карновича, все они упоминаются ранее как мелкие и средние подрядчики.

Общий объем производства и поставки в губернии также возрос. В 1794 г. было отправлено 5663 ведра вина, в 1795 г. – 85550 ведер, в 1799 г. – 122512 ведер. В 1794 г. из 1438 чтв. необходимого хлеба на рынке приобреталось 475 чтв. (33%). В 1795 г. на заводах перерабатывалось уже 11406 чтв. товарного хлеба (69,9%). В 1799 г. хлеба было израсходовано 23961 чтв., большая часть которого покупалась (на 96571 руб.83 коп.).

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.57. Д.4767. Л.318об.-346.

² Там же. Ф.4768. Л.41об.-73.

³ Там же. Ф.273. Оп.1 ч.6. Д.21748. Л.39об.-45.

Если учесть, что в 1799 г. в Ярославле четверть ржи стоила 4 руб. 72 коп., то можно предположить, что приобреталось около 20 тыс. чत्व. зерна. Кроме того, за дрова заводчики заплатили 7925 руб. Ни один из 11 владельцев не обходился только собственными продуктами, но трое покупали все необходимое, остальные – большую часть.

Предприятия, не имевшие вотчинного обеспечения, принадлежали генерал-поручику А.Ф. Уварову, генерал-майору В.В. Хомутову и А.И. Чирикову. Причем после смерти последнего его завод был отдан «в содержание» откупщикам, а В.В. Хомутов уступил подобным образом свое предприятие скопинскому купцу А.Е. Попову.

О составе рабочих на заводах ведомости молчат, указывая лишь количество крепостных. Но можно предположить, что А.Ф. Уваров, имея всего 6 душ м.п., видимо, должен был привлекать на свое предприятие наемных людей.

В 1794 г. со 143 предприятий Центрально-Нечерноземного региона отправлялось в казну и откупщикам 444969 ведер вина, в среднем по 3111 ведер. На следующий год число заводов достигло 213, а поставка – 816225 ведер, в среднем по 3832 ведра. В 1799 г. поставка 1316164 ведер вина производилась со 191 предприятия, в среднем – 6890 ведер. Происходит постепенное повышение роли крупных заводов. В 1794 г. их насчитывалось только 9 (6,3%), в 1795 г. – 22 (10,3%), в 1799 г. – 53 (27,7%), но число данных предприятий не отражает их реального вклада в общую поставку. Вино, отправленное с крупных заводов, составляло соответственно 56,6%: 52,6% и 68,5%. Количество же мелких предприятий в конце века резко сократилось, в 1794 г. их имелось 93 (65%), в 1795 г. – 102 (47,9%), в 1799 г. – 54 (28,3%). Еще более резко упала их доля в общей поставке, соответственно 10,8%, 5,3% и 1,9%. Сырье, перерабатывавшееся на предприятиях, поступало в основном из собственных вотчин

заводовладельцев, но многие прикупали недостающие материалы на рынке, а некоторые дворяне использовали только покупное сырье. Так, если в 1794 г. с заводов, снабжавшихся комбинированным способом, отправлялось 68,5% всего вина, то в 1795 г. – 59,4%, а в 1799 г. – 71,2%. В 1799 г. 18 предприятий, работавших лишь на покупном сырье, поставили 171079 ведер вина, немного уступив 70 заводам со своими материалами (207037 ведер). Все приведенные подсчеты свидетельствуют о четко проявившейся тенденции строительства крупных предприятий, ориентирующихся на рынок.

3.2. Центрально-Черноземный район

В середине XVIII в. Центрально-Черноземный район охватывал Воронежскую и Белгородскую губернии, на территории которых располагалось наибольшее количество дворянских винокуренных заводов. На 52 помещичьих предприятиях Белгородской губернии насчитывалось 711 кубов и казанов объемом в 9783 ведра, что являлось высшим показателем в стране¹. 27 заводов Воронежской губернии были оборудованы 229 кубами и казанами емкостью 2957 ведер. В Белгородской губернии выделялись крупные предприятия принцессы Н.И. Гессен-Готбургской, графини С.Н. Головиной, обер-комиссара В. Дудорова, лейб-гвардии поручика Н.И. Зиновьева, в Воронежской губернии – действительного тайного советника сенатора князя А.Д. Голицына, действительного тайного советника сенатора А.Л. Нарышкина, коллежского советника А.С. Всеволожского, действительного камергера Н.А. Корфа².

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.39. Д.2845. Л.487а.

² Там же. Л.491-491об.

Ведомость 1765 г. показывает некоторое сокращение числа дворянских заводов в Белгородской и возрастание в Воронежской губернии, соответственно их отмечено 46 и 29. Крупнейшими поставщиками в районе были княгиня Н.Н. фон Голштейнбек (26859 ведер вина), генерал-поручик князь Д.М. Голицын (11155 ведер), князь А.С. Голицын (31 тыс. ведер), князья Матвей и Сергей Кантемиры (61 тыс. ведер), генерал-фельдмаршал сенатор граф К.Г. Разумовский (19503 ведра), генерал-аншеф сенатор граф М.К. Скавронский (11852 ведра), М.И. Всевожская (10 тыс. ведер), премьер-майор князь А.А. Долгоруков (11988 ведер), генерал-поручик граф И.Г. Чернышев (14611 ведер)¹.

И.Г. Чернышев был одним из немногих отечественных винокуров, кто серьезно занимался усовершенствованием производства. В 1784 г. он отправил своего крепостного Ивана Судакова. Главную цель путешествия граф сформулировал следующим образом: «Чтоб выучился сколько можно совершеннее выкурки вина, растения солода и содержания скотины, и именно свиней, дабы по возвращении мог быть употреблен не только смотрителем винного завода, но мог по тамошнему манеру и построить»².

С конца декабря 1784 г. и в первых числах следующего года Судакову удалось побывать на четырех винокуренных заводах. Сравнивая состояние винокурения Англии и России, он заметил, что в последней «вкус, запах и протчия качества весьма мало исследуются. Главное — «градус» нужный получить.... Но здесь сие крайне наблюдают, что и принуждает их изыскивать способы к лутчему и прибылнейшему выигрышу». По мнению Судакова, «секрет» английского винокурения

¹ РГАДА. Ф.273. Оп.1 ч.9. Д.31712. Л.4, 5об., 10об., 21об., 23.

² Чекунова А.Е. Опыт изучения инфраструктуры сельского хозяйства Англии русским крепостным Иваном Судаковым в конце XVIII века / Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. XXIX сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. Орел, 21-25 сентября 2004 г. М., 2004. С.26.

состоял, прежде всего, в качественном оборудовании заводов. Он также отметил, что на английских заводах «гораздо» меньше работников, чем в России, «и сие есть очень важная часть экономии»¹.

В 1775 г. число зарегистрированных помещичьих предприятий увеличилось в Белгородской губернии до 54, в Воронеже – до 37. Характерно, что Воронежская губерния была единственной в стране, где наблюдался непрерывный рост заводов в течение 1750-70-х годов. Продолжали осуществлять крупные поставки А.А. Долгоруков (7778 ведер вина), К.Г. Разумовский (75517 ведер), графиня Е.А. Чернышева (77057 ведер)².

Для 1780-х годов в нашем распоряжении имеются сведения только по двум губерниям региона. В первой половине 80-х годов в Воронежском наместничестве функционировало 146 винокуренных заводов, из которых 80 находилось в Острогожском уезде, где войсковые обыватели пользовались свободой винокурения³. Воронежские власти отмечали, что винные заводчики «пользуются материалами хлебом и дровами и хмелем собственным и покупным». Особенно был выделен «винной для поставки в питейные дома вина завод» князя Н.В. Репнина в сл. Петровской Нижнедевицкого уезда, на котором «материалы получают медные казаны из Москвы, а деревянные собственные свои»⁴.

¹ РГАДА. С.27.

² Там же. Ф.248. Оп.47. Д.4059. Л.95об.-136.

³ Описание Воронежского наместничества 1785 г. Воронеж, 1982. С.79, 96, 109, 114.

⁴ Вейнберг Л.Б. Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Вып.ХVI. Воронеж, 1889. С.1898, 1930.

В Тамбовском наместничестве имелось 16 частных винокуренных заведений, в том числе в Шацком – 4, в Тамбовском – 7, в Темниковском, Кадомском, Моршанском, Усманском и Борисоглебском по 1¹.

В 90-е гг. XVIII в. губернии Центрально-Черноземного района продолжали лидировать в производстве вина. В 1794 г. в районе находилось 363 предприятия, с которых отправлялось в казну 751097 ведер вина (без Тамбовской губернии). В 1795 г. число предприятий увеличилось, видимо, незначительно, если учитывать Тамбовскую губернию, и достигло 460, а вот объем поставок достиг 1823511 ведер. К 1799 г. произошло резкое сокращение заводов (до 350) и столь же резкое возрастание количества «законтрактованного» вина – 3400504 ведра. Налицо явная концентрация производства на крупных предприятиях. Об этом свидетельствуют и средние показатели, если в 1794 г. (без Тамбовской губернии) с 1 завода поставлялось 2069 ведер вина, то в 1795 г. – 3964, а в 1799 г. – 9716 ведер. Подтверждает это и соотношение мелких, средних и крупных заводов. В 1794 г. их было соответственно 270 (74,4%), 74 (20,4%) и 19 (5,2%). В 1795 г. аналогичные показатели составляли 250 (54,3%), 163 (35,5%) и 47 (10,2%). В 1799 г. – 81 (23,1%); 165 (47,2%) и 104 (29,7%). В таком же направлении изменялся и объем поставок. В 1794 г. с мелких предприятий вина отпускалось 11,5%, со средних – 38,3%, с крупных – 50,2%, в 1795 г. – 5%, 34,3% и 60,7%, в 1799 г. – 1,3%, 20,9% и 77,8%.

При наличии ярко выраженной общей тенденции развития винокуренной промышленности региона, в каждой губернии имелись некоторые особенности.

¹ Описание Тамбовского наместничества // Собрание сочинений, выбранных из месящесловов на разные годы. Ч. VI. СПб., 1790. С. 403, 406, 413, 421, 444, 455, 459.

В Тульской губернии в 1794 г. насчитывалось 73 завода, с которых отправлялось в казну 169897 ведер вина¹, через год их осталось 41, но поставки увеличились до 325107 ведер², а в 1799 г. при уменьшении заводов до 39 поставка возросла до 636696 ведер³. Средний объем поставки с 1 завода увеличился с 2327 ведер в 1794 г. до 16325 ведер в 1799 г., т. е. более чем в 7 раз. Это самый стремительный рост в регионе. Производство быстро сосредотачивалось на крупных предприятиях, если в 1794 г. их действовало только 3 (4,1%), то в 1795 г. – 14 (34,1%), а в 1799 г. – 20 (51,3%). В связи с этим хотелось бы отметить ошибочный вывод М.А. Казариной, которая считала, что «винокурение в Тульской губернии не имело значительного развития. Близость Тульской губернии к рынкам сбыта хлеба давала возможность выгодно сбывать товарные излишки, что не способствовало развитию винокурения»⁴.

Сведения, содержащиеся в ведомостях, позволяют проанализировать характер использовавшегося на заводах сырья. В 1794 г. только собственные припасы употреблялись на 31 предприятии, в 1795 г. – на 26, в 1799 г. – на 7. Исключительно покупные материалы были в 1794 г. на 5 (мелких и 1 среднем), в 1795 г. – 6 (5 средних и 3 крупных) заводах. В 1799 г. подобные предприятия отсутствовали. Основную часть составляли предприятия, где применялся комбинированный метод обеспечения сырьем (собственное и покупное). В 1794 г. их насчитывалось 7 (50,6%), в 1795 г. – 9 (21,9%), в 1799 г. – 32 (82%). Столь резкие колебания объясняются, прежде всего, изменением уровня цен на местных хлебных

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.57. Д.4769. Л.703-719 об.

² Там же. Д.4768. Л.199-203 об.

³ Там же. Ф.273. Оп.1 ч.6. Д.21758. Л.2об.-13.

⁴ Казарина М.А. Крепостное хозяйство в Тульской губернии в конце XVIII века (По материалам барщинных вотчин Голицыных). Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1952. С.8.

рынках, потому что зерно, как правило, приобреталось вблизи винокуренного завода.

Крупные заводчики, в основном, являлись и крупными крепостниками. Так, В.Н. Гагарина имела только в Тульской губернии 4652 души, А.Ф. и С.А. Хомяковы более 4 тыс. душ в различных губерниях, П.Н. Толстая – около 800 душ в Тульской губернии, Т.А. Токарев – 157 душ лишь в Одоевском округе, где находились его заводы.

В Рязанской губернии в 1794 г. имелось 53 винокуренных завода, отпускавших 211855 ведер вина¹, в 1795 г. – 59 (375649 ведер)², в 1799 г. – 39 (763506 ведер)³. Средний объем поставки увеличился с 3997 ведер в 1794 г. до 19577 ведер в 1799 г. Последний показатель самый высокий в великорусских губерниях. Происходит абсолютное и относительное увеличение числа крупных предприятий с 7 (13,2%) в 1794 г. до 26 (66,7%) в 1799 г. и уменьшение мелких с 29 (54,7%) в 1794 г. до 19 (32,2%) в 1795 г. и полного отсутствия в 1799 г.

Анализ сведений об употребляемых на заводах материалах свидетельствует о явном преобладании в производстве собственного сырья помещиков. 34 предприятия в 1794 и 1795 гг. использовали только вотчинные припасы, но, если в 1794 г. их доля в поставке составляла 64,1%, то в 1795 г. – 57,6%, причем абсолютное большинство составляли мелкие и средние винокурни. В 1799 г. число подобных предприятий резко уменьшилось, сосредоточившись на средних и крупных, и лишь немного превышало количество заводов, работавших только на покупном сырье (9 против 8).

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.57. Д.4767. Л.11об.-25.

² Там же. Д.4768. Л.82об.-96.

³ Там же. Ф.273. Оп.1 ч.6. Д.21770. Л.25об.-31.

На территории Орловской губернии в 1794 г. имелось 52 винокуренных завода¹, в 1795 г. их количество возросло до 73², а через 4 года сократилось до 57³. Объем поставок соответственно 232999, 398757 и 530375 ведер вина. В среднем объем отправленного с одного предприятия вина удвоился с 4481 ведра в 1794 г. и 5462 ведер в 1795 г. до 9305 ведер в 1799 г. В таком же соотношении увеличивается и число крупных заводов, с 9 и 8 до 19, причем в последнем случае объем поставленного вина составил 81,8%.

Орловская губерния единственная в регионе, где в 90-е гг. практически не было предприятий, работавших только на покупном сырье. Лишь на завод подпоручицы М.И. Яровой в Елецком уезде, производившей в 1795 г. 8500 ведер вина, приобреталось 600 сажень дров и 200 четвертей хлеба. Основная же масса заводов использовала только собственные материалы помещиков, в 1794 г. их насчитывалось 38 (73,1%), в 1795 г. – 62 (84,9%), в 1799 г. – 37 (64,9%). Относительный удельный вес поставки с этих предприятий претерпевал подобные же изменения, соответственно 50,6%, 92,5% и 34,6%.

В ведомостях Орловской губернии, кроме основных данных, указано количество пашенных и лесных угодий, принадлежавших заводладельцам в этой местности. Рассмотрение этих сведений позволяет сделать вывод о том, что не все крупные винные подрядчики были и крупными землевладельцами. Так, если у Н.П. Голицыной имелось более 23 тыс. дес. пашни и более 14 тыс. дес. леса, у А.Н. Зиновьева – 3,5 тыс. и 620 дес., у А.Г. Теплова – 1 тыс. и 4 тыс. дес. соответственно, то С.А. Неплюев владел всего 10 дес. пашни и 100 дес. леса, а П. Трухачева –

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.57. Д.4767. Л.27об.-97.

² Там же. Д.4768. Л.920-964.

³ Там же. Ф.273. Оп.1 ч.6. Д.21752. Л.85об.-103.

только 3 дес. пашни. Больше того, «при заводе» С.А. Неплюева, находившимся в Карачевском уезде, не было ни крестьян, ни земли, а стоял он на наемной у «священно-церковнослужителей» земле, на работу же приходили его крепостные крестьяне из Орловского уезда. В ведомости также отмечены, как не имеющие «при заводе» крестьян, бригадир граф С.Ф. Толстой, подпоручик М.А. Похвиснев, секунд-майор Афанасий и поручик Федор Ивановичи Юрасовы, П. Трухачева.

В 90-е г. XVIII в. наибольшее количество винокуренных заводов в регионе находилось на территории Курской губернии. В 1794 г. их было 103¹, через год стало 152², в 1799 г. – 110³. Объем поставок возрос соответственно с 79606 до 190188 и 511885 ведер вина. Средний показатель поставленного с одного завода вина увеличился с 772 ведер в 1794 г. и 1251 ведра в 1795 г. до 4653 ведер в 1799 г., т.е. в 6 раз. В Курской губернии действовало большое число мелких заводов, производительностью в несколько сот ведер. В 1794 г. они составляли 83,5% всех предприятий, в 1795 г. – 73,7%, в 1799 г. – 39,1%. В 1794 г. в губернии не было крупных заводов, через год появились три, но по мощности они мало отличались от средних производств, лишь в 1799 г. зарегистрировано 12 заводов (10,9% от общего количества), отправивших 289952 ведер вина (56,6%). 6 крупных предприятий (50%) работали только на покупном сырье, всего в губернии насчитывалось 36 подобных заводов (32,7%), поставивших 194306 ведер вина (37,9%). В то же время большинство мелких винокуров старались использовать на своих предприятиях сырье из собственных вотчин. Аналогичных показателей нет ни в одной губернии региона. Объяснение этому факту можно найти лишь

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.57. Д.4767. Л.100об.-233.

² Там же. Д.4768. Л.988об.-1078.

³ Там же. Ф.273. Оп.1 ч.6. Д.21751. Л.166об.-197.

в относительно низкой местной цене на рожь в 1798 г. и 1799 г. по сравнению с другими губерниями района.

В 1795 г. Тамбовская губерния была лидером по производству вина, с ее 60 заводов отправлялось 476837 ведер вина, в среднем по 7947 ведер с предприятия¹. Правда в 1799 г. первенство перешло к Рязанской губернии, но Тамбовская отставала немного, с 53 предприятий поставлялось 743273 ведра, в среднем по 14024 ведра². Здесь более половины составляли средние по размеру производства предприятия производительностью в несколько тысяч ведер. В 1795 г. их насчитывалось 35 (58,3%), в 1799 г. – 31 (58,5%), поставлялось соответственно 146342 ведра (30,1%) и 151309 ведер (20,4%). Основной объем поставок выполняли крупные предприятия. В 1795 г. их было 12 (20%), а отправлялось 324398 ведер (68%), в 1799 г. – 20 (37,1%) и 590164 ведра (79,4%). В то же время в 1799 г. осталось лишь 2 мелких предприятия, против 13 в 1794 г.

На первом месте по объему поставки стояли заводы, обеспечивавшиеся собственным и покупным сырьем. В 1795 г. с 15 таких заводов было отправлено 294365 ведер (61,7%), в 1799 г. – с 28 предприятий поставлено 552932 ведра (74,4%). Полностью на покупном сырье в 1795 г. работали 17 предприятий, из них 2 крупных, с которых отправили 76790 ведер (16,1%), в 1799 г. – 4 средних завода с 22169 ведрами (3%).

В Тамбовской губернии среди крупных винозаводчиков было много представителей титулованной знати, крупных государственных деятелей. Среди них выделялся тайный советник князь С.С. Гагарин, с завода которого в Спаском уезде в 1795 г. было отправлено 95267 ведер вина, часть хлеба (на 12185 руб.) покупалась. В 1799 г. после смерти князя его

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.57. Д.4768. Л.584об.-604.

² Там же. Ф.273. Оп.1 ч.6. Д.21779. Л.20об.-37.

вдова В.Н. Гагарина поставила в казну и откупщикам 101525 ведер, закупив для этого большую часть хлеба на 44369 руб. Завод был оборудован 4 браговарными котлами по 1400 ведер каждый, 2 винными по 400 ведер, 20 бражными и 2 погонными. Второй завод княгини находился в Борисоглебском уезде и перерабатывал собственные припасы, выпуская меньше 3000 ведер. Генерал-фельдмаршал граф К.Г. Разумовский поставил в 1795 г. 60 тыс. ведер вина, купив лишь 850 чтв. зерна и использовав 11900 чтв. собственного. В 90-е гг. XVIII в. Воронежская губерния по объему производства вина явно отставала от своих соседей по центрально-черноземной полосе. С ее 82 заводов в 1794 г. было отправлено 56740 ведер вина, через год практически столько же – 56973, но с 75 предприятий, в 1799 г. – 214769 ведер с 52. В среднем по 692, 760 и 4130 ведер соответственно. Во многом, видимо, такое положение объясняется тем, что часть территории губернии находилась на привилегированном положении, т.е. там разрешалось свободное винокурение. Прежде всего, это касается Острогожского уезда, бывшего одним из признанных центров винокурения региона.

3.3. Волжский район

Во второй половине XVIII в. в сельском хозяйстве Поволжья господствующее положение занимало земледелие. Выращенный хлеб использовали не только для собственных нужд, но и на продажу. Все губернии имели избыток хлеба, что и вызвало ускоренное развитие здесь винокурения. В этом районе оно издавна пользовалось большой популярностью. В 1753 г. в Казанской губернии, куда в то время входила практически вся территория Среднего Поволжья, было 47 помещичьих заводов, с которых вино поставлялось в казну. Они были оборудованы 603 кубами и казанами объемом в 9192 ведра. В этом отношении Казанская губерния далеко обогнала остальные, немного уступая лишь Белгородской.

Крупнейшим подрядчиком был сенатор граф П.И. Шувалов, завод которого в Пензенском уезде был оборудован 63 кубами объемом в 1576 ведер¹. Второй его завод примерно такого же размера находился в Нижегородской губернии. Ничего подобного у других дворян-поставщиков не было.

В 60-70-е гг. XVIII в. Казанская губерния наряду с центрально-черноземными продолжала находиться среди ведущих районов по производству вина. Ведомость 1765 г. зафиксировала в районе 32 винокуренных предприятия. В списке винных подрядчиков лидировал действительный камергер сенатор граф А.П. Шувалов, сын П.И. Шувалова. А.П. Шувалов владел тремя заводами в Пензенском, Алаторском и Казанском уездах, с которых он поставлял в Петербург, в города Нижнего Поволжья, Урала и Сибири 257824 ведра вина. Крупные поставки осуществляли генерал-аншеф сенатор граф Р.И. Воронцов (43057 ведер вина), генерал-поручик сенатор граф И.И. Воронцов (24200 ведер), действительный камергер граф С.В. Салтыков (20000 ведер), секунд-майор А.И. Бахметев (11616 ведер), надворный советник А. Сергеев (30730 ведер), поручик И.А. Кожин (15069)².

Ведомость 1775 г. отмечает продолжение деятельности в регионе винокуренных предприятий графов А.И. Шувалова и И.И. Воронцова, объем производства на которых был одним из самых больших в стране³.

В конце 1780-х годов в Симбирском наместничестве было 5 дворянских винокуренных заводов: Усольский графа И.Г. Орлова, Кильнейский полковника Зубова, Сосновский статского советника Бахметева, Чеберчинский графа П.А. Румянцева и Порецкий графа И.П.

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.39. Д.2845. Л.489об-490об.

² Там же. Ф.273. Оп.1 ч.9. Д.31712. Л.6, 11, 13об., 20об.

³ Там же. Ф.248. Оп.47. Д.4059. Л.80об.-83.

Салтыкова¹. 3 винокуренных завода действовали на территории Саратовского наместничества – два в Кузнецком округе на р. Суре и один на р. Кададе².

В 1790-е годы в регионе на первом месте по производству вина стояла Пензенская губерния. В 1794 г. с 41 завода губернии доставлялось в казну 351482 ведра³, через год заводов было уже 47, а их владельцы поставили 552931 ведра⁴. Наибольшее количество предприятий находилось в Городищенском уезде, здесь вырабатывалось более 80% вина всей губернии, здесь же были расположены заводы крупнейших подрядчиков – князя А.Б. Куракина, прокурорши А. Бахметевой, статского советника А. Колокольцова, графини Е.П. Шуваловой, братьев секунд-майора Дмитрия и поручика Алексея Столыпинах.

В Казанской губернии в 1794 г. насчитывалось 7 заводов, с которых в казну поставлялось 67546 ведер вина⁵, в 1795 г. – с 6 предприятий 75428 ведер⁶, а в 1799 – с 5 заводов отправлялось 131665 ведер⁷, то есть, и при сокращении числа заводов объем поставок заметно возрастает. Крупными поставщиками являлись графиня Е.П. Шувалова (жена А.П. Шувалова) и граф А.И. Воронцов с племянником И.А. Воронцовым, которые в дальнейшем продали свой Шунбутский завод надворному советнику Ф.Н. Кандолицкому, ставшему в результате лидером среди подрядчиков.

¹ Краткое известие о Симбирском наместничестве // Собрание сочинений, выбранных из месящесловов на разные годы. С.267.

² Описание Саратовского наместничества // Там же. С.50.

³ РГАДА. Ф.248. Оп.57. Д.4770. Л.31-37.

⁴ Там же. Д.4768. Л.948об.-957.

⁵ Там же. Д.4767. Л.440об.-461.

⁶ Там же. Д.4768. Л.854об.-874.

⁷ Там же. Ф.273. Оп.1 ч.6. Д.21772. Л.8об.-16.

В Симбирской губернии в 1794 г. с 17 заводов ставилось 151765 ведер вина¹, в 1799 г. их число сократилось до 13, но объем поставок возрос до 198316 ведер². Самыми большими заводами владели генерал-поручик граф В.Г. Орлов, майор В.Н. Самарин, генерал-поручик И.В. Якоби, действительный статский советник Н.И. Бахметев, генерал-аншеф граф И.П. Салтыков.

Для Саратовской губернии характерен наиболее быстрый рост количества предприятий и увеличения производства в регионе. В 1794 г. там действовало 14 заводов³, в 1795 – 19⁴, в 1799 – 37⁵, поставка же соответственно составила 98956, 135418 и 646803 ведер. Резкий подъем 1799 г. во многом объясняется присоединением предприятий, располагавшихся в нескольких уездах упраздненной Пензенской губернии. Крупными поставщиками были надворный советник В. Зубов, генерал-майор П.С. Телегин и гвардии подпоручик А. Безобразов, дворянка С. Калустова, секунд-майорша А. Жихарева.

Некоторые из порядчиков от винной поставки получали ежегодно до 500 тыс. руб. дохода⁶.

Таким образом, в 1794 г. с 79 заводов региона было отправлено в казну 669749 ведер, а в 1799 г. – с 55 предприятий 976784 ведра вина, что показывает стремительный рост производства вина в Поволжье, обусловленный, кроме общего интереса помещиков к винокурению, и тем, что в это время здесь установились минимальные цены на хлеб (они были

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.57. Д.4767. Л.550об.-567.

² Там же. Ф.273. Оп.1 ч.6. Д.21742. Л.24-26об.

³ Там же. Ф.248. Оп.57. Д.4767. Л.378об.-385.

⁴ Там же. Д.4768. Л.606об.-619.

⁵ Там же. Ф.273. Оп.1 ч.6. Д.21773. Л.6об.-19.

⁶ Осипов В.А. Саратовский край в XVIII веке. Саратов, 1985. С.54.

одними из самых низких в стране¹), а также удаленностью основных хлебных рынков региона от морских портов, через которые зерно шло на экспорт, что заставляло дворянских предпринимателей перерабатывать его на месте.

В то же время приведенные цифры свидетельствуют о том, что, несмотря на проводимую правительством политику поддержки мелких поставщиков и привлечения к подрядам возможно большего числа помещиков, удельный вес крупных заводчиков был очень велик. В 1794 г. в Казанской губернии с заводов крупных поставщиков ставилось 91% всего вина, в Пензенской – 80,1%, в Симбирской – 80,8%, в Саратовской – 70%. В 1795 г. это соотношение несколько уменьшилось, в Казанской губернии – до 82,1%, в Пензенской – до 75,2%, в Саратовской – до 60%, что говорит об относительном повышении роли мелких и средних подрядчиков. Но в 1799 г. опять возрастает значение крупных предприятий, в Казанской губернии – до 95,5%, в Симбирской – до 89,9%, в Саратовской – до 86,5%.

Сведения, содержащиеся в ведомостях, позволяют выяснить характер использовавшегося на заводах сырья. В 1794 г. только собственные припасы употреблялись на 36 предприятиях региона, с которых в казенные магазины отправлялось 29% всего вина. В 1795 г. таких заводов было 42 (без Симбирской губернии). В 1799 г. их осталось только 17, поставка вина составила 16%, т.е. это были в основном мелкие и средние предприятия. Среди них выделяются заводы графа И.П. Салтыкова, бригадирши Е.А. Мельгуновой, графа В.Г. Орлова, графа А.К. Разумовского, графини Е.П. Шуваловой. Обращает на себя внимание тот факт, что данные заводоладельцы принадлежали к титулованной знати и обладали большими земельными угодьями и многочисленными

¹ Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия... Таблица 3 (продолжение).

крепостными. Наибольшее число предприятий, использовавших только свое сырье, находилось в Пензенской губернии, в 1794 г. их было 20 из 41 (48%), а в 1795 г. – 28 из 47 (60%).

В 1794 г. в Волжском районе было 5 заводов, все сырье для которых покупалось, в 1799 г. их осталось 2, оба принадлежали графине Е.П. Шуваловой. Именно она наиболее последовательно проводила линию на приобретение всех необходимых компонентов. Для обеспечения работы Алатских винокуренных заводов, находившихся в Казанской губернии, в 1794 г. ею «у разных людей» было куплено 4487 чтв. хлеба и 2674 саж. дров, в 1795 г. – 9161 чтв. и 4854 саж. на общую сумму 41906 руб., в 1799 г. – 6427 чтв. и 2257 саж., всего на 22066 руб. При этом в казну и откупщикам было отправлено соответственно 34125, 46228 и 35774 ведер вина.

Одновременно Е.П. Шувалова имела завод в с. Нижний Шкафт Городищенского уезда Пензенской губернии, который был оборудован 7 винными кубами общим объемом в 1050 ведер и 36 бражными – в 5400 ведер. Это предприятие, несмотря на значительные поставки (в 1794 г. – 51704 ведра, в 1795 г. – 75777 ведер), полностью обеспечивалось запасами ее собственных вотчин. Но в 1799 г. Е.П. Шувалова приобрела для этого завода 8 тыс. чтв. хлеба из 14060 четвертей, необходимых для производства 69940 ведер, заплатив 16 тыс. руб. Число крестьян «при заводе» увеличилось с 251 в 1794 г. до 1970 в 1799 г.

В 90-е годы XVIII в. более половины дворян-винокуров волжских губерний, наряду со своим сырьем, перерабатывали и покупное зерно. В 1794 г. такой комбинированный метод применялся на 38 заводах из 79 (48%), количество отправленного в казну с этих заводов вина равнялось 368235 (55%). В 1799 г. соотношение было следующим – 36 предприятий из 55 (65%), с которых поставлялось 778948 ведер вина (79,7%). В 1795 г.

на заводах Пензенской и Саратовской губерний использовалось около половины покупного хлеба, в Казанской – более 60%.

При сопоставлении данных ведомостей выясняется, что 10 заводчиков, употреблявших для своих предприятий в 1794 г. собственный и покупной хлеб, в 1795 г. отказались от закупок и сделали ставку на свое сырье. В основном это были средние поставщики. В 1799 г. происходит обратный процесс, 6 подрядчиков стали к собственному хлебу добавлять покупной. Объяснение этому нужно искать в изменении курса цен на хлебном рынке. Если в середине 90-х годов цена зерна повышается и это заставляет помещиков ограничиваться в закупках, то к 1799 г. цены становятся минимальными, что способствует приобретению зерна на рынке.

Процесс винокурения требовал использования большого количества дров, но только три помещика (коллежский асессор В.А. Киндилов, майор В.Н. Самарин, подпоручица Е.С. Яковлева) Симбирской губернии и один (отставной гвардии прапорщик П.П. Есипов) Казанской губернии покупали их «у плотовщиков», спускавшихся вниз по р. Волге. Все остальные использовали собственный лес, но некоторые для рубки и доставки его на завод нанимали крестьян из близлежащих сел.

Говоря об обеспечении винокуренных заведений рабочей силой, стоит отметить, что в ведомости Пензенской губернии указаны только два завода в Инсарском уезде, где не имелось ни одного крепостного. Оба предприятия относились к категории средних. Одновременно ведомость указывает, что у 5 владельцев все крестьяне находились при заводах. Характерно, что это были мелкие подрядчики, с предприятий которых поставлялось менее 1 тыс. ведер вина, лишь секунд-майор Н. Арапов отправлял чуть больше.

В ведомостях Саратовской губернии иногда также присутствует формулировка «при заводе». Но только однажды, характеризуя предприятие бригадира князя С. Долгорукова, отмечается, что «при заводе собственных людей нет, обрабатывается вольными людьми».

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения не всегда дают возможность проследить преемственность занятий винокурением в той или иной дворянской семье, тем не менее, в некоторых случаях такая устойчивость просматривается. Одними из крупнейших поставщиков вина являлись братья поручик Алексей и секунд-майор Дмитрий Столыпины. А. Столыпин начал заниматься винокурением, видимо, в начале 80-х годов. Ведомости желающих заключить подряд на 1783-87 гг. отмечают, что он брался поставить самостоятельно в Нижегородскую, Пензенскую и Астраханскую губернии 46052 ведра вина, вместе с графом И.Г. Чернышевым и прокуроршей А. Бахметевой в г. Нижний Новгород – 33216 ведер, с графом И.Г. Орловым в г. Гороховец Владимирской губ. – 6015 ведер, с тем же И.Г. Орловым и братом Дмитрием в Костромскую губернию – 40504 ведра. В 1787-91 гг. А. Столыпин обязался один ставить в Пензенскую, Ярославскую, Владимирскую и Казанскую губернии 58452 ведра и вместе с братом в г. Царицын Саратовской губернии – 15,5 тыс. ведер. В 1794 г. с завода в с. Столыпине Городищенского уезда Пензенской губернии в казну было отправлено 53297 ведер. На производство было израсходовано 5850 четвертей собственного хлеба и 4550 четвертей покупного на 13550 руб. При заводе находилось 241 душ м.п. Через год поставка составила 37629 ведер вина, изготовленного из 5850 чтв. своего и 1550 чтв. приобретенного на рынке хлеба. В 1799 г. 41795 ведер вина были выкурены из 9049 четвертей хлеба, в том числе 8625 четвертей покупного на 17250 руб. В 1803 г. на заводе А. Столыпина с намечавшейся производительностью в 26340 ведер вина было занято 15 наемных рабочих. К 1816 г. число наемных рабочих увеличилось до 120

человек, так как возросла производительность – вдова Столыпина обязалась поставлять 82026 ведер вина¹.

Ярким примером расширения винокуренного производства является деятельность князя А.Б. Куракина. Первоначальный план строительства винокуренного завода появился, видимо, еще в 1764 г. Именно тогда из московской домово́й канцелярии Куракиных был отправлен приказ приказчику с. Борисоглебское с требованием объявить крестьянам, «чтоб они в том винокуренном заводе не сумневались понеже тот завод будет производитца на оплате денежном на то и всякой припас покупатца будет, а им бы оставатца по прежнему на оброке»².

Крестьяне не хотели мириться с резким увеличением повинностей и, прежде всего, с необходимостью работы на вотчинном предприятии. Уже весной 1767 г., когда до них дошли сведения о готовящихся преобразованиях, крестьяне подали челобитную с просьбой отменить строительство завода. Когда стало ясно, что челобитная не принесла необходимого результата, крестьяне стали действовать более решительно. Весной 1768 г. они «самовольством своим» сменили бурмистра, который пытался заставить крестьян выполнять предписания опекунского совета. Против работ на винокуренном заводе протестовали и крестьяне с. Борисоглебское³. Тем не менее, крестьяне были вынуждены продолжать работы по текущему обслуживанию завода.

В двух проектах заведения винокуренных заводов в пензенской вотчине князя А.Б.Куракина детально прослеживаются размеры денежных затрат на создание производственных мощностей вотчинных предприятий.

¹ Павленко Н.И. Указ. соч. С.455.

² Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее - ОПИ ГИМ). Ф.3. Оп.С. Д.1216. Л.35об.

³ Коган Э.С. Волнения крестьян Пензенской вотчины А.Б.Куракина во время движения Пугачева. // Исторические записки. Т.37. М.,1951. С.106.

Первый проект относится к концу 1770 - началу 1771 года. Самые крупные средства требовались на приобретение сырья. На изготовление 10 тысяч ведер вина, что предполагалось по проекту, необходимо было израсходовать 3 тысячи четвертей ржи и овса на 1580 руб. За поставку 3750 сажень дров предусматривалось заплатить 937 руб., за провоз 270 бочек вина - 675 руб. Покупка 1000 поросят для откармливания при заводе должна была обойтись в 500 руб. Большие расходы должно было вызвать строительство винницы и домов для работников (500 руб.), изготовление кирпичей (120 руб.) и винокуренных кубов (108 руб.). На остальные работы не требовалось столь крупных сумм. Заработная плата работникам полагалась следующая. Приглашенному винокуру, при условии получения из 1 четверти хлеба не менее 3,5 ведер вина, «производить на месяц жалованья» 8 руб., его подкурку - 2 руб., двум «своим» подкуркам и 12 жиганам - по 2,5 руб., 3-м мельникам - по 2 руб., 4 солодовщикам и 6 крестьянам-возчикам - по 1,5 руб., 4 мальчикам «для шарования кубов» и 2 плотникам - по 1 руб., 6 бочкарям - по 40 коп. за бочку. Всего на заводе намечалось занять 40 работников, к которым могли быть добавлены в случае необходимости еще 10 человек. Кроме того, в проекте упоминались целовальники, поверенные и конторщик.

Предполагалось, что крестьяне, занятые на заводских работах, будут освобождены от уплаты различных платежей в пользу своего господина, что и было заложено в смету расходов как 150 руб. несобранного оброка. В примечании отмечалось, что в летом, когда винокурение не могло производиться, все работники должны «иметь для себя хлебопашество», т.е. заниматься полевыми работами для собственного обеспечения¹.

Общая сумма расходов «на первый год заведения заводу» должна была составить 6442 руб. 55 коп. Доходы же от продажи вина, при условии

¹ ОПИ ГИМ. Ф.3. Оп.Н. Д.29. Л.50-52.

поставки 10 тысяч ведер по 90 коп., могли достигнуть 9000 руб. За продажу 600 откормленных при заводе свиней предполагалось получить еще 540 руб. Таким образом, прибыли «на первый год заведения заводу» предполагалось получить 3097 руб. 45 коп. (48%). Кроме того, 598 крестьян с. Борисоглебское планировалось перевести с 1772 г. на оброк по 2 руб. с души, который «они смогут промышлять продажей на завод хлеба и возкою на оный дров», что составило бы еще 1196 руб., а прибыль вырастает до 66%¹.

С проектом заведения винокуренного завода, видимо, связано и появление в это же время «Счисления о четырехлетней выкурке вина», где содержались подробные сведения о приходе и расходе денежных средств на борисоглебском заводе за время выполнения контракта 1767-70 гг. На содержание завода, покупку необходимых материалов и оплату наемных работников за 4 года было истрачено 20877 руб. 96 коп. «Возвратно» получено - 25555 руб. 99 коп. Прибыль составила 4678 руб. 3 коп. Если же сюда прибавить 1188 руб. 5 коп. за оставшуюся на заводе медь и 5274 руб. 5 коп. за «домашний хлеб, возку тяглыми крестьянами дров и собираемой с них положенной хмель», то общая прибыль достигала 11140 руб. 13 коп. При обычном оброке по 3 руб. с души за 4 года с крестьян было бы собрано 7704 руб., что на 3436 руб. меньше прибыли, полученной от продажи вина².

После подавления крестьянской войны и начала ответного дворянского наступления на права крестьян, план преобразования пензенских владений все же был осуществлен. В 80-х годах в перестройку помещичьего хозяйства были вложены значительные средства. Проводилась она самим владельцем этих вотчин А.Б. Куракиным, который

¹ ОПИ ГИМ. Ф.3. Оп.Н. Д.29. Л.53.

² Там же. Л.66об.- 67.

в силу политических причин должен был оставить столицу на длительный срок. В течение нескольких лет в архангельской вотчине были построены три винокурни с общей производительностью 92 тысячи ведер вина в год. Здесь же, в вотчине, часть вина перерабатывалась в спирт. Были построены полотняная и суконная мануфактуры, кирпичная и поташная фабрики, мучные и лесопильные мельницы, крупорушки.

В ноябре 1783 г. для князя А.Б.Куракина была подготовлена смета строительства винокуренного завода в с. Архангельском Пензенской губернии, мощностью 50 тысяч ведер вина в год. Строительство предприятия должны были осуществить крепостные крестьяне, которые за это освобождались от оброка, составлявшего к тому времени уже 8,5 руб. с души м.п. Эти же крестьяне обязывались рубить и вывозить лес, необходимый для строительства, «из собственных тамошних дач» владельца. Строительство завода, содержание работников, покупка необходимого количества зерна и доставка вина до места сдачи его в казну должно было обойтись в 25050 руб. При изготовлении из 8-пудовой четверти зерна 5 ведер вина, при цене вина 75 коп. за ведро и при получении из казны возвратных денег за каждую бочку 40 коп. общий доход мог составить 38 тыс. руб. Таким образом, прибыль в первый год работы завода могла достигнуть почти 13 тыс. руб.¹, т.е. более 50%. Если же из суммы затрат исключить 5625 руб., потраченных на «заведение завода», то в дальнейшем прибыль могла достигнуть 95% и это при полностью покупном зерне! Обеспечив производство только собственным хлебом, помещик мог получить прибыль и в 350%!

Примеров расширения винокуренного производства можно привести гораздо больше. Но, вместе с тем, среди дворян-предпринимателей встречались владельцы предприятий, производительность которых

¹ ОПИ ГИМ. Ф.3. Оп.С. Д.1281. Л.19-23об.

уменьшалась или даже прекращалась. Одним из старейших подрядчиков Симбирской губернии являлся известный русский военачальник генерал-фельдмаршал граф П.А. Румянцев. Впервые полковник П.А. Румянцев упоминается в ведомости 1753 г., его завод тогда был оборудован 15 кубами объемом в 288 ведер. В 1765 г., уже генерал-аншеф, он поставлял в Нижегородскую губернию 6873 ведра. В 70-е годы контракты на поставку вина заключались от имени его жены Е.М. Румянцевой. Самой крупной была поставка 1775-79 гг., когда с завода в с. Чеберчине отправлялось 14290 ведер вина.

Примерно в 1777 г. П.А. Румянцевым была составлена специальная инструкция для винокуренного завода «Учреждение, каким образом в содержании винокуренного завода поступать ко истреблению всех донныне произшедших при том не порядков и вместо пристойной пользы неописанных убытков». В имение был отправлен новый винокур, обучавшийся технологии производства на «известно порядочном заводе». Плата ему определялась по 1 коп. за ведро вина, при условии его хорошего качества и выхода из 9 пудов зерна не менее 3 с четвертью ведер.

Из крестьян избирался сроком на один год целовальник, который был обязан вести учет необходимого сырья и полученного вина. Для рубки и доставки дров, ремонта заводского оборудования, изготовления бочек предписывалось максимально использовать крепостных крестьян, но «оним противу сторонних плату не производить», а время, отработанное на заводе, «зачитать в другие» (т.е. барщинные - Ю.Г.) дни.

За целовальником, винокуром и работниками завода в свою очередь наблюдал управляющий имения. Кроме того, он отвечал за недопущение среди крестьян корчемства (незаконного производства и продажи вина - Ю.Г.), а по воскресным дням организовывавший чтение указов о наказаниях за корчемство, «дабы никто неведением отговариваться не

мог». Кроме того, управляющий должен был контролировать расход барды (отходов винокуренного производства - Ю.Г.), использовавшейся на корм коровам и свиньям, которые специально для этой цели содержались при заводе. Причем порядок кормления скота бардой также детально регламентировался¹.

Последнее упоминание П.А. Румянцева среди поставщиков относится к 1791 г., ведомость 1794 г. его завод уже не называет.

3.4. Западный, Северный и Восточный районы

В Западный район входила только Смоленская губерния, что объясняется своеобразным развитием здесь дворянского винокурения и, прежде всего, наличием большого количества мелких винокурен.

В 1753 г. в губернии насчитывалось 26 заводов, поставлявших вино в казну, оборудованных 47 кубами и казанами объемом в 668 ведер². В среднем на 1 предприятие приходилось менее двух кубов емкостью около 25 ведер. Фактически это были домашние винокурни. На этом фоне выделялись заводы подполковника Я. Реада, князя Б. Друцкого-Соколинского, ротмистра князя В. Друцкого-Соколинского, генерал-майорши Е. Вонлярской, хотя в других районах их предприятия не были бы в числе крупных. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что Смоленская губерния была единственной в стране, где не было зарегистрировано ни одного купеческого завода.

Ведомость 1765 г. отмечает наличие в губернии 21 завода, из них только 2 являлись крупными. Оба находились в Вяземском уезде. Владелец первого, генерал-аншеф Н.А. Корф, поставлял в Смоленскую и

¹ Киевские университетские известия. 1903.№12. С.10-12; 1904.№6. С.53-54; №7. С.74.

² РГАДА. Ф.248. Оп.39. Д.2845. Л.488-488об.

Новгородскую губернии 58773 ведер вина. Действительный тайный советник сенатор князь Я.П. Шаховский отправлял в Москву 14 тыс. ведер вина¹.

К 1775 г. количество заводов в губернии вновь возросло и достигло 53, но преобладание мелких и средних предприятий сохранилось. Тем не менее, уже целый ряд заводчиков осуществляли достаточно крупные поставки. К ним относятся прокурор Н. Кашталинский (13831 ведер вина), майор Б. Лыкошин (17715 ведер), лейб-гвардии капитан граф И. Орлов (13630 ведер), поручик Ф. Пассек (13,3 тыс. ведер), коллежский асессор Б. Потемкин (15603 ведер), графиня С.В. Стейнбек (15 тыс. ведер)².

В 1790-е гг. в Смоленской губернии насчитывалось наибольшее в стране количество помещичьих винокуренных предприятий. В 1794 г. их было 138, с которых отправлялось 233253 ведра вина³, в 1795 г. – 178 (313943 ведра)⁴, в 1799 г. – 204 (250830 ведер)⁵. С одного завода в среднем поставлялось соответственно 1690, 1763 и 2210 ведер вина. Мелкие предприятия составляли численное большинство (61,6%, 65,1% и 50,3%), но их доля в общей массе поставки была гораздо меньше (12,2%, 11,5% и 11,3%). Главная роль здесь принадлежала средним заводам, которые при меньшей численности отправляли соответственно 54,7%, 54% и 67,3%.

Если анализировать обеспеченность предприятий сырьем наибольший объем поставки принадлежал заводам, полностью полагавшимся на вотчинные материалы. В 1794 г. с них было отправлено 128585 (55,1%), в 1795 г. – 257628 (82%), в 1799 г. – 351801 ведро вина

¹ РГАДА. Ф.273. Оп.1 ч.9. Д.31712. Л.5, 7об.

² Там же. Ф.248. Оп.47. Д.4059. Л.74об.-78.

³ Там же. Оп.57. Д.4767. Л.463об.-529.

⁴ Там же. Оп.57. Д.4768. Л.7об.-39.

⁵ Там же. Ф.273. Оп.1 ч.6. Д.21776. Л.197об.-210.

(78%). С другой стороны, в губернии находилось в 1794 г. 5 мелких и средних предприятий, получивших только товарное сырье, в 1795 г. – 1 среднее, в 1799 г. – 6, в том числе 1 крупное.

Северный район в 1750-60х гг. включал в себя Новгородскую, Псковскую и Архангелогородскую губернии. Отсутствие в ведомостях 1753 и 1765 годов заводов в Петербургской губернии объясняется запрещением курить там вино, которое наложил Сенат, заботясь «о сохранении лесов»¹. В 1768 г. в связи с неурожаем в центральных районах и невыполнением контрактов винными поставщиками Екатерина II по предложению комиссии графа Брюса разрешила дворянам Петербургской губернии строить винокуренные заводы «на общем основании»².

В 1753 г. в районе действовали 8 дворянских предприятий. 3 завода находились в Унженском уезде Архангелогородской губернии, 2 из них являлись крупными. Завод тайного советника сенатора князя И.В. Одоевского был оборудован 21 кубом и казанами емкостью 352 ведра. Комиссар Ревизион-конторы Е. Петров оснастил свое предприятие таким же числом кубов, но чуть меньшим объемом в 298 ведер. В Новгородской губернии крупнейшим был завод советника М. Сердюкова, где находилось 12 кубов и казанов емкостью 360 ведер³.

В 1765 г. в Архангелогородской губернии продолжали действовать два завода князей Одоевских. Но, если И.М. Одоевский отправил с предприятия в Унженском уезде 3891 ведро вина, то И.В. Одоевский, имея еще два завода в Нижегородской губернии, поставил 32548 ведра. В Новгородской губернии находился один из трех заводов статского

¹ ПСЗ. Т. XIV. №10388.

² ПСЗ. Т. XVIII. №13145.

³ РГАДА. Ф.248. Оп.39. Д.2845. Л.491-491об.

советника обер-секретаря Сената Г.С. Ермолаева, который осуществил общую поставку 92464 ведер вина в Петербург, Пензу и Саранск¹.

Ведомость 1775 г. зафиксировала наличие в Новгородской губернии 5 предприятий, причем их владельцы ранее не упоминались в числе винных подрядчиков. 23000 ведер вина обязался поставить подпоручик Ф. Комаровский с Васильевских заводов в Белоозерском уезде. Гвардии ротмистр граф А. Миних должен был отправить 1800 ведер вина с предприятия в Новгородском уезде. Остальные подписали контракты на гораздо меньшее количество. Фактически новгородские поставщики отправили больше, т.к. их обязали отправить 5219 ведер вина в Ладугу, куда не нашлось добровольных подрядчиков. В Архангелогородской губернии винокуренных заводов в это время не зарегистрировано. Но впервые называются предприятия Псковской и Петербургской губерний².

В 1794 г. в Новгородском наместничестве действовал только 1 винокуренный завод в с. Черном Новгородского уезда, принадлежавший секунд-майору С.В. Рыкачеву. Предприятие работало на вотчинном и товарном сырье, с него отправлялось 5000 ведер вина³.

Особенностью развития винокурения в Псковской губернии в 1790-е гг. явилась опора всех категорий предприятий на вотчинное сырье. Характерно использование здесь не только ржи и овса, как в центральных и южных губерниях, но и ячменя, и гречихи. Несомненно, в этом сказывалась как нехватка зерна, так и близость прибалтийских губерний, имевших большой опыт приготовления хлебного вина. В 1794 г. с 8

¹ РГАДА. Ф.273. Оп.1 ч.9. Д.31712. Л.14об., 15об., 27.

² Там же. Ф.248. Оп.47. Д.4059. Л.86об.-88, 136об.-138.

³ Там же. Оп.57. Д.4769. Л.154об.-155.

заводов Псковской губернии отправлено в казну 22920 ведер вина¹, в 1795 г. – с 18 предприятий 65937 ведер², а в 1799 г. – около 62 тысяч³.

Ведомости зафиксировали и быстрое разочарование некоторых дворян в новом виде деятельности. В 1795 г. генерал-майор Петр, капитан 2-го ранга Осип и капитан Исай Ганибалы, каждый со своего завода поставили соответственно 200, 400 и 4 тыс. ведер вина, полученного из собственного хлеба. Но что-то, видимо, у них не получилось, так как в ведомости 1799 г. они уже не упоминаются. И подобных случаев было немало.

В 1790-е гг. в Вологодской губернии насчитывалось несколько винокуренных заводов, из них только 2 упоминаются в трех ведомостях. Это заводы коллежского советника А.М. Межакова в Кадниловском уезде и подпоручика А.Н.Абрамова в Вельском уезде. Но по размерам производства эти предприятия сильно отличались, если с завода А.Н. Абрамова стабильно отпускалось около 3000 ведер вина, то А.М. Межаков резко увеличил поставку с 1,5 тыс. ведер вина в 1795 г. до 20 тыс. в 1799 г., закупив хлеба на 12 тыс. руб. Очевиден прогресс и у коллежского советника И.И. Одинцова, в 1795 г. он произвел 3 тыс., а в 1799 г. – 14,5 тыс. ведер вина. К 1799 г. в губернии вообще исчезли мелкие заводы, сохранилось лишь 34 винокурни, изготавливавших вино «для домашнего обихода»⁴.

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.57. Д.4767. Л.434об.-436.

² Там же. Д.4768. Л.1083 об.-1088.

³ Там же. Ф.273. Оп.1 ч.6. Д.21778. Л.81 об.-94.

⁴ Там же. Ф.248. Оп.57. Д.4769. Л.205об.-207; Д.4768. Л.195об.-196; Ф.273. Оп.1 ч.6. Д.21746. Л.7об.-9.

В 1794 г. 12 заводов Санкт-Петербургской губернии поставляли 57840 ведер вина, в среднем – по 4820 ведер¹. В 1795 г. с 14 предприятий отправили 69430 ведер вина, в среднем по 4959 ведер². В 1799 г. при том же количестве заводов поставка увеличилась до 78888 ведер вина, в среднем по 5634 ведра³. Крупных заводов было немного. Основное количество предприятий относится к категории средних. Все предприятия опирались на вотчинные ресурсы и лишь в случае крайней необходимости обращались к рынку, мелкие заводы перерабатывали только собственное сырье.

Крупнейшей поставщицей Санкт-Петербургской губернии являлась действительная статская советница А. Полторацкая. В 1794 г. с ее завода было отправлено 26 тыс. ведер вина, в 1795 г. – 19 тыс. ведер, в 1799 г. – 35 тыс. ведер. Дрова и большая часть хлеба использовались свои, а «в случае неурожая малая часть покупалась на пристанях в Симбирском и Тамбовском наместничествах». Среди винокуров губернии можно отметить еще множество лиц, принадлежащих к высшим слоям аристократии. Здесь и генерал-лейтенант граф Ф.Ф. Буксгевден (1799 г. – 3 тыс. ведер вина), и граф И.А. Тизенгаузен (2 тыс. ведер с 2-х заводов), и вдовствующая генерал-поручица Е.И. Ребиндер (4 тыс. ведер), и графиня С. Стейнбок, урожденная Фермор (600 ведер).

В Олонецкой губернии в середине 1790-х гг. действовал лишь Ляховский винокуренный завод в Каргопольском уезде, принадлежавший титулярному советнику П. Ярославцеву. Такое одиночество вполне закономерно, так как хотя лесов здесь было достаточно, но хлеба всегда не хватало даже для пропитания. Неслучайно современники писали, что в

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.57. Д.4767. Л.2об.-5.

² Там же. Ф.1239. Оп.3 ч.111. Д.59173. Л.2об.-6.

³ Там же. Ф.273. Оп.1 ч.6. Д.21741. Л.2-34.

этом районе «жители по большей части питаются купленным хлебом»¹. В 1794 г. с предприятия Ярославцева в казну было отправлено 10 тыс. ведер вина², через год – 11500 ведер³. Все сырье полностью приобреталось на рынке. В 1795 г. было куплено 4512 чтв. хлеба на 13800 руб. и дров на 4620 руб. Из-за отсутствия на месте рабочих рук, так как в Каргопольском уезде заводоладелец имел лишь 8 душ м.п., из Нижегородской губернии сюда было переведено 120 крепостных крестьян для обслуживания предприятия.

Восточный район в 1750-70-х гг. включал лишь Оренбургскую губернию. Ведомость 1753 г. зафиксировала полное отсутствие здесь дворянских заводов. В 1765 г. в губернии уже действовали заводы коллежского советника П. Рычкова в Оренбургском уезде и лейб-гвардии поручика А. Зубова в Ставропольском уезде. Оба поставляли вино в Оренбург. Первый отправлял 12227 ведер вина, второй – 3 тыс. ведер⁴.

В 1775 г. частные винокуренные заводы в губернии не зарегистрированы. Оренбург, Уфа и Исецк обеспечивались вином «со взятых в казенное ведомство советника Тимашева заводов»⁵.

После губернской реформы в Восточный район вошли Пермская, Вятская, Уфимская и Оренбургская губернии. В 1794 г. с 5 заводов Пермской губернии было отправлено в казну 44098 ведер вина⁶, в 1795 г. – 71818 ведер⁷, в 1799 г. – 67143 ведра¹. Мелкие заводы здесь не

¹ Очерки русской культуры XVIII века. Ч.1. М., 1985. С.57.

² РГАДА. Ф.248. Оп.57. Д.4769. Л.253.

³ Там же. Д.4768. Л.186об.-187.

⁴ Там же. Ф.273. Оп.1 ч.9. Д.31712. Л.17об., 27об.

⁵ Там же. Ф.248. Оп.47. Д.4059. Л.141об.-143.

⁶ Там же. Ф.248. Оп.57. Д.4767. Л.315-316.

⁷ Там же. Д.4768. Л.192-192об.

зарегистрированы, лишь в 1794 г. с «вновь строящегося» Николаевского завода титулярного советника Г.Н. Клепилина поставлено 49 ведер вина, но он не работал еще в полную силу. Характерно для губернии и то внимание, какое ее поставщики оказывали закупкам сырья на рынке, лишь титулярная советница Н.А. Клепилина в 1799 г. сумела обеспечить под поставку 15102 ведер вина вотчинные материалы.

Самым крупным винокуренным заводом Пермской губернии в 1790-е гг. был Александровский действительного статского советника А.Ф. Голубцова. В 1795 г. с этого предприятия было поставлено в казну 40 тыс. ведер вина, для производства которого владелец закупил дров на 2400 руб. и 6102 чтв. хлеба на 26773 руб., и лишь 3051 чтв. использовал собственного хлеба. А.Ф. Голубцов единственный из подрядчиков имел 406 крепостных крестьян, остальные помещики владели от 5 до 63 душ м.п. Крупными заводами владели отставной капитан Ф. Титов, коллежский ассессор И.Ф. Арент.

Вятская губерния имела давние традиции частного винокурения. До середины 1750-х годов там активно развивались купеческие заводы, но после запрета 1754 г. вятские купцы даже не смогли продать свои предприятия дворянам, так как последних было слишком мало². При образовании Вятской губернии в 1780 г. здесь насчитывалось 5 частных винокуренных заводов в Вятском, Слободском и Нолинском уездах, в том числе Никулицкий генерал-поручика и сенатора Щербинина и Чураковский графа А.П. Шувалова³.

¹ РГАДА. Ф.273. Оп.1 ч.6. Д.21744. Л.7-8об.

² Комисаренко А.И. Хлебные ресурсы Вятки в середине XVIII в. (к вопросу о развитии купеческой винокуренной промышленности) / Промышленность и торговля в России XVII-XVIII вв. М., 1983. С.232.

³ Столетие Вятской губернии. 1780-1880. Сборник материалов к истории Вятского края. Т.1. Вятка, 1880. С.30-32.

Но наиболее подробные сведения о дворянском винокурении в Вятской губернии имеются за 90-е годы XVIII в. В 1794 г. на 6 заводах производилось почти 150 тыс. ведер вина¹. В 1799 г. в губернии находилось 5 заводов, с которых поставлялось уже 276570 ведер². Самым крупным был Никулицкий завод полковника А.А. Наумова, здесь изготавливалось 100 тыс. ведер вина. На Талицком заводе статской советницы Е.Ф. Посевьевой получали 61976 ведер (по некоторым данным, Талицкий и Никулицкий заводы появились в окрестностях Вятки еще в первой половине XVIII в.³). На Чураковском Е.П. Шуваловой, Ошланском М.Я. Депрейс и Калининском И.О. Юшкова заводах вырабатывалось от 35 тыс. до 38 тыс. ведер.

Интересно, что у А.А. Наумова, Е.Ф. Посевьевой и Е.П. Шуваловой не было поместий в Вятской губернии и все необходимое для производства они покупали. В связи с этим можно допустить, что рабочие на Талицком и Никулицком заводах были вольнонаемными. На Чураковский же завод графиня Е.П. Шувалова перевела 40 своих крепостных из других губерний. Характерно, что и М.Я. Депрейс, и И.О. Юшков, имея крепостных в Вятской губернии (41 и 225 соответственно), на заготовку дров «в крепостных своих дачах» нанимали вольнонаемных людей, а хлеб покупали (лишь И.О. Юшков использовал 2352 пуд. своего хлеба из 58781 пуд. необходимого количества). Всего на дворянских заводах в 1799 г. было израсходовано 408445 пуд. ржи и овса на общую сумму 128465 руб. и 16674 саж. дров на 23354 руб.

В Уфимской губернии в 1794 г. находилось 5 винокуренных заводов, с которых поставлялось 65 тыс. ведер вина и 4 предприятия еще строились

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.57. Д.4767. Л.300об.-306.

² Там же. Ф.273. Оп.1 ч.6. Д.21769. Л.23об.-27.

³ Очерки истории Кировской области. Киров, 1972. С.71.

и винокурения не производили¹. Через год с 9 заводов отправлялось 87420 ведер вина². В 1799 г. с такого же количества предприятий уже Оренбургской губернии (Уфимская была упразднена и переименована) поставлялось 97771 ведро вина³. В среднем на один завод приходилось соответственно 13 тыс., 9713 и 10863 ведра. В середине 1790-х гг. для губернии характерно использование на предприятиях только собственного сырья. Лишь в 1799 г. большая часть заводов воспользовалась услугами рынка. Этот процесс совпадает по времени с резким снижением в 1799 г. цен на рожь и овес и установлением минимальных цен в регионе.

Крупнейшим заводом в Уфимской губернии было, безусловно, предприятие сенатора графа А.Н. Зубова, расположенное в Сергиевском уезде на р. Токмаклинке, откуда в 1794 г. поставлено 46,9 тыс. ведер вина. В 1795 г. владельцами этого завода указана уже графиня Е.В. Зубова с детьми. В 1799 г. наибольшее количество вина поставили коллежский советник Ф.Я. Шишков (29910 ведер) и генерал-майор Н.А. Чирков (15973 ведра), построившие заводы в 1794 г. Следом шли сенаторы Г.Р. Державин (11940 ведер) и П.Ф. Квашнин-Самарин (9,5 тыс. ведер).

* * *

Таким образом, подводя итоги развития дворянского винокурения во второй половине XVIII века, можно констатировать, что последовательная правительственная политика, направленная на расширение круга поставщиков вина в казну и развитие конкуренции, принесла свои плоды в

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.57. Д.4770. Л.144об.-147.

² Там же. Д.4768. Л.485об.-486.

³ Там же. Ф.273. Оп.1 ч.6. Д.21745. Л.8-9.

виде положительной динамики роста числа предприятий, поставщиков и объемов производства.

В 1753 г. в великороссийских губерниях насчитывалось 264 помещичьих винокуренных завода. Наибольшее их количество располагалось в Белгородской, Казанской, Московской и Нижегородской губерниях, здесь же находилось большинство домашних винокурен и основная масса купеческих заводов, что свидетельствует об избытке хлеба в этих регионах.

В 1765 г. подрядным винокурением занималось 157 дворян, которые обязались поставить в казну 1 859 857 ведер вина ежегодно. Из них мелкие поставки (до 1 тыс. ведер) осуществляли 22 винокура, средние (до 10 тыс. ведер) – 98, крупные (более 10 тыс. ведер) – 37.

По ведомости 1775 г. 155 дворян рассчитались с казной 1 596 143 ведрами вина со своих 199 заводов. Основное количество заводов было сосредоточено в Белгородской (54), Смоленской (53), Воронежской (37) и Московской (30) губерниях. Именно эти губернии (кроме Смоленской, которая из-за близости к привилегированным районам на протяжении второй половины XVIII в. отличалась одной особенностью – большим количеством мелких винокуренных заводов и поставщиков) являлись основными поставщиками товарного хлеба.

В 1779-1783 годах количество поставщиков составило 211 человек, с их заводов в казну ежегодно отправлялось 1 911 428 ведер вина.

В 90-е годы XVIII в. рост поставщиков вина и винокуренных заводов продолжился. Всего в великороссийских губерниях в 1799 г. было 864 помещичьих винокуренных предприятия, продукция которых отправлялась в казну. Среди них было 245 мелких заводов, 404 средних и 215 крупных. Наибольшее количество винокуренных заведений находилось в Центрально-Черноземном районе (350), за ним за счет

мелких винокурен шел Западный район (204), затем Центрально-Нечерноземный район – 191, Волжский – 55, Северный – 45, Восточный – 19.

Среди регионов по объему производства вина продолжали лидировать губернии Центрально-Черноземного района. К 1799 г. здесь произошло резкое сокращение количества заводов и столь же резкое возрастание количества «законтрактованного» вина – 3 400 504 ведра. Налицо явная концентрация производства на крупных предприятиях.

В 1799 г. с предприятий Центрально-Нечерноземного региона отправлялось в казну и откупщикам 1 316 164 ведер вина. И здесь происходит постепенное повышение роли крупных заводов. В 1794 г. их насчитывалось только 9 (6,3%), в 1795 г. – 22 (10,3%), в 1799 г. – 53 (27,7%). Количество же мелких предприятий в конце века резко сократилось, в 1794 г. их имелось 93 (65%), в 1795 г. – 102 (47,9%), в 1799 г. – 54 (28,3%).

С заводов Волжского региона в 1799 г. было отправлено в казну 976784 ведра вина. Такой стремительный рост производства вина в Поволжье был обусловлен, кроме общего интереса помещиков к винокурению, и тем, что в это время здесь установились минимальные цены на хлеб (они были одними из самых низких в стране), а также удаленностью основных хлебных рынков региона от морских портов, через которые зерно шло на экспорт. Все это заставляло дворянских предпринимателей перерабатывать его на месте.

В Северном и Западном районах количество винокуренных заводов последовательно возрастало. Если в 1794 г. в Северном их было 26, то в 1795 г. – 38, а в 1799 г. – 45. В Западном – 138, 178 и 204 соответственно.

Если проанализировать обеспечение винокуренных предприятий сырьем (хлебом и дровами), то только собственное сырье в 1799 г.

использовали 437 заводов (50,5%), собственное и покупное – 347 (40,3%), только покупное – 80 (9,2%).

Таким образом, с одной стороны, в течение второй половины XVIII в. проводимая правительством политика поддержки мелких поставщиков и привлечения к подрядам возможно большего числа помещиков дала свои плоды и происходил значительный рост числа дворян-винокуров, с другой – законы экономического развития способствовали концентрации производства и удельный вес крупных заводчиков оставался очень большим.

Заключение

Вторая половина XVIII в. – это период, когда в России в значительной мере усложняются социально-экономические процессы, именно в это время вотчинные предприятия прочно вошли в систему дворянского крепостного хозяйства. Втягивание помещиков в развивающиеся товарно-денежные отношения способствовало получению ими новых привилегий от абсолютистского государства.

Начавшееся в первой половине XVIII в. противостояние помещиков и купечества за право производства и поставки вина в казну завершилось установлением с 1755 г. дворянской монополии, что должно было повысить доходы владельцев вотчинных заводов. Иначе и быть не могло, так как именно дворянство обладало всей полнотой политической власти в стране. Несмотря на многочисленные попытки купцов вернуть себе отобранные права, оно не могло конкурировать с обладавшими большим административным ресурсом соперниками.

Устранив конкурентов, дворянство в дальнейшем добилось осуществления практически всех своих желаний. Перестало быть обязательным присутствие помещика при производстве вина, разрешился ввоз собственного вина в города для личного употребления, появилась возможность широкого участия в откупах. Кроме того, льготные условия подрядов на поставку вина в казну, периодическое повышение закупочных цен, защита в конфликтах с директорами казенных предприятий, полулегальное существование корчемства позволяли дворянам получать дополнительные доходы. Всеми этими мерами правительство, безусловно, укрепляло положение господствующего класса. Одновременно формировалась внутренняя зависимость дворянства от верховной власти. Можно согласиться с мнением Н.И. Павленко о том, что «расширение дворянских привилегий было тем средством, с помощью которого

абсолютизм пытался укрепить положение дворянского класса-сословия»¹. С другой стороны, нельзя забывать, что государство, выступая в роли высшего судьи, могло использовать в отношении дворян не только пряник, но и кнут, ограничивая деятельность винокуренных заводчиков определенными рамками. Достаточно сказать, что если в первой половине и середине XVIII в. дворяне-винокуры получали из казны аванс еще до начала поставки вина в казну, то в конце столетия уже подрядчики должны были предоставлять в органы власти доказательства своей способности выполнить договор в виде так называемых «верющих» писем или закладывая свои заводы и крепостных в качестве обеспечения по договору.

Политике меркантилизма, основные принципы которого использовались российским правительством во второй половине XVIII в., было свойственно активное вмешательство государственной власти во все стороны хозяйственной жизни. Детальная регламентация распространялась на порядок заключения договоров с казной, на строительство вотчинных предприятий и их оборудование, на регулирование цены продукции и прибыль. Фактически ради фискальных интересов казны правительство шло на определенные ограничения предпринимательской деятельности дворянства, что вызывало немало нареканий со стороны последних. Видимо, в определенной степени прав Н.Н. Фирсов, когда характеризуя действия правительства, констатировал, что «законодатель желает во что бы то ни стало и каким бы то ни было способом, как можно больше, с винного дела денег собрать; такова его цель; она только и объединяет противоречивые меры»². В конечном счете, неоднократно подтверждалось, что фискальные интересы казне гораздо ближе, чем положение какого-то конкретного подрядчика.

¹ Павленко Н.И. К вопросу об эволюции дворянства в XVII-XVIII вв. / Вопросы генезиса капитализма в России. Сб. статей. Л., 1960. С.59.

² Фирсов Н.Н. Русское законодательство... С.23.

Противоречия существовали и внутри правительства. Это были не только противоречия между различными придворными группировками, но и между либеральными взглядами императрицы и высшими чиновниками, выражавшими взгляды дворянства. Многие известные сановники были крупнейшими предпринимателями, использовавшими выгоды положения для достижения своего «интереса». Однако многие предложения императрицы все же были осуществлены на практике. Именно благодаря настойчивости Екатерины II, постоянно выступавшей против частных монополий и за развитие конкуренции, в законодательные акты было включено положение о преимущественном праве мелких производителей на заключение договора на поставку вина в казну.

Благодаря проводимой правительством политике, помещичьи винокурные предприятия были избавлены от конкуренции со стороны купечества и обеспечены гарантированным рынком сбыта своей продукции. На то, что крепостная мануфактура в условиях низкой техники и производительности крепостного труда, отсутствия капиталов и оторванности от рыночного спроса могла сложиться лишь в условиях проводимой правительством политики монополий, запретительных пошлин и раздачи заказов-поставок и подрядов, уже давно обратили внимание некоторые историки¹. Дворянское вотчинное предприятие, работавшее на бесплатном сырье и использовавшее подневольный труд крепостных крестьян, существенно увеличивало доходы помещиков и одновременно втягивало поместья в товарно-денежные отношения. Развитие товарного производства в помещичьем хозяйстве, подрывая в определенной мере патриархально-натуральные основы крепостничества, само по себе не требовало ликвидации крепостнических отношений, не

¹ Рубинштейн Н.Л. Крепостное хозяйство и зарождение капиталистических отношений в XVIII в. // Ученые записки Московского государственного университета. История СССР. Вып.87. 1946. С.113.

содержало стимулов для перерастания в капиталистическое производство. Наоборот, базируясь на эксплуатации крепостного труда, оно консервировало старые отношения и вело к усилению крепостнического гнета. Именно из-за того, что сырье и рабочие руки помещикам ничего не стоили, винокурение было одной из ведущих перерабатывающих отраслей товарной сельскохозяйственной продукции, являясь исключительной сферой предпринимательской деятельности дворянства, что, безусловно, укрепляло и их политические позиции.

К специфике винокурения относится также сезонность работ на заводе. Производство разворачивалось с началом осеннего похолодания по окончании полевых работ и продолжалось до их начала весной, т. е. в те 6-8 месяцев в году, когда основная масса крестьянства была свободна от непосредственных занятий земледелием. Именно в этот период помещики направляли на заводские работы своих крепостных или разрешали им наниматься на предприятия других владельцев. Можно согласиться с Л.В. Миловым, справедливо отметившим, что сезонные работы приобретают подлинно капиталистический характер лишь, когда в стране складывается промышленный капитализм, когда появляется развитая система конкуренции рабочих на рынке труда. В условиях же господства феодальных отношений сезонные предприятия менее всего были подвержены проникновению капиталистических законов¹.

В развитии винокуренного производства во второй половине XVIII в. довольно ярко отражены некоторые черты феодализма в сельском хозяйстве России. Используя свои сильные экономические и политические позиции и то обстоятельство, что в хозяйстве страны преобладал аграрный сектор, господствующий класс использовал процесс развития товарного

¹ Милов Л.В. О российском типе генезиса капитализма. // Новая и новейшая история. 1987. №2. С.85.

производства в своих интересах. С одной стороны, шел процесс «обуржуазивания» дворянства, с другой – используя свои феодальные права, дворянство стремилось как можно дольше сохранить сословные привилегии. Отметим, что передовые помещики, понимавшие необходимость перестройки своих хозяйств для приспособления к новым условиям, были сравнительно небольшой группой, подавляющее же большинство дворян состояло из консерваторов, которые привыкли к традиционным методам хозяйствования.

Противоречия проявляются по существу не внутри экономической системы помещичьего хозяйства, а между вотчинным и остальными секторами народного хозяйства. Нерентабельность барщинного хозяйства, в том числе помещичьего предпринимательства, начинает проявляться только тогда, когда оно подвергается влиянию рынка. Можно согласиться с мнением В.В. Мавродина, что «в течение всего векового развития товарного хозяйства помещичье землевладение все больше втягивается в предпринимательскую деятельность, каковая сама по себе, ...отнюдь не означает устранения основы феодально-крепостнического строя – натурального хозяйства – и в этом отношении не может расцениваться как капиталистическое предпринимательство в любой, хотя бы и самой своеобразной форме»¹.

Говорить об упадке вотчинной промышленности уже в конце XVIII в., как это по традиции делают некоторые современные исследователи, нет никаких оснований. Если в других отраслях производства кризис выражался в нарастании неэффективности по сравнению с капиталистическими предприятиями, то в винокурении монополия надежно оградила дворянских предпринимателей от подобного

¹ Мавродин В.В. Крепостнический характер дворянского предпринимательства конца XVIII и начала XIX вв. // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. №4. С.63.

соревнования, вплоть до 1863 г., когда уже после отмены крепостного права было ликвидировано привилегированное положение дворянства в этой сфере.

Список использованных источников и литературы

Архивные фонды

Российский государственный архив древних актов:

- Ф.10 – Кабинет Екатерины II
- Ф.14 – Придворное ведомство
- Ф.16 – Внутреннее управление
- Ф.19 – Финансы
- Ф.248 – Сенат
- Ф.273 – Камер-коллегия
- Ф.275 – Экспедиция казенных винокуренных заводов
- Ф.338 – Корчемная канцелярия и Московская корчемная контора
- Ф.342 – Новоуложенные комиссии
- Ф.1239 – Дворцовый отдел
- Ф.1255 – Барятинские
- Ф.1256 – Бахметевы
- Ф.1261 – Воронцовы
- Ф.1262 – Гагарины
- Ф.1263 – Голицыны
- Ф.1273 – Орловы-Давыдовы
- Ф.1274 – Панины-Блудовы
- Ф.1276 – Полянские
- Ф.1277 – Самарины

Ф.1287 – Шереметевы

Ф.1288 – Шуваловы

Ф.1290 – Юсуповы

Отдел письменных источников Государственного исторического музея:

Ф.3 – Куракины

Опубликованные источники

1. Архив Государственного Совета. Т. 1-2. – СПб., 1869.
2. Архив графов Мордвиновых. Т. 1-4. – СПб., 1901-1902.
3. Архив князя Воронцова. Т. 1-40. – М., 1870-1895.
4. Архив князя Вяземского. – СПб., 1881.
5. Архив князя Ф.А. Куракина, издаваемый под ред. М.И. Семевского. Т. 1-5. – СПб., 1894.
6. Бибиков А.А. Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова. – СПб., 1817.
7. Бумаги императрицы Екатерины Т. 1-5. – СПб., 1871-1885.
8. Восемнадцатый век. Исторический сборник, издаваемый по бумагам фамильного архива Ф.А. Куракиных. Т. 1-2. – М., 1904-1905.
9. Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783-1784 гг. – Тверь, 1873.
10. Екатерина II: Аннотированная библиография публикаций / Сост. И.В. Бабич, М.В. Бабич, Т.А. Лаптева. – М., 2004. – 928 с.

11. Екатерина II. Высочайшие собственноручные письма и повеления. – М., 1808.
12. Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. 1769-1791 / Сост. В.С. Лопатин. – М., 1997. – 992 с.
13. Екатерина II и ее окружение / Сост., вступ. стат. и примеч. А.И. Юхта. – М., 1996. – 464 с.
14. Екатерина II. О величии России. – М., 2003. – 832 с.
15. Екатерина II. Памятник моему самолюбию. – М., 2003.
16. Записки императрицы Екатерины Второй. Репринтное воспроизведение издания 1907 г. – М., 1989. – 750 с.
17. Законодательство Екатерины II. В двух томах. Т.1. – М., 2000. – 1056; Т.2 – М., 2001. – 984 с.
18. Индова Е.И. Инструкция князя М.М.Щербатова приказчикам его ярославских вотчин (1758 г. с добавлениями к ней по 1762 г.). // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. VI. – М., 1965. – С. 432-469.
19. Инструкция из Санкт-Петербургской губернской канцелярии Копорского уезду, ведомства соб. Е.И.В. вотчины, Кузьминой слободы, крестьянину, выбранному на сей 766 год в сотские, Степану Колчину, каким образом тебе, и будущим по тебе погодно выбранным из крестьян сотским в своей сотне поступать. // Журнал землевладельцев. Т. 24. – М., 1859.
20. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губ., собранное Е. Болховитиновым. – Воронеж, 1800 г.
21. Крепостная мануфактура в России. Т. 1-5. – Л., 1930-1934.
22. Ларионов С. Описание Курского наместничества. – М., 1786.

23. Материалы для истории русского дворянства / Изд. Н. Калачовым. – СПб., 1885.
24. Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII веке. – М.Л., АН СССР, 1937.
25. Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, собранные и изданные Л.Б. Вейнбергом. Т. 1-16. – Воронеж, 1885-1889.
26. Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции (середина XVIII в.). Сост. Л.В. Данилова, М.Д. Курмачева. – М., 1987.
27. Материалы по истории сельского хозяйства России второй половины XVIII века. Сост. К.В. Сивков. – М., 1982. – 220 с.
28. Мнение, каковое, по высочайшему ее и.в. повелению, собравшиеся генерал-губернаторы и правящие их должность положили, к предупреждению недостатка в хлебе, по причине нынешнего неурожая. – Чтения в Обществе истории и древностей российских. СПб., 1865.
29. Отголоски XVIII века. Вып. I-XI. – М., 1896-1905.
30. Переписка Екатерины II с разными особами. – СПб., 1807.
31. Письма императрицы Екатерины II к разным государственным сановникам. – СПб., 1863.
32. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. – СПб., 1830.
33. Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 1-7. – СПб., 1818-1825.
34. Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии, сообразно начертанию Санкт-Петербургского Вольного экономического общества, сочиненное в 1802-1803 г. в Перми. Ч. 1. – Пермь, 1804.

35. Проект нового Уложения, составленный законодательной комиссией 1754-1756 гг. / Под ред. В.Н. Латкина. – СПб., 1893.
36. Российское законодательство X-XX веков. Т. 5. – М., 1987.
37. Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век. Т.1-2. – М., 1919.
38. Сборник исторических, географических и статистических материалов о Пензенской губернии. – Пенза, 1870.
39. Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии. – Симбирск, 1868.
40. Сборник исторических материалов и документов, относящихся к новой русской истории XVIII и XIX вв. – СПб., 1873.
41. Сборник Русского исторического общества. Т. 1-8, 10, 13-14, 26-28, 32, 36, 42, 45, 68, 93, 134, 144. – СПб., 1869-1914.
42. Сведения о питейных сборах в России. Ч. 1-4. – СПб., 1860-1861.
43. Сенатский Архив. Т. 9-15. – СПб., 1910-1915.
44. Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 1-3. – СПб., 1849.
45. Собственноручные письма и записки императрицы Екатерины II к А.В. Храповицкому. 1783-1793. – М., 1872.
46. Столетие Вятской губернии. 1780-1880. Сборник материалов к истории Вятского края. Т. I-II. – Вятка, 1880-1881.
47. Топографическое описание Калужского наместничества. – СПб., 1785.
48. Тучков С.А. Записки Сергея Алексеевича Тучкова, 1766-1808. – СПб., 1908.

49. Учреждение графа П.А. Румянцева. // Киевские университетские известия. – Киев, 1903. – № 12; 1904. – № 6,7.

Литература

1. Абрамов. Сословные нужды, желания и стремления в эпоху Екатерининской комиссии. // Северный Вестник. – 1886. – № 4.
2. Аврех А.Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России. // История СССР. – 1968. – № 2.
3. Александрова В.И. Крестьяне крупной помещичьей вотчины центральной России в XVIII-XIX вв. – Л., 1954.
4. Анисимов Е.В. Женщины на российском престоле. – СПб., 1997. – 416 с.
5. Анисимов Е.В., Каменский А.Б. Россия в XVIII – первой половине XIX века: История. Историк. Документ. – М., 1994. – 336 с.
6. Арсеньев К.И. Начертание статистики Российского государства. – СПб., 1818-1819. – Ч. 1-2.
7. Архангельский С.И. Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области XVII – XIX вв. – Горький, 1950. – 320 с.
8. Бак И.С. К вопросу о генезисе капиталистического уклада в крепостном хозяйстве России // Вопросы истории. – 1948. – № 4.
9. Бакмейстер Л. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. – СПб., 1771. – Т. 1-4.
10. Берлин П.А. Русская буржуазия в старое и новое время. 2-е изд. – М., 1925. – 344 с.
11. Бильбасов. История Екатерины II. – СПб., 1890-1891. – Т. 1-2.

12. Богословский М.М. История России XVIII-го века. – М., 1912. – Ч. 1–2.
13. Боровой С.Я. К вопросу о складывании капиталистического уклада в России в XVIII в. // Вопросы истории. – 1948. – № 5.
14. Боровой С.Я. Вопросы кредитования торговли и промышленности в экономической политике России XVIII века. // Исторические записки. – 1950. – № 33.
15. Брикнер А.Г. Большая комиссия 1767-1769 гг. // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1881. – № 9-10, 12.
16. Брикнер А.Г. История Екатерины II. – СПб., 1885. – Ч. 1-5.
17. Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы. – М., 1980. – 342 с.
18. Булыгин И.А. Положение крестьян и товарное производство в России. Вторая половина XVIII в. (По материалам Пензенской губернии). – М.: Наука, 1966. – 212 с.
19. Бычков А. Письма и бумаги императрицы Екатерины II. – СПб., 1873.
20. Валишевский К. Вокруг трона. – М., 1910. – 488 с.
21. Валишевский К. Дочь Петра Великого. Репринтное воспроизведение с издания А.С. Суворина. – М., 1989. – 562 с.
22. Валишевский К. Роман императрицы. Репринтное воспроизведение издания 1908 г. – М., 1990. – 630 с.
23. Валишевский К. Сын Великой Екатерины. Исторический очерк. – М., 1993. – 441 с.

24. Вейдемейер А.И. Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия. – СПб., 1846. – Ч. 1-2.
25. Веретенников В.И. К истории составления дворянских наказов в Екатерининскую комиссию 1767 г. // Записки Харьковского университета. – 1911. – Кн. 4.
26. Веретенников В.И. К истории Екатерининской генерал-прокуратуры. – Харьков, 1914.
27. Веретенников В.И. Очерки истории генерал-прокуратуры в России доекатерининского времени. – Харьков, 1915.
28. Вернадский В.Н. Крепостническое и капиталистическое предпринимательство в третьей четверти XVIII века // Вопросы генезиса капитализма в России. – Л., 1960.
29. Взгляд на состояние мануфактур в России и на законы к оным относящиеся с XVI столетия до 1814 года // Сын Отечества. – 1822. – № 50-52.
30. Вилионский А.И. Аграрный вопрос в Вольном Экономическом Обществе в последней трети XVIII - первой половине XIX века.: Автореф. дис. канд. ист.наук. – Л., 1965.
31. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Изд. 7-е. – Пг. – Киев, 1915.
32. Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Т. 1. – СПб., 1897.
33. Воейков Д.И. Казенная продажа вина. – М., 1886. – 64 с.
34. Войнович И. Питейный вопрос. – СПб., 1876. – 164 с.
35. Волков М.Я. Об особенностях первой стадии первоначального накопления в России // Вопросы истории. – 1970. – № 10.

36. Волков М.Я. Очерки истории промыслов России: вторая половина XVII - первая половина XVIII века. Винокуренное производство. – М., 1979. – 336 с.
37. Гвоздев Б.Н. Некоторые сведения о промышленности Пензенского края в XVIII веке. // Труды Пензенского общества любителей естествознания и краеведения. – Пенза, 1925. – Вып. VIII.
38. Глебов И.А. Административная деятельность императрицы Екатерины II (Административно-сословные и финансово-экономические преобразования). – Вильна, 1905. – 30 с.
39. Голицын П. Первый век Сената. – СПб., 1910.
40. Гольцев В.А. Законодательство и нравы в России XVIII века. – 2-е изд. – СПб., 1898.
41. Гомаюнов С.А. Дворянское промышленное предпринимательство Волго-Вятского региона в конце XVIII - первой половине XIX в.: Автореф. дис. канд. ист. наук. – М., 1990.
42. Градовский. Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры. – СПб., 1866. – 287 с.
43. Грацианский П.С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. – М., 1984.
44. Греков Б.Д. Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII в. // Летопись занятий археографической комиссии за 1927-28 гг. – Л., 1929. – Вып. 35.
45. Григорович Н.И. Канцлер князь А.А.Безбородко. – СПб., 1879-1881. – Т. 1-2.
46. Даневский П.Н. История образования Государственного Совета в России. – СПб., 1859.

47. 200-летие Кабинета е.и.величества, 1704-1904. – СПб., 1911.
48. Димитриев В.Д. История Чувашии (до Крестьянской войны 1773-1775 годов). – Чебоксары, 1959.
49. Дитятин И. Екатерининская комиссия 1767 г. «О сочинении проекта нового Уложения». – Ростов-на-Дону, 1905.
50. Доннерт Э. Екатерина Великая: Личность и эпоха. – СПб., 2003. – 600 с.
51. Дубасов И. Тамбовское дворянство в конце XVIII в. // Исторический Вестник. – 1880. – № 9.
52. Дубасов И.И. Очерки по истории Тамбовского края. – М., 1883. – Вып. 2. – 150 с.
53. Екатерина II в воспоминаниях современников и оценках историков / Вступ. ст., имен. указ. М. Рахматуллина. – М., 1998. – 416 с.
54. Еремеев С.Т. Питейный вопрос. – Киев, 1874. – 107 с.
55. Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1960. – 396 с.
56. Заичкин И.А. Почкаев И.Н. Русская история: От Екатерины Великой до Александра II. – М., 1994. – 765 с.
57. Заозерская Е. К вопросу о развитии крупной промышленности в России в XVIII веке. (По поводу статьи Е.Л. Рубинштейна «Крепостное хозяйство и зарождение капиталистических отношений в XVIII веке») // Вопросы истории – 1947. – № 12. – С. 62-73.
58. Записка, каким образом сделать из простого горячего вина самую лучшую французскую водку. – СПб., 1800.
59. Записки князя Я.А. Шаховского. – СПб., 1872.

60. Зерцалов А.Н. Материалы по истории Симбирского края XVII и XVIII вв. – Симбирск, 1900. – 134 с.
61. Знаменитые россияне XVIII-XIX веков: Биографии и портреты. По изданию великого князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII и XIX столетий» / Сост. Е.Ф. Петина. – 2-е изд. – СПб., 1996. – 958 с.
62. Золотой век Екатерины Великой: Воспоминания / Изд. подг. В.М. Боковой и Н.И. Цимбаевым. – М., 1996. – 330 с.
63. Иванов П.И. Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции. – СПб., 1863. – 183 с.
64. Иконников В.С. Значение царствования императрицы Екатерины II. – Киев, 1897.
65. Индова Е.И. Аграрный строй в России в XVIII в. – М., 1966. – 26 с.
66. Индова Е.И. Вопросы земледелия в трудах Вольного Экономического общества // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1970 г. – Рига, 1977.
67. Исабель де Мадариага. Россия в эпоху Екатерины Великой. – М., 2002. – 976 с.
68. Исаев Г.С. Развитие внутреннего рынка в России в 1760-1860 гг. // Сб. трудов Ленинградского института советской торговли. – Л., 1970. – Вып. 38, ч.1. – С.168-176.
69. История Правительствующего Сената за 200 лет. – СПб., 1911. – Т. 1-3.
70. История предпринимательства в России / Книга первая. От средневековья до середины XIX века. – М., 2000. – 480 с.
71. История русской экономической мысли. – М., 1955. –Т. 1, ч. 1.

72. Кадер С. Винная регалия и монопольная система. Историко-экономический очерк. – Витебск, 1897. – 94 с.
73. Казарина М.А. Крепостное хозяйство в Тульской губернии в конце XVIII в. (по материалам барщинных вотчин Голицыных). Автореф. дис. канд. ист. наук. – М., 1952.
74. Калачов Н.В. Разбор сочинения Д.В. Поленова «Исторические сведения о Екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения». – СПб., 1873.
75. Каменский А.Б. Екатерина II. // Вопросы истории. –1989. – № 3. – С. 62-88.
76. Каменский А.Б. Жизнь и судьба императрицы Екатерины II. – М., 1997. – 288 с.
77. Каменский А.Б. «Под сению Екатерины». Вторая половина XVIII века. – СПб., 1992.
78. Каменский А. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. – М., 1999. – 328 с.
79. Карагодин Г.М. Книга о водке и виноделии. – Челябинск, 1998. – 472 с.
80. Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. – 2-е изд. – СПб., 1885.
81. Катаев И.М. На берегах Волги. История Усольской вотчины графов Орловых. – Челябинск, 1948. –103 с.
82. Каус Г. Екатерина Великая. Биография. – М., 2002. – 320 с.
83. Кафенгауз Б.Б. Некоторые вопросы генезиса капитализма в России. // Вопросы генезиса капитализма в России. – Л., 1960.

84. Кафенгауз Б.Б. Внутренняя политика царизма и «просвещенный абсолютизм» в 1762-1772 гг. – М., 1962. – 70 с.
85. Какк Ю.Ю. Винокуренные промыслы помещиков Эстляндской губернии в первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1968. – Л., 1972. – С. 208-213.
86. Ковальченко И.Д. О товарности земледелия в России в первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963 г. – Вильнюс, 1964. – С. 469-486.
87. Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII - начало XX в. Опыт количественного анализа. – М., 1974. – 418 с.
88. Коган Э.С. Волнения крестьян Пензенской вотчины А.Б. Куракина во время движения Пугачева. // Исторические записки. –1951. – Т. 37.
89. Коган Э.С. Очерки истории крепостного хозяйства // Труды Государственного Исторического Музея. – М., 1960. – Вып. 35. – 128 с.
90. Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е - начало 60-х годов. – М., 1999. – 384 с.
91. Козловский Е.С. Винные откупа и их место в первоначальном накоплении капитала в России // Труды Ленинградского финансово-экономического института. – Л., 1947. – Вып. 3.
92. Комиссаренко А.И. Хлебные ресурсы Вятки в середине XVIII в. (к вопросу о развитии купеческой винокуренной промышленности) // Промышленность и торговля в России XVII-XVIII вв. – М., 1983.
93. Кондрашова Л.И. Малоизвестные помещичьи указы управителям XVIII века. // Труды МГИАИ. – М., 1957. – Т. 10.

94. Котков К.А. Крестьянское движение на территории Мордовии во второй половине XVIII века. – Саранск, 1949. – 144 с.
95. Клочков М.В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. – Пг., 1916.
96. Кранихфельд А.И. Начертание Российского гражданского права в историческом его развитии. – СПб., 1843.
97. Кричевский В.В. Russian водка. Письма моему швейцарскому другу. – СПб., 2002. – 288 с.
98. Кручина Е.Н. Водка: Путеводитель. – М., 2003. – 336 с.
99. Кузьмичев А.Д., Шапкин И.Н. Отечественное предпринимательство: Очерки истории. – М., 1995. – 192 с.
100. Куломзин А.Н. Государственные доходы и расходы в царствование Екатерины II. – СПб., 1870. – 78 с.
101. Курицын И.О. К истории мануфактурного производства в XVIII веке. // Труды ГИМ. – М., 1941. – Вып. 14.
102. Ламанский Е.И. Исторический очерк денежного обращения в России с 1650 по 1817 г. // Сборник статистических сведений о России. – СПб., 1854. – Кн. 2, отд. 1.
103. Лаппо-Данилевский А.С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. – СПб., 1898. – 62 с.
104. Лаппо-Данилевский А.С. Отзыв о сочинении Н.Д. Чечулина «Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II». – СПб., 1906. – СПб., 1910. – 62 с.
105. Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. – СПб., 1887.

106. Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи. – СПб., 1899.
107. Латкин В.Н. К истории кодификации в России в XVIII столетии. // Журнал Министерства Юстиции. – 1902. – № V. – С. 19-45.
108. Лебедев В.А. Питейное дело. – СПб., 1898. – 106 с.
109. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914. – М., 1995. – 550 с.
110. Любавский М.К. История царствования Екатерины II. 2-е изд. – СПб., 2001. – 256 с.
111. Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности. XVII, XVIII и начало XIX в. – Л., 1947. – 764 с.
112. Лященко П.И. История русского народного хозяйства. 2-е изд. – М.–Л., 1930. – 566 с.
113. Лященко П.И. Крепостное сельское хозяйство России в XVIII в. // Исторические записки. – 1945. – Т. 15.
114. Мавродин В.В. Крепостнический характер дворянского предпринимательства в конце XVIII и начале XIX в. // Проблемы истории докапиталистических обществ. – № 4. – С. 55-64.
115. Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (По материалам переписки). – М., 1999. – 302 с.
116. Мигулин П.П. Экономический рост русского государства за 300 лет. – М., 1913.
117. Миллер Е.К.Х. Нечто о винокурении. // Труды ВЭО. – СПб., 1789.
118. Миллер Е.К.Х. Некоторые прибавления о выгодах при курении вина. // Труды ВЭО. – СПб., 1798.

119. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М., 1998. – 573.
120. Милов Л.В. О некоторых вопросах первоначального накопления и генезиса капитализма в России. // Вопросы истории. –1969. – № 7. – С. 89-108.
121. Милов Л.В. Исследования об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (к истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.) – М., 1965. – 318 с.
122. Милов Л.В. Формирование аграрно-товарного рынка Европейской России в середине XVIII - конце XIX в. (опыт количественного анализа): Автореф. дис. докт. ист. наук. – М., 1973.
123. Милов Л.В. О российском типе генезиса капитализма. // Новая и новейшая история. – 1987. – № 2.
124. Минц С.С. Социальная психология российского дворянства последней трети XVIII - первой трети XIX в. в освещении источников мемуарного характера. Автореф. дис. канд. ист. наук. – М.: МГУ, 1981. – 22 с.
125. Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII - первой половине XIX в. – Л.: Наука, 1981. – 259 с.
126. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Изд.3, испр. и дополн. – СПб., 2003. – Т.1-2.
127. Миронов Б.Н. Статистическая обработка ответов на сенатскую анкету 1767 г. о причинах роста хлебных цен / Математические методы в исторических исследованиях. – М., 1972. – С.89-104.
128. Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII-XIX вв.) – Л.: Наука, 1985. – 302 с.

129. Назаревский В.В. Царствование императрицы Екатерины II. – М., 1913. – 80 с.
130. Недосекин В.И. Наказы в Законодательную комиссию 1767 г. от Воронежской губернии как исторический источник (К вопросу о формировании капиталистического уклада в черноземной губернии): Автореф. дис. канд. ист. наук. – Воронеж, 1953.
131. Недосекин В.И. Социально-экономическое развитие Черноземного центра России во второй половине XVIII в.: Автореф. дис. докт. ист. наук. – М., 1968.
132. Нерсесова Э.А. Экономическое состояние Костромской провинции Московской губернии по хозяйственным анкетам 1760-х годов. // Исторические записки. – 1952. – Т. 40.
133. Николаева А.Т. Русское источниковедение XVIII века.: Автореф. дис. докт. ист. наук. – М., 1968.
134. Нольде Э.Д. Питейное дело и акцизная система. – СПб., 1882. – Ч. 1-2.
135. Омельченко О.А. Комиссия о составлении проекта нового уложения 1767 г. и развитие русского права во второй половине XVIII века (К постановке вопроса) // Очерки кодификации и новеллизации буржуазного гражданского права. – М.: ВЮЗИ, 1983. – С. 89-106.
136. Осьмнадцатый век. – М., 1868-69. – Т. 1-4.
137. Очерки истории Кировской области. – Киров, 1972.
138. Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. – М., 1956.
139. Павленко Н.И. Екатерина Великая. М., 1999. – 495 с.

140. Павленко Н.И. Одворянивание русской буржуазии в XVIII в. // История СССР. – 1961. – № 2. – С. 78-87.
141. Павленко Н.И. Спорные вопросы генезиса капитализма в России. // Вопросы истории. – 1966. – № 11. – С. 81-102.
142. Павленко Н.И. К вопросу об эволюции дворянства в XVII-XVIII вв. // Вопросы генезиса капитализма в России. – Л., 1960. – С. 54-75.
143. Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII века: Заводы и заводовладельцы. – М.: АН СССР, 1962. – 566 с.
144. Павленко Н.И. Страсти у трона. – М., 1996. 320 с.
145. Павлов-Сильванский Н.П. Очерки по русской истории XVIII-XIX вв. – СПб., 1910.
146. Пажитнов К. К вопросу о «переломе» в мануфактурной промышленности XVIII века. // Вопросы истории. – 1948. – № 3. – С. 60-64.
147. Пажитнов К.А. Промышленный труд в крепостную эпоху. – Л., 1924. – 152 с.
148. Пахомов С.А. Полный теоретический и практический курс винокурения. // Записки Императорского общества сельского хозяйства южной России. – 1863. – Февраль.
149. Пахомов С.А. Взгляд на прошедшее и настоящее состояние винокурения в России. – Одесса, 1866.
150. Пекарский П.П. Жизнь и литературная переписка П.И. Рычкова. – СПб., 1867.
151. Переход от феодализма к капитализму в России. – М., 1969.
152. Петрович А.А. История царствования императрицы Екатерины II. – М., 1908. – 304 с.

153. Петровская И.Ф. Об изучении помещтно-вотчинных архивных фондов XVIII - первой половины XIX в. // Проблемы источниковедения. – М., 1958. – Вып. VI. – С. 18-66.
154. Пичета В.И. История России 18-го века. – М., 1915. –189 с.
155. Плющевский Б.Г. Частновладельческая промышленность на территории Вятской губернии в конце XVIII и первой половине XIX века. // Ученые записки Удмуртского пединститута. – Ижевск, 1958. – Вып. 14.
156. Погожев А.В. Вотчинные фабрики и их фабричные. // Вестник Европы. – 1889. – Т. 4.
157. Подъяпольская Е. К вопросу о дворянской задолженности в конце XVIII века. // Известия Нижневолжского института краеведения им. М.Горького. – Саратов, 1929. – Т. 3.
158. Покровский В. Историко-статистическое описание Тверской губернии. – Тверь, 1879. – Вып. 1.
159. Поленов Д. Исторические сведения о Екатерининской Комиссии для сочинения проекта Нового Уложения. – СПб., 1875. – Ч. 1-3.
160. Полянский Ф.Я. Экономический строй мануфактуры в России XVIII века. – М., 1956. – 454 с.
161. Помпеев Ю.А. История и философия отечественного предпринимательства. – СПб., 2002. – 272 с.
162. Пономарев А.М. Промышленность России в XVIII веке (К вопросу о генезисе капитализма). – Ярославль, 1980. – 97 с.
163. Пономарев Н.В. Исторический обзор правительственных мероприятий к развитию сельского хозяйства в России от начала государства до настоящего времени. – СПб., 1888.

164. Порай-Кошиц И. История русского дворянства от IX до конца XVIII века. – СПб., 1900.
165. Поршнева Б.Ф. Очерк политической экономии феодализма. М.: Госполитиздат, 1956. – 207 с.
166. Посконин В.В. Естественно-правовые воззрения М.М. Щербатова и А.П. Сумарокова. // Правоведение. – 1980. – № 6. – С. 58-64.
167. Похлебкин В.В. История водки (IX-XX вв.). – М., 1991. – 288 с.
168. Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. – М., 1997. – 344 с.
169. Предтеченский А.В. Волнения рабочих в крепостную эпоху. – М., 1934. – 116 с.
170. Прохоров М.Ф. Помещичьи крестьяне Московской губернии в третьей четверти XVIII века: Автореф. дис. канд. ист. наук. – М., 1975.
171. Прыжов И.Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. – СПб. – М., 1868.
172. Пыпин А.Н. Времена Екатерины II. // Вестник Европы. – 1895. – Кн. 5-6.
173. Пчелин Н.Н. Екатерининская комиссия «О сочинении проекта Нового Уложения» и современное ей русское законодательство. – М., 1915. – 144 с.
174. Пятницкая К.Н. Вольное Экономическое Общество и вопросы развития сельского хозяйства в конце XVIII и в первой четверти XIX в.: Автореф. дис. канд. ист. наук. – Л., 1950.

175. Ржаникова Т.П. Помещичьи крестьяне Среднего Поволжья накануне восстания Е. Пугачева (50 - начало 70-х гг. XVIII в.): Автореф. дис. канд. ист. наук. – Л., 1953.
176. Романович-Славатинский А.В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. – СПб., 1870. – 564 с.
177. Российский винокур. Старинные рецепты. Собранный из разных иностранных и российских сочинений и записок. Публикуется по изд. 1796 года. – М., 1993. – 144 с.
178. Рожков М.П. Особенности первоначального накопления в России (1700-1865 гг.): Автореф. дис. канд. экон. наук. – М., 1958.
179. Рубинштейн Н.Л. Крепостное хозяйство и зарождение капиталистических отношений в XVIII в. // Ученые записки МГУ. – История СССР. – Вып. 87.
180. Рубинштейн Н.Л. Уложенная комиссия 1754-1766 гг. и ее проект нового уложения «О состоянии подданных вообще» (К истории социальной политики 50-х - начала 60-х годов XVIII в.). // Исторические записки. – М., 1951. – Т. 38.
181. Рубинштейн Н.Л. Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России XVIII века. // Вопросы истории. – 1952. – № 2. – С. 74-101.
182. Рубинштейн Н.Л. Топографические описания наместничеств и губерний XVIII в. – памятники географического и экономического изучения России. // Вопросы географии. История географических знаний и историческая география СССР. – М., 1953. – Сб. 31.
183. Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. (историко-экономический очерк). – М., 1957. – 496 с.

184. Русов Н.Н. Помещичья Россия по запискам современников. – М., 1911. – 176 с.
185. Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. – СПб., 1903. – Т. 1-2.
186. Сивков К.В. Вопросы сельского хозяйства в русских журналах последней трети XVIII века. // Материалы по истории земледелия в СССР. – М., 1952. – Сб. 1.
187. Сивков К.В. Источники по истории сельского хозяйства европейской России второй половины XVIII в. // Проблемы источниковедения. – М., 1959. – Т. 8. – С. 144-190.
188. Словарь русских писателей XVIII века.– Л. – СПб., 1988-1999. – Вып. 1-2.
189. Сметанин С.И. История предпринимательства в России: Курс лекций. – М., 2002. – 196 с.
190. Сметанин С.И., Конотопов М.В. Развитие промышленности в крепостной России. – М., 2000. – 470 с.
191. Смилянская Е.Б. Дворянское гнездо середины XVIII века (Тимофей Текутьев и его «Инструкция о домашних порядках»). – М., 1998. – 204 с.
192. Сретенский Л.В. Помещичья вотчина нечерноземной полосы России во второй половине XVIII в. (по материалам Ярославских вотчин Щербатова): Автореф. дис. канд. ист. наук. – Ярославль, 1960.
193. Сретенский Л.В. Помещичья инструкция второй половины XVIII века. // Краеведческие записки. – Ярославль, 1960. – Вып. IV. – С. 197-211.

194. Струве П.Б. Крепостное хозяйство: Исследования по экономической истории России XVIII и XIX вв. – СПб., 1913.
195. Струмилин С.Г. Экономическая природа первых русских мануфактур // Вопросы истории. – 1948. – № 6. – С. 60-70.
196. Струмилин С.Г. Очерки экономической истории СССР. – М., 1960. – 548 с.
197. Сумароков П.И. Обзорение царствования и свойств Екатерины Великой. – СПб., 1832. – Ч. 1-3.
198. Такала И.Р. «Веселие Руси»: История алкогольной проблемы в России. – СПб., 2202. – 336 с.
199. Тарле Е.В. Была ли екатерининская Россия экономически отсталой страной? / Запад и Россия. Статьи и документы из истории XVIII-XIX вв. – Пг., 1918. С. 122-149.
200. Титов А.А. Кураковщина. Историко-этнографический очерк. – Ярославль, 1866.
201. Толстой Д. История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II. – СПб., 1848.
202. Троицкий С.М. Дворянские проекты укрепления государственных финансов в России в середине XVIII века. // Вопросы истории. – 1958. – № 2.
203. Троицкий С.М. Дворянские проекты создания «третьего чина». // Общество и государство феодальной России. – М.: Наука, 1975.
204. Троицкий С.М. Россия в XVIII веке. Сборник статей и публикаций. – М., 1982.

205. Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке (формирование бюрократии). – М., 1974. – 396 с.
206. Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. – М., 1966.
207. Троицкий С.М. Россия в XVIII веке. – М.: Наука, 1982. – 254 с.
208. Труайя А. Екатерина Великая. – М., 2003. – 480 с.
209. Туган-Барановский М. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. – М., 1997. – 735 с.
210. Турчинович О.В. История сельского хозяйства в России от времен исторических до 1850 года. – СПб., 1854.
211. Тюгаев Н.Ф. Крепостная деревня Мордовии в конце XVIII – первой половине XIX века. – Саранск, 1975. – 256 с.
212. Уханов И.С. Рычков. – М., 1996. – 235 с.
213. Федоров В.А. Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII - первой половины XIX в. – М., 1974. – 308 с.
214. Фирсов Н.Н. Некоторые черты из истории торгово-промышленной жизни Поволжья. – Казань, 1898.
215. Фирсов Н.Н. Петр III и Екатерина II. Первые годы ее царствования. – Пг. – М., 1915.
216. Фирсов Н.Н. Русское законодательство о хлебном вине в XVIII ст. (Страница из истории права XVIII ст.) – Казань, 1892.
217. Флоровский А.В. Из истории екатерининской законодательной комиссии 1767 г. – Одесса, 1910.

218. Флоровский А.В. Состав Законодательной комиссии 1767-1774 гг. – Одесса, 1915. – 610 с.
219. Фридман М.И. Винная монополия. – СПб. – Пг., 1914-1916. – Т. 1-2.
220. Хованский Н.Ф. Помещики и крестьяне Саратовской губернии. – Саратов, 1911.
221. Ходнев А.И. История императорского Вольного экономического общества с 1765 по 1865 г. – СПб., 1865.
222. Хорькова Е.П. История предпринимательства и меценатства в России. – М., 1998. – 496 с.
223. Храповицкий А.В. Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря Императрицы Екатерины Второй. Репринтное воспроизведение издания 1862 г. – М., 1990. – 298 с.
224. Хромов П.А. Очерки экономики феодализма в России. – М., 1957.
225. Хромов П.А. Экономическая история СССР (первобытно-общинный и феодальный способы производства в России). – М.: Высшая школа. – 1988. – 272 с.
226. Цветков М.А. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 г. – М., 1957.
227. Чайковская О.Г. Императрица. Царствование Екатерины II. – М., Смоленск, 1998. – 512 с.
228. Чекунова А.Е. Опыт изучения инфраструктуры сельского хозяйства Англии русским крепостным Иваном Судаковым в конце XVIII века / Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. XXIX сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. 2004 г. – М., 2004. – С.26-28.

229. Чечулин Н. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII в. – СПб., 1889. – 115 с.
230. Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. – СПб., 1906.
231. Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великой. – СПб.-М., 1781-1788. – Т. 1-7.
232. Чулков М. Записки экономические для всегдашнего исполнения в деревнях прикащику. – Б.м., 1790.
233. Шильдер Н.К. Император Павел I. – СПб., 1901.
234. Шмидт С.О. Проект П.И.Шувалова 1754 г. «О разных государственной пользы способах» // Исторический архив. – 1962. – № 6.
235. Шмидт С.О. Внутренняя политика России середины XVIII века. // Вопросы истории. – 1987. – № 3. – С. 42-58.
236. Щерблыгина И.В. Андрей Тимофеевич Болотов: Гармония мира и души. – М., 2003. – 288 с.
237. Щепетов К.Н. Крепостное право в вотчинах Шереметевых. – М., 1947. – 378 с.
238. Щербатов М.М. Собрание сочинений. – СПб., 1896-1898. – Т. 1-2.
239. Экономическая история. Предпринимательство и предприниматели. – М., 1999. – 224 с.
240. Эммаусский А.В. Исторический очерк Вятского края XVII-XVIII веков. – Киров, 1956.

241. Эммаусский А.В. Экономическое развитие Вятской губернии в конце XVIII века. // Ученые записки Кировского пединститута. – Киров, 1965. – Вып. 19.
242. Энгельманн Г. Приготовление дрожжей для хлебного вина. // Труды Вольного экономического общества. – СПб., 1798. – Ч. III.
243. Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII в. – М., 1959. – Т. 1-2.
244. Юровский Л.Н. Саратовские вотчины. Статистико-экономические очерки и материалы из истории крупного землевладения и крепостного хозяйства в конце XVIII и в начале XIX столетия. – Саратов, 1923.
245. Юрчук К.И. Помещичье промышленное предпринимательство в России в первой половине XIX в. (на материалах винокуренной промышленности): Дис. канд. ист. наук. – Черновцы, 1974.
246. Юрчук К.И. Вотчинно-посессионные мануфактуры в России в XVIII - XIX вв.: Учеб. пособие. – Ярославль, 1989. – 84 с.
247. Яблочков М. История дворянского сословия в России. 2-е изд. – Смоленск, 2003. – 576 с.
248. Яковцевский В.Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. – М., 1953. – 202 с.
249. Яцунский В.К. Социально-экономическая история России XVIII-XIX вв. – М.: Наука, 1973. – 302 с.